

В. М. ПАСЕЦНИЙ

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ НОВОЙ ЗЕМЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Серия «История науки и техники»

В. М. ПАСЕЦКИЙ

**ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ
НОВОЙ
ЗЕМЛИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1980

П 19 Пасецкий В. М. Первооткрыватели Новой Земли.—М.: Наука, 1980.—192 с., (Серия «История науки и техники»)

В книге рассказывается об истории открытия одного из самых обширных архипелагов Арктики. От первого похода помора Саввы Лошкина до плавания вокруг Новой Земли знаменитого полярного путешественника Владимира Александровича Русанова, — таков путь новоземельских изысканий.

Большое внимание уделено исследованиям В. Баренца, Г. В. Поспелова, Ф. П. Литке, П. К. Пахтусова, А. К. Цивельки, доставивших науке первые сведения о фауне и флоре островов, их геологическом строении, климате, промысловых богатствах.

19.5.2

Ответственный редактор

академик А. П. ОКЛАДНИКОВ

© Издательство «Наука», 1980 г.

П $\frac{20901-012}{054(02)-80}$ БЗ 94-22-79 1905020000

ВВЕДЕНИЕ

Открытие и исследование Новой Земли охватывает почти тысячелетие, от первых походов поморов в XI—XII вв. до плаваний в 1910—1911 гг. вокруг северного и южного островов Новой Земли выдающегося полярного исследователя Владимира Александровича Русанова, принадлежавшего к первому поколению русских социал-демократов.

При исследовании исторических источников от русских летописей до архивных документов начала XX в. был собран новый обширный материал об экспедициях в полярные страны. Он позволил, хотя бы в самых общих чертах, восстановить картину великих подвигов многих поколений мореплавателей и ученых, которые из века в век стремились к этому исполинскому острову, ревниво охранявшему «льдяными препонами» подступы к таинственному Северо-Восточному проходу.

Их героическими усилиями медленно приподнималась завеса таинственности, окружавшая Новую Землю. Ее первооткрывателей природа встречала сурово: жестокие морозы, льды и снега, порой почти наглухо заносившие их убогие жилища. Недели, месяцы, годы они питались сухарями и солониной, пили затхлую воду, плавали на открытых суденышках среди льдов.

Документальные материалы, посвященные изучению Новой Земли, весьма обширны. Но они относятся в основном к XIX — началу XX в. Это десятки дневников и описаний путешествий, сотни рапортов и донесений, тысячи научных наблюдений, и в частности метеорологических и магнитных.

Несравненно более скудны источники, относящиеся к более ранним временам, в особенности к первым столетиям существования Русского государства. Перед историком стоит весьма сложная задача — по отдельным,

случайно уцелевшим свидетельствам восстановить картину первых плаваний и первых представлений русских поморов о Новой Земле, западные берега которой они изведали до того, как к ним впервые приблизились англичане, а затем голландцы. Очень важным представляется раскрыть задачи и ход знаменитых путешествий Виллема Баренца, со своими спутниками зимовавшего на северо-восточной оконечности Новой Земли, в Ледяной гавани. Решение этой задачи облегчается тем, что отдел истории Нидерландов Государственного музея в Амстердаме предоставил в распоряжение автора гравюры и карты, относящиеся к плаваниям Баренца.

Существенную часть этого исторического повествования составляет рассказ о первых русских государственных экспедициях на Новую Землю и плавании помора Саввы Лошкина, впервые обошедших все берега Новой Земли — от Карских Ворот до мыса Желания.

Особое внимание уделено плаваниям Г. В. Поспелова, Ф. П. Литке, П. К. Пахтусова, А. К. Цивольки, усилиями которых были достоверно картированы почти все западные и восточные берега Новой Земли. Благодаря их исследованиям на смену полуфантастическим представлениям об этом острове, якобы соединявшемся с Америкой, пришли точные знания и объективные научные представления не только о берегах Новой Земли, но и о ее природе, в том числе первые инструментальные геофизические наблюдения как на берегах Новой Земли, так и в ее водах. Именно их труды проложили путь к первым попыткам освоения великой северной морской трассы и сделали возможным в дальнейшем правильное судоходство не только в Баренцевом, но и в Карском море.

Подвижническая деятельность Г. В. Поспелова, Ф. П. Литке, П. К. Пахтусова, А. К. Цивольки показана в основном на базе новых документальных источников, с использованием научного и эпистолярного наследия В. М. Головина, Г. А. Сарычева, И. Ф. Крузенштерна, Ф. П. Литке, М. Ф. Рейнеке и др.

Особенно важно было всесторонне раскрыть деятельность первой академической экспедиции на Новую Землю, которую возглавлял великий естествоиспытатель К. М. Бэр. Это тем более необходимо, что в научной и научно-популярной литературе бытует неверное утверждение, что Бэр назвал Карское море ледником и тем самым якобы

задержал освоение западного участка Северного морского пути. В действительности, анализируя первые метеорологические наблюдения, он прозорливо предсказал существование Новоземельского ледяного массива, который является серьезным препятствием даже для современных судов. Бар к тому же наметил план широкого изучения Севера в естественнонаучном отношении, который обнаружен нами в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде.

Не менее существенным представляется раскрытие исследований России на Новой Земле во время Первого международного полярного года и научных предприятий Академии наук, в том числе плавания академика А. Ф. Миддендорфа, геологических изысканий академика Ф. Н. Чернышева, наблюдений академика Б. Б. Голицына во время солнечного затмения 1896 г.

Заключительная часть книги посвящена путешествиям на Новую Землю Владимира Александровича Русанова, который первым из ученых обошел сначала ее северный, а затем и южный остров, повторив тем самым подвиг помора Саввы Лопкина. Русанов пять лет посвятил исследованию Новой Земли, составил карты ее северных берегов, создал цикл работ по геологии и географии этого арктического архипелага. Его подвиг — одна из самых ярких, самых удивительных страниц истории изучения Арктики. С новоземельскими исследованиями связано его решение отправиться в плавание по Северному морскому пути на деревянном «Геркулесе», который бесследно исчез во льдах вместе со своими отважными обитателями. Судьба этой экспедиции и по сей день привлекает внимание многих советских людей.

И наконец, на последних страницах этой книги будет рассказано об открытиях и наблюдениях на Новой Земле экспедиции Г. Я. Седова, которая на пути к Северному полюсу зазимовала у берегов северного острова Новой Земли, и ее участники пересекли покрывавший его сплошной ледяной купол.

Это небольшое историческое повествование в значительной степени основано на новых архивных материалах, собранных в течение четверти века и составляющих лишь часть обширнейшего комплекса нередко уникальных документов об открытиях и исследованиях в Арктике с древнейших времен до начала XX в.

В этом поиске добрую помощь автору постоянно оказывали сотрудники Ленинградского отделения архива Академии наук СССР, Центрального государственного архива Военно-Морского Флота, Центрального государственного исторического архива в Ленинграде, Центрального государственного архива древних актов, Центрального военно-исторического архива, Центрального государственного исторического архива ЭССР в Тарту, Центрального государственного архива Октябрьской революции, Государственных архивов Новгородской, Орловской, Архангельской областей, Музея Арктики и Антарктики, Центрального музея Военно-Морского Флота, библиотеки Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники АН СССР, библиотеки Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР, библиотеки Главной геофизической обсерватории им. А. И. Воейкова, Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.

ПЕРВЫЕ ПЛАВАНИЯ К НОВОЙ ЗЕМЛЕ

История открытия Арктики охватывает обширнейший круг географических проблем. Среди них особое место занимают открытие Северо-Восточного и Северо-Западного проходов, достижение Северного полюса, поиски исполкинского континента в центре Арктики, который привлекал внимание многих поколений путешественников и землепроходцев, великих ученых и выдающихся государственных деятелей. За части этого континента была первоначально принята Новая Земля, о чем прежде всего свидетельствует ее название. Первооткрыватели были уверены, что обрели для Руси грандиозную сушу, возможно, не менее великую, чем та, на которой они обитали. Во всяком случае, так считали древние новгородцы, освоившие путь от Белого моря до Царьграда и начавшие промыслы на берегах и в водах Новой Земли.

Одно из таких свидетельств нам оставил знаменитый русский землепроходец Михаил Стадухин. В 1646 г. он первым спустился к устью Колымы и от местной житель-

ницы по имени Калиба получил сведения о том, что на морском пути из устья Лены на восток «учнет объявляется остров, на котором горы снежные и пади и ручьи знатны все». По мнению Стадухина и его спутников, тот остров являлся частью каменного пояса, простиравшегося на восток от Новой Земли, на которую «из Поморья с Мезени ходят». И Стадухин и сопутствовавшие ему промышленники — выходцы из русского Поморья — были убеждены в следующем: «...и против Енисейского и Тазовского и Ленского устья тот остров Камень тож все один, что называют Новою Землю»¹.

По сведениям, полученным Стадухиным от жителей Колымского Севера, этот остров продолжался дальше на восток, к устью реки Пагычи, что находилась не менее чем в трех сутках плавания «парусным погодьем». Когда море между материком и островом замерзало, к нему ездили чукчи, где занимались охотой на моржей.

Мы еще вернемся к этому важному свидетельству, а пока обратимся к выяснению вопроса о том, кто и когда открыл Новую Землю.

Географы, мореплаватели, историки всего мира единодушны в том, что честь обретения этого острова принадлежит русским людям. «В пространнейшем смысле первыми открытиями сей земли были, без сомнения, россияне, обитатели Двинской области, — писал Ф. П. Литке в 1825 г. — Настоящее ее название, которого никогда и никто у ней не оспаривал, достаточно то доказывает. Замечательно, что ни одному из мореплавателей XVI и XVII веков, имевших особенную страсть давать свои имена землям и местам, уже прежде открытым и названным (что они доказали над материком и островами Новой Земли прилежащими), не пришло в мысль переименовать по-своему и сию последнюю. Самые первые из них говорят об ней, как о такой земле, о которой они уже прежде слыхивали, они находили на отдаленнейших к северу берегах ее кресты с славянскими надписями, развалины жилищ и пр. Русские мореходцы, им встречавшиеся, указывали им путь, давали наставления. Все сие доказывает, что россиянам в половине XVI века все берега Северного океана были подробно известны и что после-

---

¹ Дополнение к актам историческим. СПб., 1848, т. 3, с. 99—100.

довательно мореходствовать по оному начали они несколькими уже веками ранее»².

Более двух столетий ученые и путешественники обсуждают вопрос о вероятной дате открытия Новой Земли. Одни осторожно предполагают, что это произошло в XI в., другие более уверенно называют XIII в., наконец, третьи утверждают, что Новая Земля обретаена русскими людьми не позже конца XV столетия.

Чтобы внести некоторую ясность в этот интересный и сложный вопрос, прежде всего рассмотрим сведения о том, когда наши соотечественники вышли к европейским берегам Северного Ледовитого океана. По мнению известного советского историка В. В. Мавродина, новгородцы основали постоянные промысловые поселения на берегах Белого моря не позже XI в.³ Именно этим веком датируется поход Улеба в 1032 г. к Железным Воротам, под которыми, возможно, подразумевается пролив Карские Ворота, отделяющий остров Вайгач от Новой Земли. Известно, что многие участники этого похода погибли. При этом не сказано, что они погибли от рук врага, как обычно отмечалось в летописях. Правда, названия Железные Ворота имеются и на Каспийском и Белом морях, и на острове Медвежьем в Шпицбергенском архипелаге, и, наконец, на реке Уsole, недалеко от Усть-Сысольска (Сыктывкара) — «столицы» Печорского края.

«Печора» с древнейших времен входила в состав Русского государства, о чем свидетельствуют все ранние и поздние варианты «Повести временных лет». В составе третьего варианта этого величайшего исторического памятника имеются два свидетельства о походах новгородцев на северо-восток Европы.

Под 1096 г. автор третьего варианта «Повести временных лет» поместил рассказ Юраты Роговича. Последний поведал летописцу, что посылал в поход своего отрока в Югру. Жители этой области Руси, соседствующие на севере с ненцами, сообщали новгородцам, что в полуночных странах находятся горы, упирающиеся в море. «Путь же к тем горам непроходим из-за крепостей, снега

---

² Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан. СПб., 1828, ч. 1, с. 2.

³ Мавродин В. В. Начало мореходства на Руси. Л., 1949, с. 126.

и леса... Этот путь идет и дальше на север. Жители Югры сказывали, что до этих гор они никогда не доходили»⁴.

Этот рассказ имеется и в «Летописце Русском». Правда, издатель летописи Николай Львов назвал «скаску сию сущим бредом»⁵. В «Летописец Русской» не вошла еще одна запись создателя третьего варианта «Повести временных лет», где под 1114 г. имеется свидетельство жителей города Ладоги о том, что «живы еще старики», которые ходили «за Югру и за Самоядь» и видели сами в северных странах, «как спустится туча, и из той тучи выпадут белки молоденькие, будто что родившиеся, и выросши расходятся по земле, а в другой раз бывает другая туча, и из нее выпадают оленьцы маленькие и выросши расходятся по земле»⁶. Это летописное свидетельство очень важно. Благодаря скупым словам древнерусской исторической повести становится очевидным, что в конце XI в. русским были известны как области «печоры» (коми) и ненцев («самоядь»), так и районы, лежащие за полуночными странами.

Эти записи, находящиеся в составе «Повести временных лет», были проанализированы академиком Д. С. Лихачевым, который пришел к весьма интересному выводу. По мнению ученого, помещенные под 1096 и 1114 гг. в «Повести временных лет» рассказы о северных странах имеют внутреннюю связь и, составляя одно целое, передают реально имевший место разговор летописца в Ладоге в 1114 г. Они записаны в 1118 г., т. е. принадлежат составителю третьей редакции «Повести временных лет»⁷.

В XII в., по свидетельству В. В. Мавродина, русские обложили данью не только жителей Печорского Севера, но и обитателей Кольского полуострова до границ с Норвегией. К этому времени новгородцы на своих судах уже «бороздили воды как Белого, так и Баренцева морей»⁸.

Вероятно, именно в XI или XII в. русскими была открыта Новая Земля. Тот факт, что столь важное событие не нашло отражения в первых русских летописях, можно

---

⁴ Повесть временных лет. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950, ч. 1, с. 369.

⁵ Летописец Русской. СПб., 1792, ч. 1, с. 183.

⁶ Повесть временных лет, ч. 1, с. 400.

⁷ Лихачев Д. С. Повесть временных лет: Историко-литературный очерк.— В кн.: Повесть временных лет, ч. 2. Приложения, с. 127.

⁸ Мавродин В. В. Начало мореходства на Руси, с. 128.

объяснить тем, что в этом веке центр летописания находился в Киеве. Естественно, что в летописях находили отражение прежде всего события, происходившие в южнорусских землях. И если бы автор третьего варианта «Повести временных лет» не предпринял путешествия в Ладогу для сбора исторических данных, вряд ли дошли бы до потомков драгоценные свидетельства о давнем знакомстве русских с крайним северо-востоком Европы. Напомним, что великие географические открытия русских на севере Азии также не были замечены официальными историографами.

В пользу довода, что русским Новая Земля была известна, вероятнее всего, с XI или XII в., приведем выдержку из записок Плано-Карпини, ездившего в 1246 г. по заданию папы Иннокентия IV с разведывательными целями в столицу татаро-монгольского ханства. В них он отмечал, что за страной ненцев (самоедов) находится океан, за которым расположена некая земля, где обитают человеко-звери. Ее жители имели во всем человеческий облик, но концы ног у них были, как у быков. Два слова они говорили «на человеческий лад, а третье лаяли по-собачьи»⁹.

Несмотря на фантастические, столь характерные для средневековья, сведения о жителях полярных стран, сообщение Плано-Карпини о земле, лежащей к северу от страны самоедов, заслуживает внимания. Тем более что через 46 лет они будут подтверждены знаменитым путешественником Марко Поло. «В том море-океане,— писал Поло,— есть острова. Они находятся так далеко на север, что полярная звезда остается позади к югу»¹⁰.

Ни Плано-Карпини, ни Марко Поло не были в северо-восточных областях Европы. Не были там и татаро-монголы, от которых путешественники получили сведения об островах в западной половине Ледовитого океана. Бесспорно, что эти данные были добыты татаро-монгольскими завоевателями через посредство русских и затем уже, вероятнее всего в сильно преувеличенном виде, сообщены западноевропейским путешественникам.

Примерно такой же датировки открытия Новой Земли придерживался и А. Э. Норденшельд. Известный путеше-

⁹ Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей/Введ., ред. и коммент, М. П. Алексева. Иркутск, 1932, с. 8.

¹⁰ Там же, с. 34.

ственник считал, что русские узнали о Новой Земле за несколько столетий до того, как ее берегов достигли мореплаватели Западной Европы, и в частности англичане и голландцы, искавшие Северный морской путь из Атлантики в Тихий океан.

Норденшельд в отличие от исследователей различных поколений справедливо не прибегает к «первому свидетельству, прямо называющему Новую Землю». Речь идет о цитате из записок итальянского писателя Мавро Урбино, которые поместил Н. Витсен в своем известном труде «Северная и восточная Татария». Помещенный в книге отрывок гласит: «Россияне из Биармии, по уверению Вагриса, плавающие по Северному морю, открыли около 107 лет назад остров, дотоле неизвестный, обитаемый славянским народом и подверженный (по донесению Филиппа Калимаха папе Иннокентию XVIII) вечной стуже и морозу. Они назвали остров Филаподия; он превосходит величиной остров Кипр и показывается на картах под именем Новая Земля»¹¹.

По мнению Витсена, сообщение Мавро Урбино о славянском населении Новой Земли «заставляло думать, что в то время была она еще малоизвестна»¹². Прежде всего напомним, что сочинение Урбино появилось в начале XVII в. и его ценность, как справедливо отметил Ф. П. Литке, заключается лишь в свидетельстве о том, что европейские авторы единодушны в главном: Новая Земля была открыта русскими. Что касается даты открытия Новой Земли, сообщенной итальянским писателем, то она принадлежит к области запоздалых сенсаций. К началу XVII в. в Западной Европе были прекрасно осведомлены о Новой Земле и о широких промыслах русских поморов на ее берегах. В Европе даже знали, что на Новой Земле имеются промысловые избы (например, в губе Строгановой).

Еще в конце XV в. русские предпринимали путешествия из Белого моря в Западную Европу и из Европы к устью Северной Двины, а в 1508 г. и на карте западноевропейского ученого Рюйша был впервые изображен остров примерно в том районе, где расположена Новая Земля.

¹¹ Цит. по кн.: Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие..., с. 13.

¹² Там же, с. 14.

До XIX в. дошли предания о том, что на Новой Земле, в окрестностях губы Серебрянки, новгородцы добывали чистое серебро. Более того, по словам члена-корреспондента Петербургской академии наук В. В. Кристинина, в Архангельской губернской канцелярии хранилось архивное дело «об отправлении повелением государя Ивана Васильевича рудокопов искать на Новой Земле серебряную руду по примеру новгородцев»¹³.

Рассказы о добыче новгородцами серебра на Новой Земле не раз являлись побудительной причиной для снаряжения поисковых экспедиций, последняя из которых была отправлена в 1807 г. известным русским государственным деятелем Н. П. Румянцевым. Рудники, в которых древние новгородцы добывали серебро, до сих пор на Новой Земле не обнаружены. Но зато достоверно установлено, что уже в XIII в. новгородцы вышли не только к устью Оби, но и к лежащему за ним морю.

Спустя два столетия русскими был заселен Печорский Север и начато интенсивное освоение Приобья. Это обстоятельство также не осталось незамеченным в Западной Европе, которая через московское правительство пыталась узнать путь на Обь. Следовательно, в XV в. русскими был изведен западный участок Северного морского пути, который проходил вблизи Новой Земли. Подтверждением тому является сообщение русского посла в Риме Дмитрия Герасимова.

В беседе с итальянским ученым Паоло Джиовио, происшедшей в 20-х годах XVI в., он поведал, что русские с давних времен бывают в краю юкагиров и вогулов, платящих дань московскому царю. На восток от них, по словам Дм. Герасимова, «есть другие отдаленные племена людей, неизвестные москвитам из какого-либо определенного путешествия, так как никто не доходил до океана; о них знают только по слухам, да еще из баснословных по большей части рассказов купцов. Однако достаточно хорошо известно, что Двина, увлекая бесчисленные реки, несется в стремительном течении к северу и что море там имеет такое огромное протяжение». Держась правого берега, указывает Дм. Герасимов, из Двины

---

¹³ Кристинин В. В. Географическое известие о Новой Земле.— В кн.: Путешествия академика Ивана Лепехина. СПб., 1805, ч. 4, с. 150.

можно добраться на кораблях до Тихого океана, если не «встретится какой-нибудь земли»¹⁴.

Разумеется, в проекте шла речь не о Новой Земле, которая, как было и будет показано, к этому времени уже являлась объектом русской промысловой деятельности. Весьма важно свидетельство Паоло Дживовио о том, что Дм. Герасимов имел с собой русскую карту Севера Евразии.

Эти сведения итальянский ученый опубликовал в 1525 г. в «Книге о посольстве Василия к Клименту VII». Вероятно, они в скором времени стали известны в западноевропейских странах и явились толчком к снаряжению многих экспедиций для отыскания Северного морского пути (Северо-Восточного прохода) в Тихий океан через северные моря. Именно эти экспедиции привезли в Европу сведения о русских промыслах на Новой Земле. Так, в 1553 г. два из трех кораблей, направившихся на север для обследования морского пути из Англии в Тихий океан, как полагают, достигли берегов Новой Земли, где и высадились.

«Место было необитаемо,— писал Хьюг Виллоуби в своем дневнике,— но нам показалось по крестам и другим признакам, что люди бывали здесь»¹⁵. Возвращаясь от Новой Земли в Англию, два английских корабля зазимовали у берегов Мурмана, где весной следующего года их обнаружили лопари, оказавшиеся свидетелями страшной полярной трагедии. Все, находившиеся на обоих судах, были найдены мертвыми. Вместе с товарами нашли дневник командира экспедиции Хьюга Виллоуби.

Третье судно экспедиции под начальством Ричарда Чанслера проникло в Северную Двину и было дружелюбно встречено в Холмогорах русскими. Ричард Чанслер был вызван в Москву к Ивану Грозному. Так завязались торговые и дипломатические отношения между Англией и Московским государством. Пользуясь поддержкой Московского государства, в 1556 г. Англия отправила новую экспедицию для поисков Северо-Восточного прохода под начальством Стифена Барроу. В Кольском заливе он встретил «много русских людей», отправлявшихся на се-

¹⁴ Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908, с. 262.

¹⁵ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке/Пер. с англ. Ю. В. Готье, Л.: ОГИЗ, 1937, с. 45.

вер на ловлю семги и добычу моржей. Русские моряки предупредили англичан о мелях на пути к Новой Земле. Далее С. Барроу уточняет, что на промыслы в район Печоры из Колы одновременно с ним отправилось не менее 28 судов.

25 июля экспедиция С. Барроу достигла острова Междущарского, в одной из гаваней которого укрылась от шторма. Спустя три дня путешественники возобновили плавание. Вскоре они увидели в море парус.

«Я,— писал Барроу,— послал шлюпку навстречу; подойдя друг к другу, шлюпки вступили в разговор, и начальник русской шлюпки сказал, что был с нами на реке Коле и что мы проехали дорогу, которая ведет на Обь. Земля, у которой мы находились, называется „Новая Зембла“, т. е. Новая Земля. После этого он подъехал к нашему кораблю и, войдя на борт, повторил мне то же самое и добавил, что на Новой Земле находится, как он думает, самая высокая гора в мире и что большой камень, находящийся на Печорском материке, не идет в сравнение с этой горой. Я, впрочем, ее не видал. Он сделал мне также некоторые указания относительно дороги на Обь»¹⁶.

С. Барроу называет фамилию помора: Лошак (вероятно, Лошаков).

Заметки С. Барроу о встрече с Лошаковым — это несомненное указание на то, что русским была знакома не только южная часть Новой Земли, но и район Маточкина Шара, где находится самая высокая гора, достигающая более 1000 м над уровнем моря.

Экспедиция Барроу побывала только у южных берегов Новой Земли. Она не проникла в Карское море, но зато привезла в Англию драгоценные свидетельства о русском мореплавании в районе Новой Земли и в Студеном море. Спустя четверть века на промыслы в полярные воды ходило 7 426 русских ладей¹⁷.

В 1580 г. Англия снарядила еще одну экспедицию на поиски Северо-Восточного прохода. Входившие в ее состав суда «Джордж» и «Вильямс» под командованием Пита и Джекмена 7 июля встретились со льдами у берегов Новой Земли. Им удалось проникнуть в Карское море, где экспедиция провела более двух недель в ледовом плену.

¹⁶ Там же, с. 107.

¹⁷ Визе В. Ю. Моря Советской Арктики. М.: Изд-во Главсевморпути, 1948, с. 15.

17 августа они с большим трудом возвратились в Югорский Шар. На пути в Англию Джекмен и его спутники погибли.

Английские экспедиции, снаряжавшиеся, как правило, на частные средства и прежде всего искавшие Северо-Восточный проход, не внесли сколь-либо значительного вклада в изучение Новой Земли. Они лишь подтвердили, что в Северном Ледовитом океане на рубеже Европы и Азии действительно расположена земля, слухи о которой еще в XIII в. через посредство русских появились в западноевропейской географической литературе. Именно русских они встретили у берегов этого полярного архипелага и от русских не только узнали ее название, но и получили сведения о возможности достижения полярными морями Тихого океана. Сообщения английских экспедиций оказали некоторое влияние на развитие картографических представлений о самой западной части Русской Арктики. На картах второй половины XVI в. к северу от острова Вайгач изображается часть «материка», за которой сохраняется русское название Новая Земля. Сведения англичан ценны своими данными о состоянии льдов в Баренцевом и западной части Карского моря, которые могут быть полезны для воссоздания истории климата.

Собранные англичанами данные о русском мореходстве к востоку от Новой Земли спустя некоторое время весьма заинтересовали голландских коммерсантов и мореплавателей.

В 1593 г. голландский купец Балтазар Мушерон, имевший торговые дела в Московском государстве, представил нидерландскому правительству проект большой экспедиции «для открытия удобного морского пути» в Тихий океан.

Вскоре проект был утвержден. Первоначально в состав экспедиции входили два корабля: «Меркурий» под начальством Бранта Тетгалеса и «Лебедь» под командованием Корнелия Ная. Позже город Амстердам внес свой вклад в это отважное предприятие и снарядил еще два судна: корабль «Меркурий» и небольшую шхуну. Этими судами командовал Виллем Баренц, горячо интересовавшийся вопросом открытия нового морского пути.

17 июня 1594 г. корабли экспедиции достигли острова Кильдин, расположенного вблизи Кольского залива. От его берегов корабли Баренца взяли курс на северо-восток,

в то время как два других судна экспедиции, под командованием Бранта Тетгалеса и Корнелия Ная, направились к Югорскому Шару.

Из донесений амстердамских купцов, торговавших с Москвией, Виллем Баренц знал, что русским известен путь далеко на восток от Новой Земли и что они ездят с товарами в Сибирь, где имеются огромные, как море, реки Обь и Енисей. Дальше находится мыс Табин, а за ним — прямой путь на юг, в Тихий океан.

4 июля Баренц и его спутники впервые увидели северный остров Новой Земли и вскоре высадились на берег Сульменевой губы. Здесь они нашли мачту корабля, по-видимому потерпевшего крушение где-то поблизости от этих пустынных мест.

Вскоре Баренц достиг нынешнего полуострова Адмиралтейства, который в конце XVI в. был отделен узким проливом от Новой Земли. На окружающих его рифах гулко шумели прибойные волны.

7 июля 1594 г. путешественники открыли остров Вильгельма (Виллема), где обнаружили обломки русского судна. Спустя три дня на пути к северу Баренц заметил на небольшом острове два креста. Как правило, их ставили русские поморы в тех местах, которые они посещали. Этот остров моряки называли Крестовым.

Следующую остановку мореплаватели сделали у мыса Нассау, по определению Баренца находившегося между 76 и 77° с. ш. Вечером 10 июля они заметили на северо-востоке очертания обширного неизвестного острова, но он вскоре исчез так же внезапно, как и появился.

11 июля сквозь разрывы густого тумана стали заметны первые льдины. Чем севернее поднимался «Меркурий» Виллема Баренца, тем больше становилось льдов, но море было спокойно и корабль мог свободно лавировать среди них, уклоняясь то к западу, то к югу, то снова к северу.

Спустя неделю судно Баренца достигло огромного ледяного поля, простиравшегося за пределы горизонта. Держась кромки льдов, Баренц продолжал путь на север до тех пор, пока густой туман не окутал море. Пришлось спускаться к югу.

19 июля Баренц возвратился к мысу Нассау, но держался вблизи этого опасного места ненадолго. Через несколько часов, несмотря на густой туман, он снова направился на север. 25 июля путешественники были, по

словам Геррита де Фера, окружены льдом, но сумели выбраться из него. На следующий день Баренц достиг мыса Утешения. 29 июля снова встретили лед в то время, когда судно приближалось к северному окончанию Новой Земли.

31 июля Баренц достиг Оранских островов. Ему казалось, что теперь путь в Карское море открыт. Но в этот же день перед Баренцем встало новое препятствие, преодолеть которое было не менее трудно, чем полярные льды.

«Он не мог не заметить, — писал де Фер, — что, несмотря на весь приложенный труд, нелегко будет закончить начатое плавание, так как моряки стали тяготиться продолжительным замедлением и не желали идти дальше»¹⁸.

Виллем Баренц решил повернуть назад и плыть к острову Вайгач и Югорскому Шару, через который другие корабли экспедиции должны были попытаться проникнуть в Карское море.

8 августа путешественники находились вблизи Костина Шара, недалеко от южной оконечности Новой Земли. Виллему Баренцу часто докладывали о крестах и других знаках, оставленных русскими на скалистых берегах. Вблизи мыса Шанц, на скале которого стоял крест, путешественники встретили лед и вынуждены были уклониться к западу. Обогнув скопление льдов, голландцы снова повернули к востоку и вскоре достигли входа в большой залив. То была губа Строгановых. «Добравшись на лодке до берега, — писал Геррит де Фер, — они наткнулись на следы людей, которые, очевидно, заметив моряков, успели убежать. Именно там оказались шесть полных мешков ржаной муки, спрятанных в земле, и куча камней у креста, а в расстоянии ружейного выстрела стоял еще другой крест с тремя деревянными домами, выстроенными по северному обычаю. В этих домах нашли много бочарных досок и поэтому сделали предположение, что тут ведется ловля лососевых рыб... Там лежала сломанная русская ладья, длина киля которой была 44 фута. Однако людей они не видели»¹⁹.

Около недели плавал Баренц в юго-восточной части Мурманского моря (впоследствии названного его именем),

---

¹⁸ Фер Г. Плавания Баренца. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1936, с. 65.

¹⁹ Там же, с. 82.

разыскивая своих соотечественников. 15 августа с вахты дали знать, что в море видны паруса. Прошло еще немного времени, и Виллем Баренц убедился, что навстречу шли корабли под флагом Нидерландов.

Итак, все корабли экспедиции были снова вместе. Капитаны Брант Тетгалес и Корнелий Най рассказали Баренцу, что в начале раздельного плавания около Тиманского берега встретили четыре ладьи русских промышленников. Поморы на расспросы о том, можно ли проникнуть Югорским Шаром в Карское море, отсоветовали идти этим проливом. Они сообщили, что Югорский Шар доступен для судов, а затем, по-видимому шутки ради, добавили, что там не только есть льды, но и водятся огромные киты, уничтожающие суда, вступившие в их владения.

У губы Колоколовской путешественники встретили еще одну русскую ладью и от ее кормщика узнали, что киты редко появляются в проливе и не угрожают судам. Он предложил показать путь на восток через Югорский Шар. Вскоре голландцы были уже в Карском море. Льды, причинившие немало хлопот в проливе, теперь почти не мешали плаванию. Дойдя до устья реки Кары, Брант Тетгалес и Корнелий Най приняли ее за Обь и решили, что находятся недалеко от мифического мыса Табина. Голландцы думали, что выполнили свою задачу, отыскав путь в Тихий океан, и повернули обратно. Ни Виллем Баренц, ни Брант Тетгалес, ни Корнелий Най не подозревали, что от западной части Карского моря до северо-восточной оконечности Азии лежит морской путь в несколько тысяч километров и что они даже не видели берегов Ямала. Путешественники были восторженно встречены в Голландии, куда суда возвратились в сентябре 1594 г.

Спустя несколько месяцев Нидерландами была отправлена экспедиция в составе семи судов. Экспедиция должна была направиться уже изведанным путем и достичь стран Тихого океана.

В июле 1595 г. корабли покинули Голландию. Флотилией командовал Корнелий Най. Баренц был главным ее штурманом. Спустя полтора месяца они достигли южной части Новой Земли и направились в пролив Югорский Шар, где встретили тяжелые льды. Найдя удобную гавань, флотилия зашла в нее, чтобы дожидаться улучшения ледовой обстановки.

На острове Вайгач путешественники обнаружили на берегу склад ворвани. Невдалеке виднелся парус русской ладьи. Голландцы пытались выстрелами привлечь к себе внимание поморов, выбиравших сети. Однако рыбаки, бросив улов и снасти, ушли в море, по-видимому считая ружейную пальбу недостаточной основательным проявлением мирных намерений чужеземцев.

Вторая голландская экспедиция не внесла какого-либо существенного вклада в исследование Новой Земли. От поморов и ненцев, занимавшихся промыслами вблизи острова Вайгач, голландцы узнали, что русским известен морской путь до Оби и Енисея. Однако в Югорском Шаре флотилия встретила сплошной лед. Было предпринято несколько попыток проникнуть в Карское море, но успеха они не имели. Потеряв надежду продолжать путь на восток, решили возвращаться в Нидерланды. «Один Баренц был против этого,— писал Ф. П. Литке,— он думал, что должно сделать покушение к северу от Новой Земли или же, оставшись прозимовать на месте, продолжать плавание в следующем году. Ему сказано, что если он хочет, то может исполнить это один и на собственную свою ответственность... Смелое предложение не понравилось прочим... Второе путешествие, предпринятое со столь великим изданием и обещавшее так много, кончилось совершенно безуспешно: голландцы не открыли ни одного прежде не виданного пункта берега»²⁰.

Самый значительный вклад в исследование Новой Земли внесла третья голландская экспедиция, снаряженная на средства сената города Амстердама. На этот раз в поход отправились два корабля. Команды их состояли из моряков, добровольно вызвавшихся идти в это трудное плавание. За открытие Северного морского пути была назначена премия в размере 25 тыс. гульденов. Руководителем экспедиции был назначен Яков Гемскерк, обязанности главного штурмана возлагались на Виллема Баренца. Он ведал прокладкой курса судна. Все действия экспедиции предпринимались только с его согласия. В «Морском дневнике» Геррита де Фера содержатся многочисленные указания на то, что душой экспедиции был Виллем Баренц.

---

²⁰ Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие..., ч. 1, с. 44—45.

В мае 1596 г. суда достигли Шетландских островов и взяли курс на норд, решив следовать к северной оконечности Новой Земли. Спустя месяц с мачты был усмотрен небольшой гористый остров. Высадившись на берег, путешественники нашли на скалах многочисленные птичьи гнезда и набрали большое количество яиц. Вблизи острова заметили медведя и потому назвали остров Медвежьим.

Продолжая следовать к северу, за 80-й параллелью сквозь туман заметили новую неизвестную землю. Это были берега Шпицбергена, который голландцы ошибочно приняли за Гренландию.

Пробыв несколько недель в районе Шпицбергена, путешественники спустились к острову Медвежьему. Здесь Ян Рийп посетил корабль Якова Гемскерка и сообщил свое намерение идти на север и искать там проход на восток. Яков Гемскерк, напротив, предлагал спуститься на юг, за границу плавающих льдов, и направиться к Новой Земле. Не достигнув согласия, капитаны судов отправились по избранному ими направлению.

В середине июля корабль Гемскерка достиг Новой Земли. Здесь встретились тяжелые льды и корабль лег в дрейф. Используя разводья и прогалины, мореплаватели настойчиво пробивались на север вдоль западных берегов острова, знакомых им по плаванию 1594 г.

Вблизи Крестового острова моряки попали в ледовый плен. Лишь в начале августа они смогли плыть дальше на север. 6 августа миновали мыс Нассау, а на другой день уже были у мыса Утешения. Наплывший густой туман вынудил пришвартоваться к сидевшей на мели льдине. Но такое положение корабля было небезопасным.

«10 августа, в субботу,— писал Геррит де Фер,— лед пришел в сильное движение, и тут только мы уразумели, что та огромная льдина, к которой мы пришвартовались, сидит на дне, так как весь остальной лед шел мимо нас. Мы очень боялись, как бы нас не раздавило льдом, и потому приложили много труда и старания, чтобы выйти оттуда, ибо находились в большой опасности. Когда мы поставили паруса, корабль понесло на лед с такой силой, что вокруг нас все затрещало, и мы оказались возле другой большой льдины, у которой и закрепились при помощи якоря»²¹.

---

²¹ Фер Г. Плавание Баренца, с. 142.

Однако и эта защита оказалась малонадежной. Неожиданно стамухи с грохотом распались на мелкие льдины, и судно экспедиции снова оказалось в опасности.

Переходя от стамухи к стамухе, путешественники медленно продвигались на север. 15 августа они достигли Оранских островов. На следующий день несколько человек направились на шлюпке к Новой Земле. Высадившись на берег, они поднялись на высокую гору. Отсюда была видна северная оконечность острова. За ней, восточнее, лежало Карское море, свободное ото льдов. По словам Геррита де Фера, рассмотрев чистую воду, они «сильно обрадовались, полагая, что задача плавания уже выполнена». Однако ледовая обстановка оставалась сложной. Только 19 августа, воспользовавшись благоприятным ветром, экспедиция достигла мыса Доходы, названного Баренцем мысом Желания, и, обогнув северную оконечность Новой Земли, направились на юго-восток. Вскоре снова появились льды, спустился туман и поднялся сильный ветер. Спасаясь от шторма, судно вошло в Ледяную гавань.

22 августа путешественники направились на юго-запад, но попали в полосу тумана и вынуждены были пришвартоваться к одной из исполинских льдин. Моряки взобрались на 20-метровую высоту и были удивлены, обнаружив поверхность, покрытую землей. Здесь жили птицы, в их гнездах нашли около 40 яиц.

«Этот лед,— отмечал в дневнике Геррит де Фер,— был непохож на другой и имел голубой цвет, как чистое небо. Поэтому среди нас возникли различные мнения: одни утверждали, что это лед, другие — что это земля, смерзшаяся от холода; ибо льдина очень выдавалась над водой и на глубине 18 сажен сидела на грунте»²².

Переждав под ее защитой шторм, путешественники взяли курс на юго-восток, надеясь в этом году достичь загадочного пролива Аниан, якобы отделяющего Старый Свет от Америки. Но вскоре они встретили тяжелые ледяные поля и возвратились в Ледяную гавань, так как снова разразился шторм. Ветер усиливался, сплоченные льды все ближе подходили к Ледяной гавани. Моряков охватило беспокойство. Лед напирал с огромной силой. Кормовая часть судна и руль поднялись. Шлюпка, нахо-

²² Там же, с. 146.

дившаяся у борта судна, ударом льдины была превращена в щепки.

Обогнув Новую Землю с севера и проникнув в Карское море, экспедиция еще была далека от своей конечной цели. Видя, что сплоченные льды преграждают путь на восток, моряки решили возвращаться в Нидерланды. Направились на север, к мысу Желания, но натолкнулись на непроходимые льды. Такие же сплоченные льды экспедиция встретила, когда, изменив курс, двинулась на юг вдоль восточных берегов Новой Земли. Пришлось укрыться в Ледяной гавани, чтобы дожидаться, когда ветры угонят лед от северо-восточной оконечности Новой Земли. Но вскоре стало ясно, что они попали в опасную ловушку. Льды сломали руль и повредили корму. Новым сжатием льдов судно высоко приподнялось и накренилось на один борт. Казалось, развязка близка. Дули переменные ветры; когда ветры были западные, у всех появлялась надежда, что они отгонят льды и можно будет пробиться в Мурманское море. Однако проходили сутки, другие, льды с сокрушительной силой напирали в Ледяную гавань и еще более усугубляли серьезность положения путешественников.

«7 сентября,— писал Геррит де Фер,— погода была очень сносная, но мы нигде не замечали открытой воды и оставались крепко зажатыми во льду, так что около корабля нельзя было зачерпнуть ни капли воды. В тот же день пятеро из наших отправились на сушу, но вернулись только вдвоем; остальные трое ушли приблизительно на две мили в глубь страны. Они нашли там реку с пресной водой, а около нее много дерева, принесенного туда морем. Они заметили следы оленей и лосей, как они полагали, ибо следы были от раздвоенных копыт, одни больше других; на этом основании они и строили свое предположение»²³.

Положение корабля с каждым днем ухудшалось. Северо-восточные ветры гнали в гавань тяжелые льды. Они торосились у борта судна и повредили его носовую и подводную части. Корабль оказался в ледовом плену. Стало ясно, что участникам экспедиции придется провести на берегах Новой Земли суровую полярную зиму. Крепчайшие морозы напоминали о ее близком приходе. Прежде

²³ Там же, с. 154—155.

всего необходимо было построить на берегу дом, который защитил бы моряков от холода и диких зверей, бродивших в окрестностях Ледяной гавани. Каждый день путешественники отправлялись на поиски выкидного леса (плавника). Найденные бревна на санях возили к месту зимовья.

В это время за пределами бухты лед разделился и, будь корабль на чистой воде, можно было бы поставить паруса и плыть на запад, к берегам Голландии. Однако льды по-прежнему держали судно в плену. Решено было разобрать палубную надстройку в носовой части корабля и сделать из досок крышу дома. Затем зимовье проконопачили и обшили, употребив для этой цели остатки палубы. В ночь на 8 октября разразился шторм. «...Шел такой снег,— писал Геррит де Фер,— что если кто выходил, то ему казалось, что он задыхается... Нельзя даже и минуты пробыть вне корабля или вне дома»²⁴.

Только спустя два дня моряки смогли возобновить отделку зимовья, в которое стали постепенно переносить запасы провизии, пива и вина. 12 октября первая партия путешественников переселилась в отстроенную избу.

Солнце едва поднималось над горизонтом, а вскоре и совсем перестало появляться на небосклоне. Наступала долгая полярная ночь. Все чаще завывали вьюги, нагоняя тоску на путешественников, на долю которых выпала первая в истории полярного мореплавания зимовка под 76° с. ш.

Экспедиция находилась в тяжелом положении. Запасы провизии были скудны. Морякам ежедневно выдавали около 300 г хлеба и два небольших стаканчика вина. Мясо и рыбу делили строго на порции. Трудно было и с водой. Ездить к речке за несколько верст стало невозможно из-за частых снегопадов и метелей. Приходилось топить снег. В избе было очень холодно. Капитан Яков Гемскерк раздал каждому по отрезу толстого сукна. Но это мало помогало. Сильные метели порой заносили дом так, что его обитатели несколько дней не могли выйти на улицу и принести дров. Когда же погода была тихая, ставили ловушки на песцов. Из шкурок этих животных моряки мастерили шапки, а мясо употребляли в пищу.

---

²⁴ Там же, с. 167.

«20 ноября,— писал Геррит де Фер,— мы вымыли наши рубашки, но был такой сильный холод, что выстиранное и скрученное белье сильно замерзло: приходилось его держать у большого огня, но и то оно оттаивало только с одной стороны, а с другой оставалось замерзшим, так что легче было разорвать его, чем развернуть. Чтобы белье растаяло, не оставалось поэтому ничего другого, как опять бросить его в кипяток. Такой был сильный холод»²⁵.

Стены, потолок, койки и почти все, что находилось в доме, покрывалось толстым слоем льда. Стенные часы останавливались, какой бы груз к ним ни подвешивали. Замерзала не только вода, но даже и вино.

Холод в зимовье стоял невыносимый. Путешественники решили употребить для топки печи каменный уголь. В зимовье стало, наконец, тепло, и все воспрянули духом. Вдруг у одного из моряков закружилась голова. Через некоторое время почувствовали недомогание и другие. В доме был угар. Пришлось открыть дверь. Чудом избежав страшных последствий, зимовщики больше не рисковали жечь каменный уголь.

От сильных морозов кожа на сапогах одеревенела, и их трудно было надевать. Путешественники смастерили из овчины меховую одежду, но и она не могла защитить их от холода. Верхнее платье покрывалось инеем. Моряки, работавшие на улице, часто обмораживали лица.

Но путешественники не теряли присутствия духа. В радостном настроении они встретили дни зимнего солнцестояния. Приятно было сознавать, что минула половина полярной ночи. Все с нетерпением ждали полярного дня. «Ибо,— отмечал Геррит де Фер,— было утомительно жить без солнца, прекрасного творения природы, наполняющего радостью весь мир»²⁶.

В это время сильным ветром взломало лед, и перед путешественниками предстало открытое море. Но не надолго. С северо-восточным штормом льды возвратились к Новой Земле, а вместе с ними и жестокая стужа.

В конце декабря все в доме замерзло. Согреться не было никакой возможности, хотя почти непрерывно топилась печь. Путешественники укрывались одеялами и дру-

---

²⁵ Там же, с. 178.

²⁶ Там же, с. 187.

гими теплыми вещами. Кто-то предложил нагревать на огне камни и железные шары и согревать ими постели. Однако, проснувшись утром, зимовщики с ужасом увидели, что все койки покрылись толстым слоем инея.

День стал прибывать, и уже через несколько недель солнце должно было показаться над льдами Карского моря. Этой надеждой жили моряки, веря, что с наступлением дня тяжкая участь их значительно облегчится.

Первую неделю Нового года путешественники провели взаперти: сильные метели и ветры не позволили им выйти. В середине января обнаружилось, что запасы хлеба иссякают быстрее, чем предполагалось. Ежедневный паек, состоявший из порции в 300 г, пришлось урезать. Но путешественники утешали себя тем, что наиболее суровое время полярной ночи прошло, что они останутся в живых и в конце концов достигнут берегов родной Голландии.

24 января Геррит де Фер и Яков Гемскерк увидели край солнца. Баренц не поверил, считая, что это произойдет только через две недели. Спустя три дня над горизонтом появился полный диск солнца. Погода несколько смягчилась. Однако вьюги и снег по-прежнему не оставляли зимовщиков в покое и засыпали сугробами дом до самой крыши. Мореплаватели приспособили для сообщений с внешним миром дымоход от печки, через который первым пролез Яков Гемскерк. С приближением весны медведи все чаще подходили к зимовью и заглядывали в сени. Особенно привлекал их корабль. Всякий раз, навещая покинутое судно, моряки находили следы десятков животных. В поисках съестного медведи сломали люк над камбузом и утащили его на несколько метров от корабля. Почти ни одна экскурсия в район Ледяной гавани не проходила без встреч с обитателями дрейфующих льдов и арктических земель.

Некоторые из путешественников, страдавшие бессонницей, рассказывали своим товарищам, что по крыше зимовья ходили медведи, под лапами которых звонко скрипел снег. Однако, выйдя утром из дома и осматривая кровлю своего жилища, они не находили «никаких следов, кроме песчовых: ночь сама по себе темная и страшная делает страшное еще страшнее»²⁷. Между тем

---

²⁷ Там же, с. 206.

запасы плавника, ранее привезенного к зимовью, были исчерпаны. Зимовщики вынуждены были впрячься в сани и отправиться за дровами, собранными минувшей осенью в устье речки на северо-восточном берегу Новой Земли.

«Наше возвращение было настолько тягостно, что мы чуть не падали в обморок,— писал Геррит де Фер 22 февраля 1597 г.,— из-за продолжительного холода и лишений мы были до такой степени слабы и утомлены, что почти не имели сил и даже сомневались в том, что возобновятся ли они и будем ли мы в дальнейшем в состоянии подвозить дрова. А без дров мы должны были бы погибнуть от холода. Правда, острая нужда и надежда на улучшение здоровья подбодряли нас, и потому мы делали больше, чем позволяли силы. Придя к дому, мы увидели в море много открытой воды, чего не замечали уже долгое время. Это также подняло наше настроение и внушило надежду на лучшее будущее»²⁸.

5 марта лед удалился от берегов Новой Земли. Открытую воду моряки наблюдали в течение нескольких дней. Она виднелась к северо-востоку от Ледяной гавани. Напротив, на юго-востоке, там, где должны находиться берега Сибири, виднелся лед. Моряки считали, что Ледовитое море невелико.

«Действительно,— свидетельствовал Геррит де Фер,— в ясную погоду мы часто убеждались, что видим землю, и показывали друг другу на юг и юго-восток от нашего дома, где как будто находилась горная страна, выглядевшая так, как вообще выглядит земля, рассматриваемая издали»²⁹.

Вероятно, они видели берега Новой Земли, причудливо смещенные рефракцией. Ибо самая близкая к ним суша — остров Белый находился к юго-востоку от места зимовки, примерно на расстоянии 270 км.

10 марта, когда после очередной метели моряки выбрались из дома, они увидели, что пространство открытой воды еще более увеличилось. Однако вскоре юго-западный ветер сменился северо-восточным, который принес жестокую стужу и снова пригнал к берегам Новой Земли лед. Он с грохотом и треском напирал на припай. Море снова замерзло.

---

²⁸ Там же, с. 207—208.

²⁹ Там же, с. 240.

В течение двух недель стояли очень сильные морозы. Единственное утешение путешественники находили лишь в том, что настанет когда-то день и жесточайшая стужа сменится более мягкой и благоприятной погодой. Такая погода действительно наступила в конце марта, и зимовщики наконец смогли отправиться за дровами. 27 и 28 марта в окрестностях Ледяной гавани снова виднелось открытое море. Затем льды опять возвратились и у берегов образовались высокие торосы «наподобие гор». Особенной силы нажим дрейфующих льдов наблюдался 6 апреля, когда в опасности оказался корабль путешественников. Спустя восемь дней вокруг него нагромодились столь высокие ледяные валы, что «смотреть было страшно», и путешественники, как видно из дневника Геррита де Фера, «удивлялись, как он не разлетелся на куски»³⁰.

В конце апреля начался полярный день. Тем временем запасы продовольствия катастрофически уменьшались. 1 мая сварили последний кусок мяса. Оставалось немножко бекона, хлеб и вино. Но настал день, когда и свинина, которой ежедневно выдавалось каждому около 55 г, была израсходована.

Морякам казалось, что скверная погода никогда не кончится. Впрочем, море, несмотря на мороз, благодаря устойчивым западным ветрам было свободно. Но Ледяная гавань была по-прежнему скована льдом; здесь окруженный со всех сторон высокими торосами находился полуразбитый корабль. Всего лишь около сотни шагов отделяло его от чистой воды. Большинство членов экспедиции считали, что настало время готовиться к возвращению в Голландию. Правда, это мнение не совпадало с планами капитана Якова Гемскерка, который намерен был находиться в Ледяной гавани до середины лета, чтобы дожидаться полного освобождения моря ото льдов.

Моряки обратились с просьбой к Баренцу. Главный штурман обещал уговорить Якова Гемскерка. Однако капитан решил подождать до конца мая, и если к этому времени корабль будет по-прежнему зажат льдами, покинуть его и плыть на шлюпках к берегам России.

20 мая путешественники обратились к капитану с предложением начать приготовления к далекому и опас-

---

³⁰ Там же, с. 215.

ному пути. Яков Гемскерк согласился начать подготовку к отплытию. Однако вопрос о том, будет ли экспедиция возвращаться на корабле или на лодках, капитан оставил открытым до конца мая. 29 мая он отправил 10 моряков к кораблю, поблизости от которого на льду находилась большая лодка. Метели навьюжили около нее высокие сугробы. Откопать ее из-под снега стоило путешественникам невероятных усилий, а сдвинуть ее с места они не смогли.

«В мужестве у нас, однако, недостатка не было,— писал Геррит де Фер,— но сил совершенно не хватало; поэтому в данный момент, хотя и с болью в сердце, пришлось прекратить работу. Вернувшись домой, мы после полудня воспряли духом и стали уговаривать друг друга перевернуть другую лодку, которая лежала у дома вверх килем, и мы начали чинить ее, ибо она могла принести нам большую пользу при плавании по морю»³¹. Скоро от недавнего уныния и неверия в возможность выбраться из этих мрачных мест не осталось и следа. Работа спорилась. Моряки, искусные в плотничьем деле, трудились над лодкой, а остальные шили паруса, готовили снасти, чинили одежду и обувь. Все отдавали себе отчет в том, что предстоит далекий переход открытым морем среди льдов и туманов и что на этом пути их ждут новые испытания и трудности.

Работы были приостановлены одним неприятным случаем. Убив 31 мая медведя, зимовщики сварили его печень и съели. На следующий день все заболели, так как печень белого медведя обладает ядовитыми свойствами. Особенно в тяжелом состоянии оказались трое моряков. К счастью, все выздоровели и возобновили починку шлюпки, находившейся около дома. Затем удалось перетащить к кораблю лежавшую на берегу лодку, которую еще неделю назад они не могли сдвинуть с места. Часть моряков приступила к ее ремонту и переделке, остальные занялись перевозкой к кораблю продовольствия и других товаров.

11 июня разразилась буря. Путешественники опасались, что она взломает припай в Ледяной гавани и вместе с ним унесет корабль со всеми запасами провизии. Но, к общей радости, этого не случилось.

---

³¹ Там же, с. 225.

На следующий день все путешественники, за исключением больных, вышли на расчистку дороги от корабля до кромки льда, за которой находилась чистая вода. Много часов они скалывали и разбрасывали глыбы льда, проделывая проходы в торосях.

13 июня к самой кромке льда моряки доставили шлюпки, продовольствие, оружие, бочонки с деньгами и наиболее дорогие товары. «Капитан,— писал Геррит де Фер,— вернулся в дом и сообщил Виллему Баренцу (который был давно болен), что он принял решение воспользоваться предоставившимся удобным случаем для отъезда и вместе с командой спустит в воду лодки, чтобы покинуть Новую Землю. Виллем Баренц, предварительно написавший записку, скатал ее и повесил в камине.

В ней было рассказано, как мы прибыли из Голландии с целью плыть в Китайское царство и что с нами случилось здесь; сказано было и про наши невзгоды, чтобы, если кто после нас пристанет сюда, он мог понять, что с нами было и как мы поневоле построили этот дом, в котором застряли на десять месяцев. Написал он и про то, как нам надо было пускаться в море на двух открытых лодках и предпринять изумительное и опасное плавание»³².

Когда в шлюпки погрузили все необходимое, Виллему Баренцу, Герриту де Феру и некоторым другим участникам экспедиции Яков Гемскерк дал подписать две одинаковые грамоты, в которых он объяснил причины, вынудившие мореплавателей бросить корабль и отправиться на шлюпках по океану. Большое число участников экспедиции было «до такой степени истощено холодом и недугом, что не обладало силой даже и на полчеловека». Запасы продовольствия были скудные. Хлеба могло хватить только до августа. И если к этому времени экспедиция не доберется до обитаемых мест, то она окажется в чрезвычайно скверном положении. Нельзя терять ни одного дня.

14 июня экспедиция начала свое трудное плавание. Сначала шли чистой водой, затем появился лед, и вскоре лодки застряли в нем. Это очень напугало путешественников. Впрочем, спустя сутки лед, отжатый ветрами от берега, поредел и позволил подняться до мыса Желания.

---

³² Там же, с. 237.

Дальше лежало хорошо знакомое Мурманское море. Шлюпки направились на юг вдоль западного берега Новой Земли и 16 июня достигли Ледяного мыса.

«Когда обе лодки сошлись около этого мыса,— писал Геррит де Фер,— капитан, обратившись к Виллему Баренцу, спросил, как его здоровье. Тот ответил: „Хорошо, я надеюсь еще побегать, прежде чем мы придем в Вардехуз“,— и, обратившись ко мне, спросил: „Геррит, находимся ли мы около Ледяного мыса? Подними меня, я хочу еще раз посмотреть на него“. От Оранских островов до Ледяного мыса мы сделали приблизительно пять миль, и когда ветер переменился на западный, мы прикрепили лодки к большой льдине и немного поели. Воздух становился все более и более влажным и туманным, мы снова были окружены льдами и были вынуждены остаться здесь.

17 июня... лед шел на нас с такой силой, что у нас явилось сильное опасение, сможем ли как следует укрыть наши лодки, и мы думали, что это будет наше последнее плавание. Двигавшийся лед увлекал нас так стремительно и льдины сжимали нас так крепко, что казалось, будто лодки разлетятся на бесчисленное количество частей. Мы жалостно смотрели друг на друга и были в смятении, так как каждую минуту видели перед собой смерть.

Было, наконец, принято решение закрепиться с помощью каната к крепкой льдине и затем вытащить лодки на лед, чтобы таким образом обеспечить себя от дрейфующих льдов. План был, конечно, правильный, но связанный с величайшей опасностью для жизни. И было ясно как день, что если это не будет сделано, то всем нам конец.

Никто, однако, не дерзал отважиться на это, боясь утонуть, хотя необходимость требовала это сделать во что бы то ни стало, так как следовало меньшую опасность предпочесть большей.

Итак, я, как самый легкий из всех, взял на себя задачу снести канат на неподвижный лед. Прыгая с одной льдины на другую, я прикрепил веревку к высокому торосу... Причालив к прочному льду, мы поспешно перенесли на него больных, подостлав предварительно одеяла и другие вещи, чтобы уложить их, а затем снесли все наше имущество и вытащили на лед лодки. Так мы спаслись

тогда от большой опасности и считали себя вырванными из пасти смерти, что и было правдой»³³.

Пять дней моряки провели на льдине. Во время этой вынужденной остановки экспедиция потеряла главного штурмана Виллема Баренца.

20 июня 1597 г., лежа в постели, устроенной ему из одеял и отрезов материи прямо на льду, он попросил подать ему составленную им собственноручно карту Новой Земли и полярных стран. Он внес в нее несколько исправлений и долго говорил с Герритом де Фером. Однако вскоре Баренц почувствовал себя очень плохо. «Геррит, дай мне напиться», — сказал главный штурман. Едва он выпил, почувствовал себя еще хуже. Через несколько минут его не стало. «Смерть Виллема Баренца причинила нам немалое горе, ибо он был главный руководитель и незаменимый штурман, на которого мы полагались»,³⁴ — записал Геррит де Фер в своем дневнике.

В тот же день умер еще один член экспедиции.

21 июня во льду появились разводья чистой воды. Моряки потащили лодки по припаю к открытой воде. Около двух дней плыли на юг, пока в 25 милях от мыса Ледяного вновь не были остановлены льдами. Путешественников мучила жажда. Пользуясь ясной погодой, пытались растопить снег в сосудах на солнце, но он почти не таял. Тогда шестеро моряков отправились по льду на Новую Землю и набрали несколько вязанок дров. Едва успели покончить с жалким обедом, как льдина, на которой расположилась экспедиция, вдруг стала ломаться на мелкие куски. Шлюпки оказались на воде. Стараясь добраться до спасительного припая, моряки налегли изо всех сил на весла. Но порывистый ветер относил их все дальше от берега. Лодки разлучились в тумане. Огромные волны одна за другой набегали на шлюпку Геррита де Фера.

«Вода, — писал Геррит де Фер, — уже начала переливаться через борт, а между тем мы были в бурном море далеко от берега, так что перед нашими глазами стояла одна только смерть. Но неожиданно подул северо-западный ветер, так что мы, хотя и с большой опасностью, могли достичь берегового припая.

---

³³ Там же, с. 243—244.

³⁴ Там же.

Избавившись от этой опасности и не зная, где остались наши товарищи, мы проплыли вдоль припая одну милю, но не нашли их и стали предполагать уже что-нибудь худое, боясь, не потонули ли они; тут налег густой туман. Продолжая плыть вдоль земли и не находя товарищей, мы выстрелили из мушкета, они услышали и ответили нам тем же. Мы не могли видеть друг друга, но все же стали несколько сближаться, туман же мало-помалу рассеялся; выстрелив вторично, и мы и они заметили от выстрелов дым и наконец стали сходиться, причем мы увидели лодку товарищей застрявшей между дрейфующим льдом и припаем. Подойдя к ним еще ближе, мы пошли к ним по льду и помогли им вынести на лед вещи, бывшие у них в лодке, а затем протаскивали по льду самую лодку и с большими тягостями и трудностями спустили ее опять в открытую воду. Пока они были затерты льдом, им удалось найти на берегу дрова и развести огонь. Когда же мы все объединились, то сварили из хлеба и воды кашницу, чтобы впустить в желудок что-нибудь горячее, и она была очень вкусна»³⁵.

27 июня, миновав мыс Нассау, путешественники встретили непроходимый лед и снова вытащили шлюпки на припай, ожидая, когда восточный ветер отгонит лед от западных берегов Новой Земли. Тщетно они ждали пять дней. Затем припай, на котором они находились, под напором дрейфующих льдов стал ломаться. Выгруженное на ледяное поле имущество попадало в воду. Моряки стали тащить лодки ближе к берегу, но лед под их ногами разломался и одну шлюпку унесло вместе с основными запасами и больным членом экспедиции. Вторая шлюпка была зажата льдами и, не выдержав их напора, сломалась. Переправляясь по двигавшимся льдам, морякам удалось спасти унесенную лодку и вытащить на лед раздавленную шлюпку. Целый день трудились они, борясь за свою жизнь и спасая остатки своего имущества. Путешественники лишились многих необходимых вещей, в том числе астрономических приборов. Но самое скверное было то, что во время катастрофы погибли две бочки с хлебом. Потеря значительной доли запасов продовольствия ставила экспедицию в чрезвычайно тяжелое положение.

---

³⁵ Там же, с. 252—253.

Сначала путешественники растерялись, не зная, что предпринять. Однако, осмотрев сломанную льдами лодку, они убедились, что ее еще можно починить, и немедленно принялись за дело. Одновременно шестеро моряков отирались на берег Новой Земли, где нашли несколько обтесанных топором брусьев и клиньев для расколки бревен. Следовательно, на мысе Нассау бывали русские люди. Путешественники убили несколько птиц, которых тут же зажарили.

Снова более недели экспедиция находилась на припае. Моряки каждый день занимались охотой, стреляли птиц. Только 9 июля лед наконец поредел. Появилась открытая вода. Путешественники спустили лодки и направились на юг. Однако плавание было непродолжительным. На следующий день пришлось снова вытащить лодки и ждать того момента, когда ветер отгонит льды от западного берега Новой Земли.

Экспедиция уже потеряла пять человек, и возникли серьезные опасения, что скоро не хватит сил перетаскивать лодки через перемычки льдов. Правда, мореплаватели надеялись, что около Крестовых островов они встретят русских. Но ожидания их были напрасны. В поисках пропитания удалось обнаружить несколько гнезд горной гаги, в которых нашли более 70 яиц. С большой осторожностью доставили в лагерь эту драгоценную находку. Впервые за много дней путешественники наелись досыта.

«18 июля, когда солнце было на востоке,— писал Геррит де Фер,— трое из наших пошли на самое возвышенное место матерой земли посмотреть, не открылось ли в какой-либо стороне море. Они, правда, увидели много открытой воды, но так далеко от земли и от припая, что пришли почти в отчаяние, размышляя о полной невозможности перетащить на такое огромное расстояние лодки и их содержимое, ибо наши силы со дня на день иссякали, а тягости и трудности возрастали. Вернувшись к лодкам, они рассказали нам это. Мы же в силу необходимости стали набираться мужества и подбодряли друг друга подтащить к воде лодки и имущество, а затем на веслах пройти через тот лед, который надо было преодолеть, чтобы добраться до открытого моря. Подойдя ко льду, мы выгрузили лодки, затем порознь перетаскивали их по льду до воды, потом проделали то же с имуществом почти на расстояние тысячи шагов. Это дело было для нас

так тягостно и трудно, что мы, казалось, не выдержим. Победивши, однако, столько трудностей, мы питали надежду одолеть и эту, желая, чтобы она была последняя. Таким образом, добрались мы с тягостью и затруднениями до открытой воды около того времени, когда солнце было на юго-западе»³⁶.

28 июля экспедиция миновала Костин Шар, расположенный у юго-западного побережья Новой Земли. Обогнав мыс Шанца, моряки увидели две русские ладьи и находившихся поблизости от них промышленников.

После 13 месяцев плаваний в полярных водах и тяжелой зимовки на пустынной Новой Земле голландцы наконец увидели людей. Это были поморы. Геррит де Фер и Яков Гемскерк, участвовавшие в плавании 1595 г., знали некоторых из них. Им доводилось встречаться на берегу острова Вайгач. Русские, узнав, что голландцы потеряли во льдах корабль, поделились с ними запасами своего продовольствия.

Некоторое время поморские ладьи и шлюпки экспедиции Баренца вместе плыли по направлению к Вайгачу, но затем, во время неожиданно наплывшего тумана, разлучились. Около Вайгача экспедиция была окружена льдами. Пользуясь остановкой, моряки сошли на берег, где нашли ложечную траву. Ходили слухи, что она помогает от цинги, которой страдали все члены экспедиции. Правда, трава действительно оказалась целебным средством, и здоровье моряков заметно улучшилось.

Однако вынужденная стоянка у берегов Вайгача внушала морякам серьезное беспокойство. «Наши запасы сильно уменьшились,— писал Геррит де Фер,— и у нас не было ничего, кроме небольшого количества хлеба и воды, да еще у некоторых немного сыра. Поэтому продолжительное пребывание тут сильно удручало нас, и мы рвались уехать, боясь голода, который еще более ослаблял наши силы, тогда как нам приходилось нести тяжелые труды. Эти два обстоятельства сильно противоречили одно другому, так как нам скорее нужна была обильная пища для восстановления сил, нежели воздержанность»³⁷.

3 августа погода улучшилась и моряки взяли курс на Вардегуз. В этом долгом плавании они несколько раз

---

³⁶ Там же, с. 267.

³⁷ Там же, с. 278.

встречались с русскими промышленниками и всякий раз получали от них хлеб, муку, мед, треску и другую провизию. Это спасло голландских путешественников от неминуемой голодной смерти. Поморы сообщили, что в Коле находятся голландские корабли.

30 августа они встретились с Яном Корнеллисоном, который в минувшем 1596 г. благополучно возвратился в Голландию, а нынешним летом прибыл в Россию с товарами.

1 ноября 1597 г. экспедиция возвратилась в Голландию. В этот же день путешественники предстали перед городским советом Амстердама в одеяниях, которые они носили на Новой Земле.

В 1598 г. Геррит де Фер опубликовал свой знаменитый «Морской дневник», в котором рассказал о географических открытиях трех голландских экспедиций к Новой Земле.

«Пусть глупцы, насмешники и клеветники,— писал Геррит де Фер,— судя по началу, признают бесплодной ту попытку, которая только в конце дает полезный результат. Ведь если бы знаменитые и славные мореплаватели — Колумб, Кортес, Магеллан и многие другие, открывшие самые дальние страны и царства, оставили свои намерения после первой, второй или третьей неудачной поездки, то впоследствии они никогда не достигли бы результата своих трудов... Ничего нельзя найти и довести до совершенства с одного раза, ничего нельзя сразу найти и кончить»³⁸.

Несмотря на неудачу трех попыток пройти ледовитыми морями с запада на восток, плаванья голландцев составляют одну из интереснейших страниц истории изучения Новой Земли.

С 26 августа 1596 г. по 14 июня 1597 г. голландская экспедиция вела записи о погоде на Новой Земле. Они состояли из отметок направления ветров, состояния ледовой обстановки и характера облачности. Они полностью были напечатаны только в 1872 г. и рассматривались известным норвежским метеорологом Х. Моном в материалах по метеорологии восточных полярных морей, а также выдающимся русским ученым академиком Б. Б. Голицыным в труде «О метеорологических наблюдениях на

³⁸ Там же, с. 36.

Новой Земле». Наблюдений над температурой и давлением воздуха не производилось, поскольку еще не существовало ни барометра, ни термометра. Метеорологические записи дают представление о преобладающих ветрах, о количестве дней с осадками, о состоянии неба. По словам Б. Б. Голицына, эти наблюдения имели «только исторический интерес»³⁹. Но вскоре их использовал В. Ю. Визе в работе «Новоземельская бора». Определенную ценность эти наблюдения имеют и для современных работ по истории климата: это первый источник о состоянии погодных и ледовых условий почти четыре века назад в районе северо-восточной оконечности Новой Земли.

Много ценных данных гидрометеорологического и общегеографического характера содержится в ценной книге Геррита де Фера «Плавания Баренца», изданной еще в 1598 г. и переведенной на многие языки мира, включая русский. Она содержит описание всех трех голландских экспедиций, из которых в двух он принимал участие. Ход первого плавания был освещен на основании журнала Виллема Баренца. Естественно, наиболее подробно в книге рассматривались исследования этого выдающегося полярного путешественника.

Виллем Баренц вел наблюдения над магнитным склонением, которые и сегодня представляют определенный интерес для изучения векового хода этого элемента. Важное значение имели измерения глубин и определение состава грунта морского дна между Шпицбергом и Новой Землей, выполненные голландскими путешественниками в 1596 г.

Особую ценность представляла карта полярных стран, составленная Виллемом Баренцем. На ней впервые нанесено все западное побережье Новой Земли. При этом за некоторыми географическими объектами этого огромного острова сохранены русские названия, которые голландцы узнали во время встреч с поморами.

Карта полярных стран В. Баренца была новым важным шагом в развитии картографии Арктики. Собственные наблюдения и сведения, собранные от поморов, позволили более точно нанести очертания Севера Европейской России. Правда, голландцам осталось неизвестным

---

³⁹ Голицын Б. Б. О метеорологических наблюдениях на Новой Земле. СПб., 1898, с. 4.

то, что Новая Земля разделяется на два острова (северный и южный) проливом Маточкин Шар, который будет впервые картирован спустя 271 год Федором Розмысловым.

По словам Ф. П. Литке, голландцы на пути из Ледяной гавани останавливались в устье Маточкина Шара, не предполагая, что вошли в пролив, который делит Новую Землю на два острова. «Если бы светило их, Баренц, был еще жив, то важное открытие сие не было бы оставлено без внимания»⁴⁰, — отмечал русский полярный исследователь.

Правда, Ф. П. Литке не знал, что это открытие уже было сделано русскими поморами. Об этом свидетельствует русская карта, которая была скопирована голландцем Исааком Массой с русского оригинала. На ней показан не только пролив, разделяющий Новую Землю на два острова, но и Север России от границ Норвегии до западных пределов Таймыра, включая остров Белый, Обь, Енисей, Пясину.

Русский чертеж не содержит каких-либо признаков влияния карты полярных стран В. Баренца, которая была опубликована в 1598 г. Это дает основание предполагать, что И. Масса снял в 1609 г. копию с русского чертежа, который был составлен до появления голландской карты либо одновременно с ней. Историки отечественной географии убеждены в том, что еще до XVI в. в России «существовали рукописные чертежи географического характера, на которых были изображены отдельные значительные части государства»⁴¹. Весьма показательно, что в «Росписи чертежей разных государств», в 1614 г. хранившейся в Посольском приказе, значатся чертежи Русского Севера и Сибири, которые пришли в такую ветхость, что распались⁴². Следовательно, эти карты использовались в предыдущем веке.

Разумеется, в России были осведомлены о плаваниях иностранцев к русскому арктическому острову. Уже в 1598 г. было составлено описание Новой Земли, в котором упоминалось о зимовке на ее берегах голландцев. «Новая Земля, — говорилось в нем, — отделися к северу, чаят от

⁴⁰ Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие..., ч. 1, с. 55.

⁴¹ Лебедев Д. М. Очерки по истории географии России XV и XVI веков. М.: Изд-во АН СССР, 1956, с. 200.

⁴² Там же, с. 213—214.

самого материка отделилась, потому что меж нею и Печорским берегом есть пролива, имянуемая Вайгац: но тою проливом за многими льдами из Ледовитого моря плывущими кораблем проходить невозможно. За тою проливом Татарское или Ледовитое море, в которое многие сибирские реки впади. А Новой Земли длина от Вайгаца до зимовья немецкого (голландского.— В. П.) 1000 верст. А позади зимовья Новой Земли берег с Сибирским берегом спелся ли, того неведомо. Тая земля великой ради стужи неудобожителна, зане всегда, кроме малого времени, покрыта есть снегом и на берегах великие и страшные ледяные горы: лесов никаких нет, токмо в неких местах трава низкая и мох. От августа по июль месяц бывают морозы нестерпимые и солнца не видеть три месяца, в которое время тамо бывает непрестанная тьма. Кроме медведей множество там песцов черных и белых, на берегах находят рыбу моржовую кость, овогда и инороговую. А на горах обретається множество гусей диких, которые, людей видя, не отлетают и их ловят руками и бьют палками»⁴³.

Хотя в этом описании и упоминается о зимовке голландцев, его содержание составлено на основании отечественных сведений не только о Новой Земле, но и о Сибири. Дело обстояло таким образом, что иностранцы заимствовали у русских сведения о северных морях, омывающих Россию, и о землях, к ней прилежащих. Это подтверждается многими свидетельствами. Настойчивый интерес иностранцев к Новой Земле и лежащим от нее к востоку рекам Сибири вынудил русское правительство в начале XVII в. принять решительные меры, чтобы западноевропейские купцы («немцы») не узнали водного пути из «моря-океана» в Карское (Мангазейское) море. Показывать иностранцам морскую дорогу к устьям сибирских рек было запрещено под страхом смертной казни. Плавать в Карское море не разрешалось и русским промышленникам. Именно в это время многие поморы, ранее плававшие на промыслы к Новой Земле, устремились в Сибирь и вскоре вышли к Тихому океану и северо-восточной оконечности Азии.

---

⁴³ Белокуров С. А. О плавании голландских двух кораблей к северным странам для изыскания проходу мимо Новых Земель в Китайское государство и оттуда к восточной Индии.— Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1895, № 4, с. 5.

ПЕРВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В XVII столетии, когда русские казаки и промышленники открывали и осваивали великие пространства Сибири и Тихого океана, Новая Земля по-прежнему посещалась поморами. В это же время интерес к далекому арктическому острову появился и в русских правительственных кругах.

В 1652 г. к Новой Земле была послана первая государственная экспедиция под руководством Ивана Неплюева. В ее состав входило 84 человека. Путешественники имели в своем распоряжении пять промысловых судов. Экспедиции поручалось произвести разведку серебряных руд, для чего разрешалось остаться на зимовку.

В начале июля флотилия Неплюева покинула устье Северной Двины. Путешественники благополучно миновали Белое море, но уже вблизи мыса Канин Нос встретили «великие льды». Экспедиции удалось достичь «Бурлова берега», расположенного вблизи островов Долгого и Матвеева. Здесь она осталась на зимовку.

Большинство участников плавания погибли, а оставшимся в живых было приказано направиться в Пустозерск. Столь же неудачной была и другая экспедиция — для поиска серебра на Новой Земле, которая была отправлена спустя 20 лет. Этим плаванием руководил Иван Неклюдов, но, как и его предшественник, погиб, не достигнув поставленной перед ним цели. Не принесли новых сведений о Новой Земле и иностранные экспедиции, все еще предпринимавшие безуспешные попытки отыскать Северо-Восточный проход. К ее берегам снова приближались англичане, голландцы, датчане (Гудсон, Корнеллисон, Босман, Ламантьер, Фламинг, Сноббергер, Вуд, Флаус). Они не доставили науке каких-либо важных открытий или наблюдений. Одни утверждали, что море вокруг Новой Земли безледно и по чистой воде можно плыть до Северного полюса, другие, напротив, считали, что океан в высоких широтах покрыт ледяным материком, третьи предполагали, что Новая Земля соединяется со Шпицбергом, четвертые изображали ее в виде горного кряжа, протянувшегося от северной точки Азии к проливу Карские Ворота.

Особое представление о Новой Земле составилось в XVII в. у русских мореходов и промышленников. Они

считали, что Новая Земля пролегла через студеные моря далеко на восток и, возможно, соединяется с Америкой. Не исключалось, что Новая Земля составляет особую часть света. Эта весьма своеобразная точка зрения на Новую Землю запечатлена в «Описании чего ради невозможно от Архангельского города морем проходить в Китайское государство и оттоле к Восточной Индии», составленном по приказанию царя Алексея Михайловича. Подлинник этого уникального документа сохранился до наших дней в Центральном государственном архиве древних актов¹.

Во второй половине XVII в. прекращаются попытки западноевропейских мореплавателей открыть Северный морской путь из Атлантики в Тихий океан, который уже был пройден по отдельным участкам русскими поморами и казаками. Новая Земля остается на многие годы забытой мореходами-исследователями. Даже участники Великой Северной экспедиции, которые в первую очередь картировали побережье России между Белым морем и рекой Обью, не побывали даже на ее южных берегах.

Все это способствовало рождению новых заблуждений. Во всяком случае, судя по карте России, изданной Академией наук в 1737 г., Новая Земля была изображена в виде полуострова, пересекающего Карское море и соединяющегося с материком Азия в районе еще не открытого мыса Челюскин. Возможно, это даже не заблуждение. Если допустить, что мореходы XVII в., которые прошли все полярные моря, омывающие Евразию, видели Северную Землю, то, возможно, она представлялась им продолжением Новой Земли. Ведь они допускали, что она протянулась до устья Лены, Яны и Колымы.

Но прошло всего около четверти века, как проблема Новой Земли была решена. И сделал это помор Савва Лошкин. Убедившись, что в водах восточной стороны Новой Земли водится значительно больше морского зверя, чем у более доступных западных берегов, он вошел на своей лодье проливом Карские Ворота в Карское море и направился на север. Льды не позволили мореходу возвратиться в Баренцево море. Савве Лошкину пришлось остаться на зимовку у пустынных восточных берегов Новой Земли, на которых он нашел лишь выкинутые

---

¹ Чтения в О-ве истории и древностей российских, 1893, № 4, с. 13—14.

морем стволы лиственницы. О месте первой зимовки Лошкина ничего не известно. Вероятнее всего, промышленник зимовал у северо-восточных берегов северного острова Новой Земли. Такое предположение можно сделать на основе труда В. В. Кристинина, сохранившего для потомков важное свидетельство об отважном плавании русского помора.

По словам В. В. Кристинина, путешествие Саввы Лошкина до самых дальних северо-восточных берегов Новой Земли, лежащих между Логиновыми Крестами и мысом Желания (промышленники именовали его Доходы), продолжалось два года.

«Лошкин,— отмечал Кристинин,— принужден был зимовать дважды на сих пустых берегах; ибо по прошествии первой зимы в следующее лето не допустили его великие льдины пройти в Западное море мимо Доходов»².

По-видимому, место первой зимовки Лошкина находилось далеко к северу от Маточкина Шара. Если бы он зимовал вблизи пролива, то, вероятно, вместо того чтобы направиться в Баренцево море мимо мыса Желания, он, скорее всего, воспользовался бы путем через Маточкин Шар, который был ему хорошо известен. Однако Лошкин направился не в Маточкин Шар, а к мысу Доходы, вблизи которого был остановлен тяжелыми льдами.

Благодаря героическому плаванью Лошкина были добыты достоверные сведения о восточном побережье Новой Земли, которые спустя четверть века записал В. В. Кристинин со слов промышленников русского Поморья.

«На берегах Карского моря, от восточного устья Маточкина Шара к северу непрерывный кряж высоких каменных гор простирается даже до Доходов,— отмечал В. В. Кристинин.— Но в южную сторону от того же устья Маточкина пролива берега Карского моря до восточного устья Никольского Шара представляют низкую и мокрую землю, покрытую мохом, сухим и болотным. Там водятся в великом множестве олени, медведи белые, волки. Но сей восточный край Новой Земли неудобен к звероловству; морских заливов на сем берегу нет; следовательно, ни единого спокойного и безопасного становища

---

² Кристинин В. В. Географическое известие о Новой Земле, с. 184.

мореплаватели иметь на оном не могут. Без сего прибежища производить промыслы в Карском море невозможно, где завсегда видны переносные льды. Кораблекрушение от них страшно и опасно»³.

Савва Лошкин весьма верно определил расстояние между мысом Спорый наволоок и Маточкиным Шаром, найдя его равным приблизительно 350 верстам. Так как это расстояние было определено по счислению хода судна по чистой воде, можно предположить, что Лошкин в своем плавании, вероятно, был остановлен льдом к северу от мыса Спорый наволоок, т. е. примерно в районе Ледяной гавани, где некогда зимовали голландцы.

Вторая зимовка располагалась поблизости от мыса Желания, который Лошкин в третье лето благополучно обогнул и беспрепятственно возвратился в Архангельск.

Вскоре произошло еще одно важное событие. Кормщик Яков Чиракин, отличавшийся природными дарованиями и большими познаниями в мореходстве, совершил в 1766 г. плавание проливом Маточкин Шар в Карское море. Не подозревая о том, что этим путем поморы пользовались по крайней мере еще в XVI в., он по возвращении из плаванья доложил о своем открытии архангельским властям. Его сообщение привлекло внимание купца Антона Бармина. Тот решил отправить на Новую Землю судно, доверив его командование флотскому штурману Федору Розмыслову. На судне плыли Яков Чиракин, три военных моряка и девять промышленников⁴. Эта экспедиция получила поддержку со стороны Адмиралтейств-коллегии, которая поручила Розмыслову картографировать Маточкин Шар, а потом, если позволит состояние льдов в Карском море, плыть к устью Оби и тем самым попытаться открыть забытый морской путь в Сибирь, использование которого могло принести немалую пользу русской торговле, особенно внешней.

10 июля 1768 г. кочмара Розмыслова покинула устье Северной Двины. Из-за встречных жестоких ветров почти месяц путешественники потратили на достижение Новой Земли. 16 августа они вошли в Маточкин Шар и приступили к его описи и промеру глубин. Спустя две недели Розмыслов уже находился у восточного устья про-

³ Там же, с. 168—169.

⁴ Чулков Н. Экспедиция на Новую Землю под начальством Ф. Розмыслова в 1768—1769 гг. Архангельск, 1892, с. 22.

лива. Поднявшись на вершину горы, он увидел, что Карское море до самого горизонта свободно ото льдов и можно беспрепятственно плыть к устью Оби. Но судно его было мало приспособлено к дальнему плаванию, так как его парусная оснастка не позволяла ни ходить против ветра, ни лавировать, ни дрейфовать. В случае шторма необходимо было немедленно искать убежища.

«Приближение зимы было в это время весьма заметно,— писал о положении экспедиции Розмыслова Ф. П. Литке, первым познакомившийся с журналом полярного исследователя.— Морозы со дня на день становились сильнее, ветры большею частью стояли бурные, погоды ненастные»⁵.

Розмыслов решил остаться на зимовку в восточном устье Маточкина Шара. Одну избу поставили в Тюленьем заливе, а другую соорудили на мысе Дровяном из бревен становища промышленников, находившегося на берегу пролива вблизи речки Медвянки. Спустя две недели замерз Маточкин Шар. Покрылось льдом Карское море. Восточный слабый ветер изо дня в день приносил снег. В октябре начались вьюги. Морозы крепчали. День становился все короче. Холод в зимовье сделался невыносимым. Законопатели и наглухо закрыли окна в избах, тем более что вскоре солнце скрылось за горизонт — наступила полярная ночь. Заболел Яков Чиракин, а 17 ноября 1768 г. оборвалась жизнь этого смелого морехода.

Среди путешественников появились больные. Порой жестокие ветры и вьюги не позволяли им покидать зимовья.

31 января 1769 г. один из промышленников увидел на северном берегу Маточкина Шара стадо оленей. Он схватил ружье и отправился на охоту, надеясь добыть для себя и своих товарищей свежее мясо. Но через несколько часов разыгралась столь жестокая вьюга, что даже в 20 м невозможно было различить человека. Охотник не вернулся ни в тот день, ни в следующие, ни через неделю. «Положили считать его в числе мертвых без погребения»,— записал Ф. Розмыслов в своем журнале⁶.

---

⁵ Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие..., ч. 1, с. 96.

⁶ Там же, с. 98.

В феврале и марте держались жестокие морозы. Лишь 17 апреля путешественники наблюдали первую оттепель, которую принес юго-западный ветер. От дождя снег раскис. Затем вдруг посыпался крупный град, который шел до полуночи. 23 апреля экспедиция потеряла еще одного своего товарища, промышленника, зимовавшего на мысе Дровяном. 22 мая Розмыслов наблюдал необычное явление: с высоких гор внезапно сорвался ураганный ветер и принес «тяжелый, горький воздух наподобие от дыму».

В конце мая Розмыслов возобновил исследование Маточкина Шара и через несколько недель завершил опись его южного берега. Вскоре Белушья губа очистилась ото льда, и путешественники занялись подготовкой к дальнейшему плаванию. Однако обнаружилось, что многие доски бортов прогнили. Течь была столь сильной, что морякам дважды в сутки приходилось отливать воду. Щели замазывали «густою глиною, смешанною с ржаными отрубями. Везде, где нужно было, конопатили, токмо течь не успокаивалась»⁷.

Зимовка Розмыслова продолжалась 316 дней. 2 августа он вышел из Маточкина Шара. Только четверо его спутников были здоровы. Остальные, в том числе и начальник экспедиции, болели цингой. Первоначально Розмыслову показалось, что до самого горизонта виднелась открытая вода. Однако вскоре появились отдельные льдины, а затем сплошные ледяные поля стали неодолимым препятствием на пути полусгнившего крохотного судна. Один из матросов поднялся на мачту. Впереди не было видно ни берега Ямала, ни каналов чистой воды, которыми можно было бы добраться до устья Оби. Между тем кочмара жестоко ударилась об одну из льдин. Снова открылась сильная течь. «Дабы с худым судном не привести всех к напрасной смерти», моряки на созванном Розмысловым совете приняли решение возвращаться к Новой Земле. Но вместо Маточкина Шара они открыли залив Незнаемый. Здесь путешественники «предали морской бездне» восьмого своего товарища. Этот залив (а может быть, еще один пролив?..) ни Розмыслов, ни его помощник подштурман Губин не имели возможности исследовать. Оба они были тяжело больны. Кочмара по-прежнему да-

---

⁷ Там же, с. 99.

вала сильную течь. «В сем тяжелом положении,— писал Ф. П. Литке,— помышляли они только о том, как бы возвратиться в отечество»⁸.

Вскоре Розмыслов достиг Маточкина Шара и благополучно совершил плавание до западного устья. Здесь путешественники разгрузили судно. В днище было несколько пробоин. Их замазали глиной, но едва снялись с якоря, как вода стала неудержимо пробиваться через «глиняные пластыри». Возможно, экспедицию постигла бы трагическая участь, если бы в устье Маточкина Шара не вошла поморская лодья. Кормщики Ермолин и Лодыгин настояли на том, чтобы Розмыслов перебрался на их судно. Поморы считали, что плыть на сгнившем судне через море было равносильно «самовольной смерти». 25 августа 1768 г. Розмыслов покинул Маточкин Шар и через две недели возвратился в Архангельск.

Экспедиция впервые измерила и положила на карту пролив Маточкин Шар. Спустя более полувека Ф. П. Литке, изучив журналы и карты Розмыслова, отмечал, что опись и по сей день остается самой точной и самой подробной. «Та, которую мы сделали в 1823 году,— признавался знаменитый полярный исследователь,— не может с нею сравниться»⁹.

Розмыслов доставил науке первое описание окрестностей Маточкина Шара: гор и озер, животного и растительного мира. Правда, он не нашел ни жемчужных раковин, ни удивительной красоты камней, о которых рассказывал Яков Чиракин и которые якобы сверкали на солнце разноцветными искрами. «Путешествие это,— писал Ф. П. Литке об экспедиции Ф. Розмыслова,— живо напоминает нам мореходцев XV и XVI веков. Мы находим в нем те же малые средства, употребленные на трудное и опасное предприятие, ту же неколебимость в опасностях, ту же решительность, которая исключает все мысли, кроме одной,— как вернее достигнуть поставленной цели. — Если мы рассмотрим, с какою твердостью Розмыслов, изнемогая от болезни, потеряв почти две трети своего экипажа, с нигде не годным судном, без помощника и почти без всяких средств старался исполнить предписанное ему, то почувствуем невольное к нему уважение»¹⁰.

⁸ Там же, с. 102.

⁹ Там же, с. 103.

¹⁰ Там же, с. 104.

В последней трети XVIII в. свои взоры на Новую Землю обратила Петербургская академия наук. В 1772 г. академик И. И. Лепехин, изучавший Север Европейской России, пытался предпринять путешествие к ее берегам, но не смог достать судна, подходящего для дальнего и опасного пути. Продолжавшиеся жестокие бури окончательно вынудили ученого оставить свое намерение. Но прежде чем расстаться с Севером, он попросил своего друга Василия Васильевича Кристинина собрать сведения об этом острове Русской Арктики.

В 1789 г. в «Новых ежемесячных сочинениях», издававшихся Академией наук под редакцией И. И. Лепехина, был опубликован труд В. В. Кристинина «Географическое известие о Новой Земле», который был главным образом основан на расспросах помора Ивана Шухובה. Спустя год В. В. Кристинин познакомился с кормщиком Федотом Ипполитовичем Рахманиным, рассказы которого он изложил в первом «Прибавлении» к «Географическому известию». За ним последовало «Прибавление второе» — рассказ кормщика Алексея Ивановича Откупщикова, слышанный В. В. Кристининым в июле 1788 г. в Архангельске.

Кристинин не был на Новой Земле, но по сказаниям поморов дал первое монографическое описание этого обширного острова, который он рассматривал как продолжение Урала.

В. В. Кристинин отмечал наличие холодного течения из Карского моря, которое выносит в Баренцево море большие массы льда, покрытого песком и землей. По мнению промышленников, ширина Новой Земли в районе Маточкина Шара составляет 102 версты.

Особое внимание В. В. Кристинин уделил описанию северного острова. Он отметил, что почти все его пространство занято высокими горами, которые снижаются по мере приближения к северу. Более того, он подчеркнул, что многие горы погребены под исполинским ледяным куполом, от которого отдельными языками спускаются к морю потоки глетчерных льдов. Западный берег Северного острова изрезан многочисленными заливами и губами. Из них он особо выделяет Серебрянку, Машигину, Ледяную, Архангельскую, Глазовую, Никольскую, Горбову, Круглую, Богатую и, наконец, Охальную, лежащую ближе всех к мысу Желания. Она открыта ветрам и льдам,

и вблизи ее берегов нередко терпят крушение суда русских промышленников. «Во всех этих заливах,— отмечал Кристинин,— производят промыслы жители Мезенской страны»¹¹.

Кристинин дал также характеристику гор Новой Земли, которая находится в согласии с современными представлениями и свидетельствует о том, что русским промышленникам были хорошо известны не только берега Новой Земли, но и внутренние районы острова.

«По словам и опытам кормщика Откупщикова,— писал В. В. Кристинин,— в северной половине Новой Земли зима в самые летние месяцы ощутительна. Все морские сей части заливы можно назвать ледяными и каменными. Ледяные горы стоят, как неподвижные стены при каменных высоких горах, и новыми льдинами, которые к ним примерзают, увеличиваются. Самых каменных гор верхи всегда снегом покрыты. В летнее время с гор сих водопасы пресной воды низвергаются в заливы»¹².

Кристинин дает описание небольших островов, расположенных вдоль западной части Новой Земли на пространстве от Маточкина Шара до мыса Желания. В их числе он описывает острова Горбовы, Максимков, Доходы (Оранские). В районе последних промышленники, как правило, встречали тяжелые карские льды. Они лишали их возможности пробиваться к восточным берегам Новой Земли. Но все-таки они пробивались и сквозь льды. Кроме Саввы Лошкина по Карскому морю плавали и многие другие поморы. Зимовье одного из них нашел Розмыслов вблизи восточного Маточкина Шара. Животворящий крест был поставлен помором Саввой Феофановым в 1742 г. на берегу речки, которая по его имени потом была названа Саввиной... А следы других подвижников и первооткрывателей стерло время. Но многие даже не помышляли ставить памятные знаки, как, например, тот же Савва Лошкин, рассказ о плавании которого сохранил для потомков Василий Кристинин.

Собственно историческое повествование Кристинина о Новой Земле начинается со времен древнего Новгорода... Как и новгородцы, он верил в наличие месторождений серебра на этом полярном острове. Одновременно Кристи-

¹¹ Кристинин В. В. Географическое известие..., с. 186.

¹² Там же, с. 188.

нин был убежден, что разработки каменноугольных залежей со временем составят важную ветвь новоземельской промышленности. Кристинин установил, что поморам были известны не только все берега Новой Земли от Карских Ворот до мыса Желания, но и все важнейшие заливы и мысы, озера и речки. По словам промышленников, внутренние районы южного острова покрыты камнями и темно-синей глиной, которую они употребляют на изготовление печей в своих зимовьях. Изредка встречаются песчаные места и заросшие мелкой травой поляны, болота и мокрые мхи, которыми, как и травой, питаются олени.

По наблюдениям промышленников, у западных берегов южной части Новой Земли в конце сентября — начале октября начинается образование новых льдов. Припай держится около 8 месяцев. В конце мая — начале июня заливы освобождаются ото льдов. Кристинин обобщил наблюдения поморов за «воздушными переменами». Он писал: «Хорошая погода на Новой Земле случается изредка. Сильные ветры с густым снегом составляют там, по большей части, зимнюю погоду. Бури продолжают часто по неделе, иногда же до десяти дней... В то время весь видимый воздух занимается густым снегом, кажущимся наподобие курящегося дыма»¹³. По рассказам промышленников, глубина снежного покрова в различных местах Новой Земли колеблется от одного до четырех аршин. Толщина ледяного покрова в озерах составляет в среднем 120 см. Морозы на Новой Земле не отличаются особой жестокостью. Во всяком случае, стужа не превосходит самые суровые зимы в Поморье. Это важное замечание вскоре будет подтверждено инструментальными наблюдениями.

Один из разделов своего «Географического известия» Кристинин посвятил растениям Новой Земли. «На ней, — писал он, — никакой лес не растет, не прозябает там какая-либо ягода, встречаются одна только мелкая трава и некоторые цветики не выше четверти аршина. На тамошней земле растут некоторые в пол-аршина деревца с почками, но без листьев»¹⁴.

---

¹³ Там же, с. 133.

¹⁴ Там же, с. 134.

Ученый отмечал, что бедность растительности Новой Земли вознаграждается обилием животных в ее водах и на ее берегах. Промышленники добывают на этом острове или вблизи него моржей, белух, морских зайцев, нерп, белых медведей, песцов. Шкуры и сало их частью продаются в Архангельске, а частью вывозятся в европейские государства. Кроме того, промышленники занимаются добычей птиц и ловлей гольцов — красной рыбы «рода семги». Гольцы по речкам поднимаются в озера Новой Земли, где остаются в течение долгой полярной зимы. Весной они спускаются стаями в океан, чтобы осенью снова возвратиться в водоемы Новой Земли. Гольцы достигают веса 15 фунтов. Водятся они, по словам Кристинина, в великом множестве, так что промышленники шестипудовую бочку этой первосортной соленой рыбы продают по цене от шести до девяти рублей.

Кристинин подробно описал новоземельские промыслы, условия жизни и характер занятий поморов, зимующих на берегах Новой Земли. Ученый полагал, что объемы промышленности на Новой Земле следует увеличить. Прежде всего он считал необходимым обратить внимание на развитие китоловства в студеном морях не только у Новой Земли, но и вблизи Шпицбергена и Гренландии.

Сочинение Кристинина о Новой Земле весьма высоко было оценено Петербургской академией наук, которая избрала его в число своих членов-корреспондентов. В «Географическом известии» Кристинин впервые на основе удивительно точных и достоверных наблюдений промышленников дал первую комплексную характеристику Новой Земли, которой была суждена долгая жизнь в науке. Он надеялся, что сообщенные им известия будут в скором времени дополнены исследованиями гидрографов, горных инженеров, ученых-естествоиспытателей. Но прошло почти 30 лет, прежде чем к берегам Новой Земли отправилась следующая русская экспедиция.

В начале XIX в. по инициативе известного государственного деятеля и знаменитого мецената Николая Петровича Румянцева была учреждена Беломорская компания с базой в Екатерининской гавани на Мурмане (недалеко от города Колы). Кампании не только разрешалось вести промыслы на островах Новой Земли, но и распространять свою деятельность в любых доступных и дальних районах Северного Ледовитого океана. Даже Новосибирские остро-

ва считались находящимися в сфере ее влияния¹⁵. Все это, а также крупные кредиты, которые были предоставлены казной компании, свидетельствовали о том, что русское правительство видело в ней важное орудие как для укрепления своего политического влияния в Арктике, так и для развития морских промыслов в Северном Ледовитом океане.

С возникновением Беломорской компании тесным образом связана самая первая в XIX в. экспедиция на Новую Землю, снаряженная на собственные средства Н. П. Румянцева, внесшего на счет компании 42 тыс. руб., что примерно равнялось десятой доле всех ее капиталов. Одной из главных задач экспедиции были поиски серебряной руды, которую, по летописным преданиям, в давние времена добывали новгородцы и которую затем, начиная с середины XVII в., тщетно пытались открыть русские экспедиции.

Н. П. Румянцев, проявлявший глубокий интерес к русской истории, мореплаванию, словесности, энергично собиравший документы, относящиеся к древним временам России, знал предания, в которых шла речь о новгородских серебряных рудниках. Снаряжая экспедицию на свои собственные, а не на государственные средства, он стремился не только к открытию «новых источников богатства» для Русского государства. В не меньшей степени его интересовало исследование Новой Земли, которая не была еще достоверно картирована. Если не считать весьма точной карты Розмыслова, относящейся к Маточкину Шару, очертания этого грандиозного острова наносились по голландским и английским картам 200-летней давности, а также по картам русских промышленников, которые отличались наибольшей достоверностью, но уже не соответствовали уровню последних достижений науки.

Руководителем экспедиции Н. П. Румянцев пригласил горного чиновника Василия Лудлова. 26 июня 1806 г. Лудлов прибыл в Архангельск, но не смог в ту же навигацию отправиться к Новой Земле, так как время для подготовки и осуществления путешествия было упущено. В феврале 1807 г. он направился в город Колу. Компания выделила для экспедиции судно «Пчела». Помощник начальника экспедиции штурман Григорий Поспелов на-

¹⁵ Архив внешней политики России (АВПР), ф. Главный архив, П-21, 1806, д. 1, л. 6.

шел свое судно на берегу, занесенное снегом и обмерзшее льдом. Состояние «Пчелы» было самое плачевное — было много поломок, снасти отсутствовали. Пришлось посылать шняку за недостающим снаряжением в Архангельск. Наконец, «Пчела» была приготовлена к плаванию.

Сведения об этой новоземельской экспедиции до последнего времени были весьма скудны. Собственно, известна была лишь одна небольшая заметка ее начальника Лудлова, опубликованная более 150 лет назад в журнале «Сын отечества» и почти не дающая сведений о географических исследованиях экспедиции. Между тем в Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота в Ленинграде автору этих строк довелось обнаружить письмо известного полярного исследователя Федора Петровича Литке. Из него стало ясно, что в 1821 г. в Архангельске Литке встретился с капитаном судна «Пчела» штурманом Пospelовым и получил от него карту западного побережья Новой Земли, а также записки, которые капитан «Пчелы» вел во время плавания к этому острову летом 1807 г. Попытка разыскать эти документы среди собрания шкапечных и вахтенных журналов не принесла успеха. Неудачей закончились и поиски в фонде Адмиралтейского департамента, который в первой четверти XIX в. возглавлял ученую деятельность русского флота и которому Литке передал ценные документы Пospelова. Ни карт, ни записок среди документов этого учреждения не оказалось. Однако поиски не прекращались и только что привели к интересной находке. В Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота среди материалов, в основном посвященных подготовке экспедиции к Южному полюсу и в Берингов пролив, которая под командой Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. Н. Васильева в 1819 г. покинула Кронштадт, был обнаружен «Протокол шлюпа „Пчелы“», веденный в навигацию 1807 г. корабельщиком 9-го класса Григорием Пospelовым. На нем имеется пометка, что этот журнал передан в Адмиралтейский департамент Федором Петровичем Литке. Он занимает 60 листов, исписанных как с лицевой, так и с оборотной стороны. Записки Пospelова содержат подробный отчет о подготовке этой экспедиции на Новую Землю. В нем дано описание одномачтового шлюпа «Пчела», который имел длину по килю 39 футов, а ширину по деку — 12 футов. Его водоизмещение составляло 35 т. На судне

находились начальник экспедиции горный инженер Лудлов и два горных мастера. Экипаж судна кроме капитана в «звании корабельщика из отставных штурман Григория Пospelова» состоял из кормщика мезенского крестьянина Мясникова и девяти вольнонаемных матросов-поморов.

28 июня 1807 г. шлюп «Пчела» покинул Екатерининскую гавань и взял курс к Новой Земле, берега которой в районе Костина мыса путешественники увидели через 20 дней.

17 июля «Пчела» отдала якорь в Костином Шаре, где она вынуждена была укрыться от штормового северо-западного ветра. На следующий день, как видно из журнала Пospelова, Лудлов «поехал на карбасе, взяв с собою кормщика, двух мастеровых и 2 человека мореходцев на остров Междущарский для обозрения камней...». Пospelов тщательно описывает ежедневное состояние погоды, направления ветров, перемены в атмосферных явлениях. Из журнала видно, что кроме каждодневных метеорологических наблюдений он измерял глубины моря, определял грунт морского дна на маршруте плавания и вел съемку побережья Новой Земли и лежащих вблизи нее мелких островов.

25 июля экспедиция посетила Вальково становище, где зимовали промышленники Беломорской компании и «где Лудлов рассматривал породу и положение камней». Затем путешественники продолжали путь к северу. Вблизи Железных Ворот они встретили промышленное судно. Поморы посоветовали Лудлову запастись дичью. Вняв этому наставлению, моряки на ближайшем птичьем базаре добыли 150 кайр.

31 июля «Пчела» подошла к устью Маточкина Шара в районе становища Староверского. Стояла облачная погода, вершины высоких гор в тумане не были видны, но ниже их, в ложбинах, лежал вечный снег. Лудлов впоследствии признавался, что мрачный вид увиденных им окрестностей пролива с высокими горами, на вершинах которых были видны ледники, павел на него невольный ужас¹⁶.

¹⁶ Берх В. Н. Известие о путешествии, предпринятом в 1806 году на Новую Землю, на иждивении государственного канцлера графа Николая Петровича Румянцева, — Сын отечества, 1818, ч. 49, с. 297.

«Пчела» отдала якорь, и Пospelов вместе с Лудловым отправился осматривать «становую (промысловую) избу». Она оказалась пригодной для жилья, и путешественники временно поселились в ней.

Во время этой стоянки Пospelов заболел от непрерывной и утомительной работы. 2 августа он отметил в своих записках: «С полуночи маловетрие, погода пасмурна, с дождем. С сего числа в должности корабельщика 9-го класса Пospelов по случаю продолжительного плавания что будучи в управлении шлюпом, в ведении журнала и касающегося в пути бдительного хранения во всем (что видеть можно) занимавши один по неимению себе хоть малосведующего по сей части помощника, от чего по суровости воздуха расстроясь в здравьи, сделался от простуды болен, а прочие все в здравом положении. С полудни ветер средний, погода облачна, с просиянием солнца. Сего числа горный чиновник ходил по берегам... для осмотру оных»¹⁷. Лудлов нашел на них лишь куски каменного угля, колчедан и серу.

Уже на следующий день Пospelов занимался починкой и оснащением найденного в Староверском становище карбаса, на котором он отправил Лудлова в губу Серебрянку. Но тот вскоре вернулся назад по причине «немалого от северной стороны волнения». 7 августа попытка была повторена. Плыть пришлось открытым морем вблизи отвесного скалистого берега Северного острова Новой Земли. Парусом им служила старая рогожа, и Лудлов со страхом ожидал возможного усиления ветра. Через четыре часа, вечером 8 августа, достигли залива, из которого корабли древнего Новгорода якобы вывозили серебро.

Лудлов с горными работниками не нашел ни следов прежних разработок, ни следов серебряной руды.

В полдень 9 августа Лудлов уже возвратился в Маточкин Шар.

В столь непродолжительное время, которое, включая плавание в губу Серебрянку и обратно, заняло меньше суток, Лудлов не мог выполнить сколько-нибудь серьезных геологических исследований. Между тем Пospelов готовил свое судно к дальнейшему плаванию, чинил рангоут, запасался свежей водой. 11 августа он отметил в журнале, что совершенно «выздоровел от простудной бо-

¹⁷ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 344, л. 123.

лезни» и что «от болезни сей лечился чрез варение и питье растущей тут травы зверобою».

13 августа «Пчела» покинула Маточкин Шар, при этом Лудлов объявил Поспелову, «что в другие места Новой Земли заходить надобности не имеет, и предложил следовать прямо в Архангельск»¹⁸.

Но прежде чем покинуть берега Новой Земли, Поспелов еще раз счел нужным проверить «широту по обсервации Маточкина Шара». Спустя 15 лет его наблюдениями воспользовался другой исследователь Новой Земли — Ф. П. Литке, который в 1822 г. без труда нашел пролив (в плавание 1821 г. ему не удалось отыскать вход в Маточкин Шар)¹⁹.

На пути в Архангельск путешественники попали в полосу штормов. Особенно свирепствовали бури в Белом море. Лудлов не выдержал и приказал высадить его в деревне Ручьи, решив добираться берегом до Архангельска.

7 сентября 1807 г. тендер «Пчела» отдал якорь на Северной Двине.

Экспедиция не нашла серебряных руд и не обогатила науку новыми представлениями по геологии Новой Земли. Вместе с тем благодаря трудам штурмана Поспелова были получены новые, более достоверные сведения об очертаниях южного острова Новой Земли.

«Не имея ни одного помощника,— писал Литке,— не имел он возможности сделать точной описи берегов Новой Земли, им виденных, но, заметя с самого начала несходство карт, ему данных, с истиною, брал он часто пеленги, замечал положение берегов и по сим данным составил изрядную карту новоземельского берега от Кости на Шара до Маточкина, с видами, изображавшими весьма хорошо общую окрестность горных хребтов сего пространства берега»²⁰.

В то время как Лудлов был повышен в чине и принят Александром I, штурман Поспелов, который сделал новый шаг в картировании Новой Земли, был оставлен в неизвестности. Этот факт в 1821 г. стал известен Ф. П. Литке, который просил Адмиралтейский департа-

¹⁸ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 93, л. 58.

¹⁹ Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие..., ч. 1, с. 108.

²⁰ Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие..., ч. 1, с. 110.

мент наградить Поспелова за мужество и ценные сведения о Новой Земле.

Подробный журнал, который Поспелов вел во время всего плавания, и карту осмотренной им части Новой Земли он впоследствии передал Ф. П. Литке. Полярный исследователь снял с них копии, тем самым сохранив их для потомков.

Записки штурмана Григория Поспелова — это не только скупое и немногословное свидетельство мужества и мореходного искусства поморов. Они представляют большой научный интерес прежде всего ежечасными метеорологическими наблюдениями, которые имеют важное значение для изучения истории климата Арктики, для восстановления климатических характеристик Баренцева моря и Новой Земли в начале XIX в. Не менее интересны наблюдения за глубинами и течениями, тем более что в большинстве своем они являлись первыми и имели цену открытия. Важную службу для развития правильных картографических представлений об исконной русской Новой Земле сослужила составленная Поспеловым карта западных берегов южного острова.

В начале XIX в. русскими моряками была намечена великая программа по картированию побережий Арктики, Антарктики, Русской Америки, Дальнего Востока, островов Северного Ледовитого и Тихого океанов. Одной из главных задач отечественных полярных исследований было объявлено изучение Новой Земли, которая, по словам генерал-гидрографа Гаврилы Андреевича Сарычева, «никогда еще не была описана, а положена на карты по одним показаниям русских промышленников»²¹, занимавшихся добычей морского зверя в ее водах и на ее берегах. Слова эти были написаны в конце декабря 1818 г., а спустя несколько месяцев морским министерством была отправлена на Новую Землю экспедиция. Возглавил ее А. П. Лазарев, родной брат выдающегося русского флотоводца.

10 июня бриг «Новая Земля» покинул Архангельск. На его борту находилось 50 человек. Экспедиция была снабжена первоклассными физическими инструментами, которые доставил из Петербурга будущий декабрист М. К. Кюхельбекер.

²¹ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 681, л. 3.

Путешественникам предстояло сделать первую остановку у южной оконечности Новой Земли. Здесь Лазареву предписывалось отправить одно гребное судно для описи западного, а второе — для описи восточного берега Новой Земли. Третьему судну поручалось исследование острова Вайгач. Что касается брига «Новая Земля», то Лазареву предписано было «прорезать» Маточкин Шар и, выйдя к его восточному устью, следовать к острову Белому. Затем ему предстояло обогнуть со стороны Карского моря северную оконечность Новой Земли и соединиться с гребными судами в Маточкином Шаре.

Экспедиция А. П. Лазарева не выполнила поставленных задач. Из-за тяжелой ледовой обстановки ей не удалось промерить Майгол Шар и определить положение мыса Кармакульского. А. П. Лазарев поставил под сомнение достижение Новой Земли штурманом Г. В. Поспеловым в 1807 г., высказывая недоумение, что «в продолжение 12 лет природа могла столь много изменяться». А. П. Лазарев утверждал, что, по сведениям, собранным им у промышленников, никто из поморов, отправлявшихся на промысел в новоземельские воды, «не находил никогда берегов»²² этого острова по той причине, что они всегда окружены припайными и дрейфующими льдами. А. П. Лазарев сделал заключение, что опись Новой Земли не может быть выполнена. Эту же мысль А. П. Лазарев повторил в докладе на имя И. И. де Траверсе и в письме И. Ф. Крузенштерну. Всякую попытку отправки экспедиции на судне он рассматривал как жертву, бесполезную для науки, мореплавания и промыслов.

И. И. де Траверсе приказал составить «экстракт», в котором было подчеркнуто, что правительство заботится об исследовании Новой Земли ради пользы географии²³.

А. П. Лазарев не только не смог «объяснить сомнений и неизвестностей»²⁴, которые были распространены относительно всей Новой Земли, но, наоборот, способствовал рождению новых заблуждений и распространению неверных утверждений. Еще до выхода из Архангельска он мало верил в успех, особенно в «успех познаний во-

²² ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 3856, л. 131.

²³ Там же, д. 3859, л. 15.

²⁴ Там же, д. 3856, л. 104.

сточной стороны», при этом ссылаясь на показания промышленников и плавания Баренца. Однако взгляды А. П. Лазарева не получили поддержки в морском министерстве. Моряки не соглашались с его доводами. Ф. П. Литке тщательно проанализировал плавание А. П. Лазарева и пришел к выводу, что причина его неудач может быть объяснена, во-первых, повышенной ледовитостью моря и дурными погодными условиями, которые не позволили картировать берега Новой Земли в первую половину лета. Во-вторых, повальное заболевание экипажа брига цингой вынудило Лазарева отправиться в Архангельск в начале августа, когда, по всей вероятности, можно было ожидать и лучших погод, и «свободнейшего от льдов моря».

«Но в описании сего путешествия,— подчеркивал Ф. П. Литке,— выставлены причины сии не в настоящем их виде. Читая оное, можно подумать, что болезнь, о которой мы говорим, есть какая-нибудь новая, единственно Новой Земле свойственная, но вместо того была она не что иное, как обыкновенная морская цинга, которая у мыса Горна, на Экваторе и Новой Земле ознаменовывается одинаковыми признаками, унынием духа, открытием застарелых ран, внезапными припадками и пр. Нет сомнения, что суровость климата Новой Земли имела некоторое участие в произведении сей болезни, но теснота судна, которого палубы и трюм завалены были приготовленною для зимовки избою, недостаток покоя людям и дурной воздух, от сего происходившие, были, может быть, еще более тому виною. При том же лейтенант Лазарев отправился в море слишком рано, ему предписано это было на тот конец, чтобы доставить более досуга для выполнения поручения, но берега Новой Земли редко бывают доступны прежде исхода июля, и потому отправление в начале июня, не способствуя успеху экспедиции, утомляло только людей и располагало их к болезням. Множество льда у берегов Новой Земли считается в том описании не случайным или временным явлением, но приписывается какой-то физической на Севере революции, увеличившей непомерно стужу и сделавшей берега Новой Земли совершенно недоступными»²⁵.

---

²⁵ Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие..., ч. 1, с. 119, 120.

Эти доводы А. П. Лазарева предстояло опровергнуть последующим полярным исследователям.

Морское Министерство осенью того же, 1819, года получило разрешение на отправку будущим летом второй экспедиции к Новой Земле.

25 октября 1819 г. И. И. де Траверсе отдал распоряжение главному командиру Архангельского порта о постройке брига для предстоящих исследований. Чтобы выиграть время, его должны были строить по готовому чертежу, присланному из Петербурга. 4 декабря 1819 г. в Архангельском адмиралтействе было заложено новое судно. 27 января 1820 г. Адмиралтейств-коллегия от И. И. де Траверсе получила «Предложение» с поручением заблаговременно отправить необходимые материалы из Петербурга, имеющиеся же в Архангельске закупить на месте.

10 июня 1820 г. бриг «Новая Земля» был спущен на воду. Однако по неизвестным причинам в плавание он не ушел.

Руководителем экспедиции в начале 1821 г. по рекомендации В. М. Головнина, состоявшего в то время по особым поручениям при морском министре, был назначен лейтенант Федор Петрович Литке, с именем которого связаны многие события в развитии полярных исследований.

Назначение Литке начальником Новоземельской экспедиции оказалось началом того стремительного восхождения, которое завершилось через несколько десятилетий избранием его президентом Петербургской академии наук.

Приняв предложение Головнина, Литке прежде всего проанализировал как древние, так и недавние плаванья к Новой Земле и пришел к выводу выдающегося значения. «Все путешествия в полярные моря доказывают, что встречаемые мореходцами препятствия от льдов бывают в разные годы весьма различны. Сверх множества примеров, представляемых нам путешественниками к северу и северо-западу, найдем мы несколько таковых и в нашем обозрении путешествий к Новой Земле. Голландцы в 1594 году нашли как Югорский Шар, так и Карское море от льдов довольно свободными, а в следующем году со всевозможными усилиями и величайшими опасностями едва дошли до Мясного острова. Баренц в 1596 году дошел до дальнейшего северо-восточного кон-

ца Новой Земли, где, однако же, от множества льда претерпел кораблекрушение. 16 лет после него Фан-Горн встретил у берега Новой Земли непроходимую стену льда, в 1664 году Фламинг нашел как у мыса Желания, так и к северу и к востоку от него совершенно чистое море, а Вуд 12 лет спустя не мог проникнуть за параллель 76°. Лейтенант Муравьев в 1734 году плавал по Карскому морю, не имея никаких препятствий, а во все последующие годы, как он, так и преемники его, встречали множество льда.

Причина сего удивительного различия есть та, что количество льдов в каком-нибудь месте зависит не столько от географической широты или средней температуры года, как от стечения множества обстоятельств, считаемых нами случайными, от большей или меньшей степени стужи, царствовавшей в зимние и весенние месяцы, от большей или меньшей жестокости ветров, в сие разные времена года стоявших, от направления их и даже от последовательного порядка, в каком они от одного направления переходили к другому, и, наконец, от совокупного действия всех оных причин, не только в том самом месте, но и на реках льды свои к оному низпосылающих. И так, одно или даже и несколько неудачных плаваний в Полярном море ни в каком случае не могут служить доказательством всегдашней ледовитости онаго. Доводы сии сохраняли свою силу, невзирая на неуспешное плавание лейтенанта Лазарева, которое тем менее могло их опровергнуть, что особенные обстоятельства принудили его прежде времени отстать от своего предприятия»²⁶.

Убежденный в том, что берегов Новой Земли возможно достигнуть, он приступил к подготовке предстоящего путешествия. Но прежде чем рассказать о его замечательных достижениях, отметим, что Литке, только что совершивший кругосветное плавание на шлюпе «Камчатка», принадлежал к числу талантливейших мореплавателей. Точнее, он принадлежал к морской школе Головнина, который думал прежде всего о существе дела, а не о показной, рекламной шумихе.

В годы плавания шлюпа «Камчатка» вокруг света Головнин оказал на Литке глубокое влияние. Этот прямодушный в суждениях и смелый в своих действиях мо-

---

²⁶ Литке Ф. П. Четырежды путешествие..., ч. 1, с. 124—125.

реплаватель «отличался светлым умом и широким, можно сказать, государственным взглядом»²⁷. Он так беспощадно критиковал политику самодержавия по отношению к морскому флоту, что Дмитрий Завалишин считал его декабристом. И хотя он не был членом тайного общества, но безусловно знал о его существовании и сочувствовал идеям, которые исповедовали его члены. Головнин обладал глубокими познаниями не только в морском деле, но и во многих областях науки, не говоря уже о незаурядном литературном таланте. На протяжении всех четырех плаваний Головнин помогал Литке советом, делом и заступничеством. Сохранились письма Головнина — яркое свидетельство чуткой заботы знаменитого мореплавателя о трудах и судьбе Литке. Он хлопотал о назначении на его корабль способных офицеров, об обеспечении экспедиции инструментами и припасами, сообщал флотские новости и приходил на помощь в трудные минуты.

Перед отъездом Литке из Петербурга этот суровый человек послал ему сердечное письмо, в котором желал удачи в исследованиях. Стоило заболеть одному из мичманов — Сарычеву, как Головнин добивается назначения в экспедицию Николая Чижова, одаренного офицера, будущего декабриста. С Чижовым он отправляет Литке письмо, в котором сообщает о своих хлопотах для экспедиции, о ходе заготовки мяса и других припасов. Итоги этой заботы хорошо известны. За четыре плавания в Северном Ледовитом океане экспедиция не потеряла ни одного человека.

В. М. Головнин написал «Проект инструкции командиру судна, отправляющемуся для обозрения Новой Земли», который почти без изменений был утвержден морским министром. Головнин ставил перед Новоземельской экспедицией более скромные задачи по сравнению с теми, которые были разработаны для А. П. Лазарева.

На первый раз экспедиции поручалось изучить величину Новой Земли, определить географическое положение главнейших мысов, изведать длину пролива Маточкин Шар. Выполнение этих задач ставилось в зависимость от состояния ледовой обстановки. Если льды или иные «важные помешательства» будут препятствовать выполнению

---

²⁷ Литке Ф. П. Автобиография, СПб., 1883, с. 86.

этой задачи, то Литке предписывалось не подвергать бриг «очевидной опасности».

В конце марта 1821 г. Литке покинул Петербург и в начале апреля уже доставил в Архангельск инструменты, книги и карты. Путешественники были щедро снабжены противоцинготными средствами и теплой одеждой. Судно было специально подготовлено для возможной зимовки во льдах.

Литке беспокоила недавняя неудача экспедиции А. П. Лазарева, и, чтобы быть уверенным в том, с какими трудностями ему предстоит встретиться в Северном Ледовитом океане, он при всяком удобном случае собирал сведения об условиях плавания в новоземельских водах. Все купцы, посылавшие свои суда, и все промышленники, зимовавшие на Новой Земле, уверяли, что подход к ее берегам так же возможен, как и прежде, и что упадок новоземельских промыслов обусловлен снижением цен на ворвань. Рассказы поморов «истребили» его опасения и совершенно его успокоили.

25 июня было закончено оснащение судна, и через три недели экспедиция покинула Архангельск.

Когда было пройдено почти все Белое море, бриг «Новая Земля» неожиданно сел на мель. Только благодаря распорядительности Литке и храбрости экипажа бриг удалось стянуть с банки и тем самым спасти от гибели.

«В течение сего несчастного для нас дня, — писал Литке 19 июля, — все и каждый были одинаково утруждены. Маленькая команда наша работала почти без отдыха целые сутки, но, поощряемая примером офицеров, переносила все тягости с тем веселием духа, которое отличает русского матроса»²⁸.

Экспедиция продолжала путь к берегам Новой Земли. 1 августа встретили первые льды, среди которых блуждали в течение нескольких дней. Потом решили спускаться к югу, надеясь ближе к матерiku найти проход к берегам Новой Земли. Вместо твердой земли перед ними 5 августа снова встал лед. Лед был на западе, лед был на севере, лед был к востоку, лед ударялся о борта корабля — казалось, лед всюду. Затем бриг подхватило сильное течение из Карского моря и отнесло в то место, где экспедиция находилась пять дней назад.

---

²⁸ Литке Ф. П. Четырежды путешествие..., ч. 1, с. 182.

День за днем проходили в бесплодных попытках достичь берегов Новой Земли. Надежды на успех было мало, но моряки не теряли присутствия духа. 11 августа они впервые увидели в районе Костина Шара Гусиный берег, но подойти близко не смогли.

Литке рискнул пробираться среди льдов на север, где, как казалось ему, обрывалось ледяное поле. Шли даже ночью. Она была еще не очень продолжительна. Но в течение четырех часов было столь темно, что плавающие льдины вахтенные замечали лишь в недалеком расстоянии. Каждую минуту бриг мог налететь на гряды торосов.

«Даже и между носящимся льдом,— писал Литке 13 августа,— пробираться было затруднительно и опасно. До тех пор, пока стоял хотя малый ветер и судно хорошо управлялось, можно было еще от них уклоняться, но около полуночи совершенно заштилили, бриг понесло и прижало к находившемуся с левой стороны полю, так что не было никакого средства оттолкнуться от него шестами. Между тем с правой стороны сближалось с нами множество других льдин, из коих некоторые были огромные. К счастью, поставя все паруса, протерлись мы по краю льда и таким образом освободились от опасного нашего положения.

Беспокойная ночь сия произвела глубокое на всех нас впечатление. Нас окружали со всех сторон мелькавшие сквозь мрак, подобно призракам, ледяные исполины. Мертвая тишина прерываема была только плеском волн о льды, отдаленным грохотом разрушавшихся льдин и редким глухим воем моржей.

Все вместе составляло нечто унылое и ужасное»²⁹.

Литке предпринял попытку проникнуть на восток и выйти на середину пролива Карские Ворота, но был остановлен сплошным льдом. Убедившись окончательно, что на протяжении более 200 верст, между 70 и 72° с. ш., берега Новой Земли блокированы льдами, он решил обратиться на чистую воду и, поднявшись в более высокие широты, попытаться приблизиться к берегам, лежащим значительно севернее южной оконечности острова. Как ни казалась маловероятной и противоестественной такая попытка, положение дел вынуждало Литке решиться на этот шаг.

²⁹ Там же, с. 197.

14 августа бриг направился на север. На следующий день путешественники шли тем же курсом и с сожалением отмечали, что огромная полоса льдов по-прежнему блокирует берега Новой Земли.

Затем на путешественников обрушилась буря. Бриг показал отличные мореходные качества. Ледовая обстановка после шторма неожиданно улучшилась. Не встречая ни одной льдины, судно приблизилось к Новой Земле и вдоль ее берегов продолжало путь на север, пытаясь отыскать вход в Маточкин Шар. Но все попытки путешественников открыть пролив, разделяющий Новую Землю на два острова, оказались тщетными.

Литке решил проверить, нет ли ошибки в определениях его предшественника Федора Розмыслова, и поднялся за 74-ю параллель. Здесь он открыл гору, имевшую вид пирамиды, которую назвал именем Головинна, под чьим начальством провел «два полезнейших года».

Отсюда экспедиция повернула на юг, занявшись поисками западного устья Маточкина Шара, но сделать это было нелегко. Корабль из-за свежего ветра вынужден был часто держаться не ближе 15 миль от Новой Земли. «В сумерки,— писал Литке 25 августа 1821 г.,— не дошед несколькими милями до параллели Маточкина Шара, легли в дрейф, дабы не пройти сего важного для нас места, что по причине темных уже ночей весьма бы легко могло случиться, а на рассвете продолжали курс вдоль берега с усугубленным вниманием.

Мы старались наипаче замечать вид гор и тем паче большие проливы. Но, к удивлению нашему, горы продолжались одним непрерывным хребтом, а в береге находились только небольшие углубления, ничем не похожие на устье искомого нами пролива. Почитая, однако же, возможным, что в широте его, определенной Розмысловым, есть какая-нибудь ошибка, не переставали мы надеяться найти его еще впереди, тем более что берег, коим мы проходили, был ровный, несколько удаленный от высоких гор, который как будто соответствовал описанному Розмысловым на пути от Бритвина залива к Маточкину Шару. Но еще более обнадеживали нас два, по-видимому большие, отверстия в берегу, скрывавшиеся за низменными мысами. Противу южнейшего из них находились мы в 7-м часу утра, оно оказалось небольшим заливом. Южная оконечность сей губы отличается возвышающею-

ся на ней чрезвычайно приметною горою, на вершине которой стоит нечто похожее на башню или на огромный столб, представляющийя со всех сторон в одинаком виде. Примечательный мыс сей (мыс Столбовой.— В. П.) называл я по имени старшего нашего лейтенанта, мысом Лаврова. Другое отверстие, с коим мы поравнялись в полдень, оказалось подобным первому. Оно отличается также южным своим мысом, коего хребет составляет несколько уступов, весьма приметных с южной стороны»³⁰.

26 августа путешественники наконец смогли подойти к берегам Новой Земли и осматривать их с расстояния двух миль. Они обнаружили выступавший в море полуостров, который они раньше, на пути к северу, не заметили из-за дальности расстояния. Общий вид этого места напоминал очертания Митюшевского наволока, который, судя по карте Розмыслова, находился в 20 милях к северо-западу от Маточкина Шара.

Литке приказал тщательно следить за берегом, надеясь обнаружить «разделение в хребте гор, которое означало бы большой пролив». Однако ни один виденный пункт не напоминал Маточкина Шара, хотя, по определениям Розмыслова, они в этот день должны были еще раз пройти мимо места их изысканий. Путешественники действительно дважды прошли мимо Маточкина Шара. Но об этом им станет достоверно известно спустя несколько недель, когда судьба сведет Литке в Архангельске со штурманом Григорием Поспеловым. А пока руководитель экспедиции не знал, в чем же причина неудачи их поисков. «Мы не могли не видеть его,— писал Литке 26 августа,— ибо ни одна даже незначущая впадина в береге не избежала внимания нашего, и потому должны были заключить, что Маточкин Шар положен на картах или слишком с большою погрешностью в широте, или вовсе в несходном с истиною виде, что устье его или гораздо уже, или обращено не в ту сторону, и проч. Как бы то ни было, для разрешения сомнения нашему имели мы только одно средство — посылать гребные суда в каждый из заливов, мимо которых мы проходили. Но сего средства употребить не позволяла нам ни краткость оставшегося времени, ни краткость дней, ибо всякая незначущая заводь могла бы нам в таком случае стоять целого дня.

³⁰ Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие..., ч. 1, с. 205—206.

И так мы увидели себя в необходимости оставить под сомнением и самое положение Маточкина Шара, и немногие дни, которые мы могли еще пробыть у Новой Земли, употребить на обозрение сколь возможно большего пространства берега к югу»³¹.

Экспедиция взяла курс на Карские Ворота, производя с борта корабля опись берегов Новой Земли. Чем южнее спускались путешественники, тем чаще встречались льды, которых вовсе не было видно в районе предполагаемого местонахождения Маточкина Шара и к северу от него.

Ощущалось приближение осени. 28 августа налетела снежная буря и корабль окутал густой туман. В тот же день путь преградила стена торосистого льда. Двое суток Литке искал проход, надеясь проникнуть к южной оконечности Новой Земли. Но, потерпев неудачу, он решил возвращаться в Архангельск, куда благополучно прибыл в воскресенье 11 сентября 1821 г.

Экспедиция не потеряла ни одного человека. Все участники плавания были здоровы. Литке ставил это в заслугу штабс-лекарю Тихомирову, «который достоинствами своими может сделаться полезным не только для службы, но и для человечества»³².

В письме Головнину Литке признавался, что его экспедиция имела немногим лучший успех, чем предшествовавшее плавание Андрея Лазарева. «Хотя после многих усилий и опасностей и удалось нам подойти к берегу и обозреть оный между параллелями 72 и 75°, но главный предмет назначения нашего — измерение длины Маточкина Шара — остался невыполненным, невзирая на то, что, следуя вдоль берега к северу, а потом обратно к югу, долженствовали мы два раза пройти мимо его»³³.

Причину неудачи поисков Маточкина Шара Головнин видел в неверности и противоречивости существующих карт: так, на карте Федора Розмыслова пролив показан на 73°40' с. ш., а на английских печатных картах — 75°30'.

Это объяснение и содержалось в докладе, представленном Головинным морскому министру де Траверсе.

---

³¹ Там же, ч. 1, с. 209—210.

³² ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 3859, л. 59.

³³ ЦГАДА, ф. 80, д. 57, л. 127.

А через некоторое время за усердие и мужество, проявленные в ходе экспедиции, Литке получил от морского министра благодарность.

Перед тем как отправиться с отчетом в Петербург, Литке встретился с Г. Поспеловым и получил от него рукописные карты и журнал плавания 1807 г. Изучив их, Литке убедился, что, плавая около Митюшева наволока, он находился недалеко от Маточкина Шара. Затем, сравнив свои карты с картами поморов, он нашел на них исследованные им заливы и бухты и сохранил за ними старинные названия. Литке впоследствии установил причину, которая помешала ему летом 1821 г. обнаружить Маточкин Шар. «Горы, подходящие к самым его берегам, равно как и мысы Черный и Бараний, образующие собственно вход в пролив, створяясь между собою, столь совершенно оный заслоняют, что, находясь даже у мыса Столбового, нипочему нельзя вообразить, что имеешь перед собою пролив около 100 верст длиною»³⁴.

Вместе с тем, тщательно проанализировав итоги своего плавания, Литке пришел к выводу, что его неудача была обусловлена не только сложной ледовой обстановкой у южной оконечности Новой Земли, но и его несколько ошибочными расчетами. «Я,— писал он в 1825 г.,— употребил почти месяц на то, чтобы бороться противу льдов, не допуская нас до южного берега Новой Земли, в той мысли, что берег сей прежде всех прочих мест от льда очищается... Но мне следовало бы принять в рассуждение, что южный берег, хотя бы и очистился прежде других мест по соседству своему с неистощимым запасом льдов — Карским морем, весьма часто ими заносим быть может. Между тем западный берег, освобождаясь однажды, во все лето более или менее будет чист»³⁵.

Литке был склонен считать, что, если бы он не потерял напрасно четыре недели у южных берегов Новой Земли, он смог бы отыскать Маточкин Шар.

Сначала в рапорте на имя морского министра, а затем в своем знаменитом «Четырехкратном путешествии» он отверг доводы А. П. Лазарева о недоступности берегов Новой Земли и невозможности их исследования. Более

---

³⁴ Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие..., ч. 1, с. 300.

³⁵ Там же, с. 221.

того, Литке подчеркивал, что в навигацию 1821 г. у берегов Новой Земли не было льдов не только между 72 и 75° с. ш., но и, вероятно, до самой северной оконечности острова можно было плыть по чистой воде.

В декабре 1821 г. Литке возвратился в Петербург. Вскоре морским ведомством было принято решение о продолжении описи Новой Земли. По настоянию Литке Адмиралтейский департамент рассмотрел также вопрос о возобновлении исследования Белого моря. В частности, предполагалось «сделать вновь промер глубин от Моржова острова к северу по всему пространству до выхода в океан»³⁶. По предложению Адмиралтейств-коллегии начальником Новоземельской экспедиции снова был назначен Ф. П. Литке. Задачи ее были изменены. Поскольку новоземельские воды, как правило, освобождались ото льдов не раньше конца июля, то экспедиции разрешалось первоначально заняться исследованием берега Лапландии между Св. Носом и устьем реки Колы.

«Станным покажется, может быть,— писал Литке,— но тем не менее это справедливо, что берег сей, вдоль коего уже около трех веков плавают суда первых мореходных народов, был нам доселе в гидрографическом отношении менее известен, чем многие отдаленнейшие и необитаемые части света. Он никогда не был описан надлежащим образом, и все карты сего берега были основаны на неполных и иногда неточных известиях, рассеянных во многих старинных книгах»³⁷.

Во время плавания в Северном Ледовитом океане Литке было поручено вести широкие геофизические наблюдения. Прежде всего ему вменялось в обязанность на всем пути плавания определять виды и свойства полярных льдов, «различая речные ли они или полярные, что познается по виду, толщине и величине их»³⁸.

Одновременно надлежало четыре раза в сутки вести наблюдения за температурой и давлением воздуха, а также за магнитным склонением. Кроме судового журнала Литке обязан был вести особые записки. В них он должен был заносить все, что покажется ему «новым и стоящим любопытства не только по морской части, но и вообще

---

³⁶ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 3867, л. 1.

³⁷ Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие..., ч. 1, с. 223.

³⁸ Там же, с. 227.

во всем том, что служит к распространению познаний человеческих» ³⁹.

У берегов Новой Земли Литке разрешалось находиться столь долго, как позволит ледовая и метеорологическая обстановка. Остаться на зиму экспедиции не разрешалось.

17 июня 1822 г. бриг «Новая Земля» во второй раз покинул Архангельск. Спустя неделю экспедиция приступила к исследованию северных берегов Кольского полуострова, картированием которых занималась более месяца. В начале августа Литке направился к берегам Новой Земли. Путешественники увидели ее берега 8 августа. Следуя вдоль них к северу, они с удовлетворением убеждались в надежности прошлогодней описи.

«Мы,— записал Литке в этот день в свой журнал,— не сводили труб с берега, нетерпеливо ожидая увидеть Маточкин Шар, предмет прошлогоднего нашего недоумения. Наконец, увидели малый, низменный беловатый островок Паньков, под самым берегом лежащий. Несколько левее островка Панькова открылся мыс Столбовой и, наконец, большой, но невысокий остров Митюшев. По сим приметам нельзя было не узнать Маточкина Шара. В 8-м часу вечера находились мы уже в его устье. Мы скоро надеялись положить якорь в проливе» ⁴⁰.

Но ветер внезапно утих, потом так же внезапно подул, но уже не с запада, а с востока. Заметив стремительное понижение давления в барометре, которое всегда являлось предвестником шторма, Литке решил возвратиться в открытое море. По пути моряки проверили прошлогоднюю опись и открыли еще несколько бухт, заливов, мысов, которым присвоили имена участников экспедиции или близких друзей, трудившихся над исследованием Севера России.

10 августа Литке достиг губы, которая на картах русских промышленников называлась Архангельской. Здесь путешественники открыли Панкратьевы острова, которые первоначально приняли за острова Оранские. За ними виднелось чистое море. Потом показались множество ледяных обломков и огромная ледяная глыба, отколовшаяся от спускавшегося в море глетчера.

---

³⁹ Там же, с. 228.

⁴⁰ Там же, с. 300.

Литке полагал, что он приближается к северной оконечности Новой Земли. К всеобщей радости, 11 августа путешественники увидели впереди исполинский, покрытый снегом мыс. Далее, как было видно с салинга, к северу виднелось море, а берег принимал южное или юго-восточное направление. Литке решил, что достиг мыса Желания. Эта убежденность еще более усилилась, когда он увидел три острова в губе, которые он принял за острова Оранские.

«Мы,— писал Литке,— не могли не радоваться успеху, превзошедшему ожидания наши, и, видя около себя только редко рассеянные ледяные горы, ласкались уже надеждою обогнуть Новую Землю с севера и вступить в Карское море сего же дня»⁴¹.

Однако вскоре на горизонте появились огромные ледяные поля, размеры которых порой невозможно было определить. Литке направился каналом свободной воды, простиравшимся к северо-востоку. Канал постепенно заполнялся котлоками льдин и великим множеством плавника, среди которого виднелись огромные пни толстых лиственниц и кедров. «Этому лесу,— отмечал Литке,— неоткуда было взяться здесь, как из рек Сибири, почему и казался он нам несомненным свидетелем близости Сибирского океана и, следовательно, того, что последний виденный нами мыс был действительно мыс Желания»⁴².

Сплоченность льдов в том районе, где лавировали несколько дней путешественники, постепенно увеличивалась. Погода ухудшалась. Держался все время густой туман, проникавший до костей. Начались морозы, правда, незначительные. Но они, по словам Литке, еще более увеличивали сырость и холод. «Оставаясь несколько дней кряду в таком положении,— отмечал Литке,— мы начинали уже воображать, что навсегда отделены от всего обитаемого мира. Невзирая, однако же, на то люди наши были все до одного здоровы и со свойственной мореходцам беспечностью пели и забавлялись по обыкновению, насколько позволяли обстоятельства»⁴³.

13 августа Литке повернул к югу. Через четыре дня экспедиция возвратилась в Маточкин Шар. Астрономиче-

⁴¹ Там же, с. 306.

⁴² Там же, с. 307.

⁴³ Там же, с. 309.

ски определив положение его западного устья, путешественники продолжили опись южного острова Новой Земли до тех пор, пока разыгравшийся шторм не вынудил их прекратить работы и взять курс на Белое море. В сентябре экспедиция возвратилась в Архангельск.

Экспедиция доставила науке первые достоверные карты значительной части западного берега Новой Земли, сняла виды приметных географических пунктов, собрала богатые естественноисторические коллекции.

Когда бриг «Новая Земля» во второй раз возвращался в Архангельский порт, на его борту не было ни одного больного матроса или офицера. Это достижение Литке ставил в заслугу штабс-лекарю Смирнову, которого он аттестовал как отличного врача.

Исследования Литке по описи Лапландии и Новой Земли были высоко оценены Адмиралтейским департаментом. Г. А. Сарычев в своем представлении начальнику морского штаба А. В. Моллеру писал, что «карты и виды составлены с особенным тщанием и искусством» и что, несмотря на штормы и льды, Литке добился отличных успехов «на пользу мореплавания и географии»⁴⁴. Литке получил чин капитан-лейтенанта, лейтенант Лавров — орден св. Владимира 4-й степени, А. Ф. Литке — орден св. Анны 3-й степени. Штурманам Софронову и Прокофьеву, штабс-лекарю Смирнову и 42 матросам было в награду одновременно выдано «годовое штатное жалованье»⁴⁵.

Летом 1823 г. Литке предстояло в третий раз отправиться к Новой Земле. Адмиралтейский департамент уточнил прошлогоднюю инструкцию, значительно расширив задачи экспедиции. Литке поручалось, во-первых, проверить достоверность географического положения Св. Носа, Канина Носа и острова Колгуев. Во-вторых, он должен был завершить опись Лапландского берега от Кольского залива до границы с Норвегией (Швецией). В-третьих, предстояло удостовериться, действительно ли экспедиция достигла мыса Желания или приняла за северную оконечность какой-либо более южный мыс. В-четвертых, Литке следовало осмотреть Югорский Шар и Карские Ворота и описать остров Вайгач, а если будет

⁴⁴ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 3867, л. 86.

⁴⁵ Там же, л. 95, Общая сумма наградных составила 2643 руб.

возможность, то положить на карту восточные берега Новой Земли. В-пятых, необходимо было проверить, правильно ли штурман Розмыслов определил длину пролива Маточкин Шар. В инструкции, составленной Г. А. Сарычевым, было оговорено, что выполнение этих задач предоставляется на усмотрение Литке, который должен был действовать в зависимости от времени и местных обстоятельств.

В третьем плавании из-за болезни не смогли принять участие штурманы Софронов и Прокофьев. На их место прибыли лейтенант Николай Иринархович Завалишин, брат известного декабриста, и штурман Ефремов.

Литке особенно настойчиво хлопотал о том, чтобы найти среди поморов опытного кормщика, который согласился бы сопровождать его к берегам Новой Земли. «В прошлом году,— писал Литке,— мне не было в том удачи. Ныне же явился ко мне с предложением услуг своих мезенский мещанин Павел Откупщиков, сын того Алексея Откупщикова, который был один из первых новоземельских мореходов прошедшего столетия и один из тех немногих, кои за промыслами хаживали до Доходов и от которого Кристинин отбирал часть известий своих о сей стране»⁴⁶.

11 июня 1823 г. бриг «Новая Земля» снялся с якоря. Но едва покинул Архангельск, как дважды сел на мель. «Это было как будто предзнаменованием того, что нам предстояло»⁴⁷,— писал впоследствии Литке. Спустя три дня достигли Св. Носа и вскоре приступили к проверке и уточнению прошлогодней описи Лапландского берега.

Экспедиция описала Териберскую губу, Мотовский залив, Рыбачий полуостров, определила местоположение норвежской крепости Вардегуз, привязав тем самым к этому пункту выполненную опись, в которой из-за неблагоприятных погод и недостатка времени было много пропусков. Ее уточнением спустя три года пришлось заниматься лейтенанту Михаилу Францевичу Рейнеке.

27 июля 1823 г. Литке в третий раз появился у берегов Новой Земли, у Северного Гусиного Носа. Прежде всего путешественники направились к Маточкину Шару. На следующий день экспедиция находилась вблизи цели,

⁴⁶ Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие..., ч. 2, с. 9.

⁴⁷ Там же, с. 11.

но из-за жестокого восточного ветра не смогла войти в устье пролива. Литке решил следовать на север, к мысу Желания. 29 июля достигли острова Адмиралтейства. «Откупщиков,— отмечал Литке,— описывал его точно таким, каким мы его нашли прошлого года, то есть окруженным на большое расстояние мелью. В проходе между им и матерым берегом так мелко, что никакое судно пройти не может»⁴⁸.

Проверяя прежние описи, Литке советовался с Откупщиковым и присваивал те самые названия географическим пунктам, которые им некогда дали поморы.

В ночь на 1 августа бриг пересек 76-ю параллель, не встретив во время плавания ни одной льдины.

«Счастье скоро избаловывает человека,— писал Литке.— Это беспрепятственное до столь возвышенной широты плавание приучило нас мыслить о достижении северо-восточной оконечности Новой Земли как о предприятии не только сбыточном или возможном, но даже несомненном»⁴⁹.

Однако вскоре вахтенные заметили на горизонте ледяные горы, а затем в зрительные трубы моряки различили впереди громадные ледяные поля. Температура воздуха неожиданно понизилась, наплыл густой туман. Почти полное отсутствие волнения при сильном ветре напомнило Литке о близости льдов. Около полуночи исполинская гряда ледяных полей преградила путь брига. Литке считал, что этот лед пригнало ветром из «Сибирского океана», который, как правило, блокирует северную часть Новой Земли. Правда, продолжительные южные ветры могут отогнать их от берегов, но как только ветры задуют с севера, льды снова приближаются к берегам Новой Земли. По этой причине плавание вокруг мыса Желания «бесконечно затруднительно и опасно».

«Достоинно. примечания,— писал Литке,— что лед, ныне нас остановивший, находился в том же самом почти месте и в таком же положении, как и тот, который принудил нас воротиться в прошлом году. Известно, что в некоторых местах полярных стран в то же время года встречается лед обыкновенно в одинаковом положении... Но у Новой Земли подобное явление не было, кажется,

---

⁴⁸ Там же, с. 61.

⁴⁹ Там же, с. 63.

доселе замечено. Если это не простая случайность и лед в сем месте действительно всегда одинаковое положение сохраняет, то причиною сему могут быть течения у берегов Новой Земли»⁵⁰.

В тот же день Литке увидел мыс, у которого был остановлен льдами в прошлом году. Всецело полагаясь на рукописную карту Адмиралтейского департамента, он тогда считал, что достиг мыса Желания, но вскоре, по возвращении в Петербург, в «Большом Атласе» Блау обнаружил карту Баренца и, сверя ее с собственными наблюдениями, усомнился в том, что его экспедиции удалось достигнуть мыса Желания. Теперь Литке окончательно убедился, что видневшийся впереди мыс не являлся северной оконечностью острова. То был мыс Нассау.

«Итак,— писал Литке,— неведение Баренцевой карты и неисправность других были причиною ошибки, по-видимому, грубой. Нельзя при сем случае не заметить, сколь неосновательно и опасно изменять без достаточных и сильных причин оригинальные карты мореплавателей. Как бы мореходец мало искусен ни был, но, видя глазами берег, им описываемый, имеет он более средств и возможности изобразить верно положение, нежели самый искусный и ученый географ, блуждающий в неисходном лабиринте показаний, чаще ложных, нежели справедливых. Всякую перемену в подлинной карте, сделанную не на самом месте, должно почтить искажением, которое последующих мореплавателей может иногда ввести в самые пагубные ошибки»⁵¹.

Исследователь не предполагал, что на карте Баренца, помещенной в «Большом Атласе» Блау, северная оконечность Новой Земли показана с гораздо большей ошибкой, чем на русской рукописной карте. Но об этом Литке узнал лишь спустя почти полвека.

А пока бриг «Новая Земля» направляется к Маточкину Шару. Войдя в его устье, Литке отрядил лейтенанта Лаврова для описи берегов пролива. Он измерил Маточкин Шар до самого мыса Выходного и нашел длину его почти равной измерениям Федора Розмыслова. Было обнаружено несколько древних изб промышленников. По словам Лаврова, Карское море было до горизонта

---

⁵⁰ Там же, с. 64.

⁵¹ Там же, с. 68.

покрыто льдом. Литке решил направиться в Карские Ворота, чтобы через них выйти к восточным берегам Новой Земли.

На рассвете 12 августа экспедиция покинула Маточкин Шар. Через неделю она достигла юго-восточной оконечности острова. «Нас,— писал Литке,— можно было уподобить теперь странникам на распутье, в нерешимости, куда направить путь свой. Поравнявшись с Кусовым Носом, увидели мы все пространство Карского моря совершенно свободным от льдов на такое расстояние, как только достигало зрение. Неожиданная сия безледность Карского моря представляла, по-видимому, удобный случай осмотреть восточный берег Новой Земли, кроме одного кормщика (Саввы Лошкина.— В. П.) никем еще доселе не виденный... Предприятие сие было очень заманчиво, но я не знал, благоразумно ли будет на оное покуситься. Нельзя было почти сомневаться, что причиною отсутствия льдов единственно были западные ветры, кряду несколько дней дувшие, и что с первым ветром с противной стороны возвратятся они опять... Все подобные рассуждения и соображения, меня занимавшие, оказались излишними: ужасное, менее всего ожидаемое происшествие указало нам решительно путь, куда следовать»⁵².

Неожиданно бриг налетел на подводный каменный риф. Каким-то чудом он избежал гибели, но лишился руля. Благодаря самоотверженности и изобретательности команды руль удалось навесить, однако держался корабль весьма ненадежно. Литке решил отказаться от продолжения работ и приказал взять курс на Архангельск.

31 августа бриг «Новая Земля» отдал якорь в Соломбале. Судно было вытасчено на берег для осмотра. Повреждения оказались очень серьезными. Железные крепления в корме были погнуты, медная обшивка изломана в мелкие куски, а от киля почти ничего не осталось.

Адмиралтейский департамент предложил Ф. П. Литке отправиться в четвертое плавание к Новой Земле. «С меня было довольно и трех экспедиций,— писал он впоследствии,— но я не отговаривался и от четвертой, хотя не понимал хорошенько, чего еще хотят. Кажется, что и Адмиралтейскому департаменту было это не сов-

⁵² Там же, с. 89.

сем ясно, потому что мне предлагали самому написать себе инструкцию, за что я натурально поблагодарил»⁵³.

Морское ведомство надеялось, что Литке предпримет всевозможные усилия для достижения северной оконечности Новой Земли. Если эта попытка увенчается успехом, экспедиции предписывалось следовать на юг вдоль восточных берегов острова, до Маточкина Шара. Если за 76-й параллелью Литке вновь встретит льды, он должен будет попытаться выйти в Карское море через тот пролив, который окажется свободным ото льдов, а затем либо с брига, либо со шлюпок осмотреть восточное побережье Новой Земли. В случае успеха им предписывалось «не только описать восточную сторону Новой Земли, но также южные и восточные берега моря, с островом Белым, до Обской губы»⁵⁴.

Одновременно Адмиралтейский департамент высказал пожелание, чтобы Литке предпринял плавание между Новой Землей и Шпицбергом и выяснил, как далеко к северу находится граница полярных льдов. Кроме того, экспедиции были приданы два новых отряда. Один из них должен был произвести промер наиболее опасных банок и мелей Белого моря. Другому отряду под командой штурмана И. Н. Иванова поручалось картировать берега острова Вайгач и выйти к проливу Карские Ворота. Здесь при благоприятных обстоятельствах ему предлагалось дожидаться встречи с бригам «Новая Земля».

18 июля 1824 г. экспедиция покинула Архангельск и некоторое время плавала в северной части Белого моря. Спустя месяц путешественники взяли курс на северо-восток. Несмотря на разгар лета, ртуть в термометре иногда опускалась ниже нуля. 19 июля в дневнике Литке отмечен мороз. «Снасти,— писал он,— все оледенели, так что для управления парусами надлежало их беспрестанно околачивать. Обстоятельства сии, необыкновенные среди лета и в тихое время, заставили нас наверное ожидать скорого появления льда»⁵⁵. Однако первые полосы полуразрушенного таянием льда встретились лишь спустя два дня. Корабль без особого труда преодолел их и снова оказался на чистой воде, но ненадолго.

---

⁵³ Литке Ф. П. Автобиография, с. 103.

⁵⁴ Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие..., ч. 2, с. 106.

⁵⁵ Там же, с. 120.

22 и 23 июля пробирались разводьями среди ледяных полей и вскоре миновали 75-ю параллель. 24 июля увидели берега Новой Земли в районе полуострова Адмиралтейства. «Находясь теперь,— писал Литке,— посреди курсов наших в 1822 и 1823 годах, уверились мы, что нынешнее лето несравненно льдистее прежних. Тогда не видели мы в широте 75°30' еще ни одной льдины, ныне же встретили непроходимый лед... Не оставалось ни малейшей надежды на успех в обозрении северного берега Новой Земли»⁵⁶.

Литке направился на запад, чтобы выяснить границу полярных льдов между Шпицбергенем и Новой Землей. Она располагалась примерно на 76° с. ш. По-прежнему было холодно. Часто отмечались морозы. Нередко шел снег. Сплоченность и мощность льдов увеличивались по мере продвижения судна на запад. О том, как проходило это плавание, дает представление письмо Литке к И. Ф. Крузенштерну.

«С самого начала противные, крепкие ветры так нас задержали,— писал Ф. П. Литке великому мореплавателю,— что целый месяц долженствовали мы употребить на исполнение того дела, которое легко могло бы быть окончено в неделю, я разумею, предписанное департаментом определение разных пунктов Белого моря. Обратясь после того на север, по трехнедельном, тягостнейшем, а частью и опасном плавании, узнали мы только, что и ныне, подобно как во времена капитана Вуда, может существовать ледяной материк поперек всего моря между Новою Землею и Шпицбергенем»⁵⁷. По мнению Литке, сходство в расположении льдов, с которыми встречался капитан Вуд в XVII в., отнюдь не могло служить доказательством, что море между Новой Землей и Шпицбергенем всегда сковано неподвижным льдом. Вместе с тем он обращал внимание на иллюзорность выводов тех кабинетных географов, которые утверждали, что северная часть моря (ныне носящего имя Баренца), как правило, занята чистой водой и здесь наиболее легко можно проникнуть в самые высокие широты Северного Ледовитого океана.

Итак, убедившись, что посредине расстояния между

⁵⁶ Там же, с. 121.

⁵⁷ ЦГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 224, л. 82.

Шпицбергеню и Новой Землей невозможно одолеть ледяную преграду, Литке направил свой путь к южной оконечности Новой Земли. В районе Костина Шара экспедиция встретила невзломанный припай. Вскоре штормом разбило «стоячие льды». Литке решил идти в Карские Ворота, надеясь через них проникнуть к восточным берегам Новой Земли.

«Когда мы подходили к острову Вайгачу,— писал он,— Карское море казалось нам от льдов совершенно свободным. Это подавало нам надежду, что это покушение вознаградит нас, наконец, за все претерпленные доселе неудачи... Но едва прошли в ту сторону одну милю, как увидели сплошной лед, покрывавший весь горизонт так далеко, как можно было видеть. Эта неприятная встреча уничтожила в миг все надежды, коими мы было начали ласкаться»⁵⁸.

Литке решил провести неделю в Карских Воротах, надеясь, что западные и юго-западные ветры отгонят льды с порога Карского моря. В один из дней они увидели два карбаса и решили, что это отряд штурмана Иванова, которому было поручено картировать остров Вайгач, ищет встречи с начальником экспедиции. Но вскоре выяснилось, что то ненцы и русские поморы шли на промыслы к Новой Земле.

Минула неделя, а льды по-прежнему преграждали доступ в Карское море. Едва оставили Карские Ворота, как на море поднялась жестокая буря. О заключительном этапе последнего плавания Литке писал Крузенштерну: «Не более удачи имели мы и на юге. Сперва нашли, что весь южный берег Новой Земли окружен сплошным льдом на большое расстояние, но когда штормом от запада оный разбило и мы беспрепятственно дошли до острова Вайгача, то стали надеяться, что, наконец, усилия наши будут успешнее, но ошиблись, крепкие западные ветры не могли отогнать льдов от самого, так сказать, порога Карского моря, по чему можно было судить о количестве их в восточной и северной оного частях! Принужденный оставить, наконец, берега Новой Земли, желал я по крайней мере совершить что-нибудь у острова Колгуева и Канинской земли, но, прокрейсировав тут до конца августа, должен был со столь же малым успехом и с сей

⁵⁸ Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие..., ч. 2, с. 122.

стороны предпринять обратный путь к городу Архангельску... Мы делали все, что было в силах наших, для доставления успеха нашему делу, но противу физических препятствий усилия человеческие весьма часто ничего не значат»⁵⁹.

В тот же день Ф. П. Литке отправил письмо В. М. Головнину, в котором признавался, что его четвертое плавание имело незначительный успех. «По моим мыслям,—говорилось в ответном письме Головнина,—вы напрасно беспокоитесь, что будто бы начальство может иметь причину быть в неудовольствии на Вас за неудачу в таком предприятии, которого успех зависит более от случая, нежели от искусства и предприимчивости. По крайней мере, я так сужу, через Неву не всегда можно переехать, а по льду плавать нельзя»⁶⁰.

В итоге четырех плаваний Литке удалось исследовать и достоверно положить на карту значительную часть западных берегов Новой Земли, которые до того времени «означались самым гадательным образом». По словам знаменитого немецкого путешественника Адольфа Эрмана, «он настолько превзошел всех своих предшественников научным тщанием и беспристрастием своих суждений, что эти работы нельзя пройти молчанием ни в истории мореплавания, ни в истории географии»⁶¹.

Метеорологические, геомагнитные и астрономические наблюдения, выполненные во время четырех плаваний, обогатили научные представления о природе Новой Земли и омывающих ее вод. Еще в 1823 г. академик Ф. И. Шуберт писал, что рассмотрение результатов экспедиций принесло ему «истинное удовольствие». Он находил, что усердие и искусство Литке в проведении научных наблюдений совершенствуются и возрастают с каждым годом. «А вместе с ними возрастает и уважение мое к сему отличному морскому офицеру, которое он во всех отношениях заслуживает,—отмечал Шуберт.—Одним словом, я должен по совести моей сказать, что наблюдения сии приносят Литке величайшую честь»⁶². Особо важное значение, по его мнению, имели наблюдения за температурой и давлением воздуха, силой и направлением ветра,

⁵⁹ ЦГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 224, л. 82—83.

⁶⁰ ЦГАДА, ф. 30, д. 57, л. 180.

⁶¹ Литке Ф. П. Автобиография, с. 107 (Примечание).

⁶² Зап. Адмиралтейского деп-та, 1824, ч. 7, с. 2.

так как они давали достоверное представление о состоянии погоды в Ледовитом море. Метеорологические и геомагнитные данные Литке Шуберт рекомендовал опубликовать в «Записках Адмиралтейского департамента» и считал целесообразным повторить подобные наблюдения и в других арктических морях.

Русские ученые сравнивали «Четырехкратное путешествие» с «Картинами природы» Гумбольдта — так был значителен вклад труда Литке в науку⁶³. В нем дан достаточно полный обзор прежних путешествий к Новой Земле, которые, по словам Литке, доказывали, что встречаемые мореходами препятствия ото льдов бывают в разные годы весьма различны⁶⁴. Он сделал замечательный вывод о влиянии многочисленных природных явлений на ледовитость арктических морей, исследование которых успешно продолжают советские ученые.

На протяжении многих лет Литке проявлял интерес к исследованию Новой Земли. В заключительных строках его «Четырехкратного путешествия» были рассмотрены способы описи восточного берега Новой Земли. Литке считал, что восточный берег южного острова описать гораздо легче, чем северного острова. Эту задачу он находил возможным решить в одно лето даже теми средствами, какими располагала его экспедиция. По его мысли, судно надлежало направить в Маточкин Шар. Если по достижении его восточного устья путешественники встретят лед, то следовало дожидаться того момента, когда западные ветры отгонят льды от восточного побережья Новой Земли. Чтобы иметь наиболее точное представление о ледовой обстановке, Литке рекомендовал «учредить где-нибудь на возвышенном месте сигнальный пост, который бы извещал о всяком движении льдов»⁶⁵. По мысли исследователя, при свежем ветре можно было в один-два дня обозреть восточный берег южного острова Новой Земли и достичь Карских Ворот.

«Но если бы даже случилось,— продолжал Литке,— что наставшим восточным ветром нажмет льды опять на берега и судно претерпит бедствие, то и в таком случае экипаж оного может легко спастись, дошед только до

⁶³ Веселаго Ф. Ф. Воспоминание об ученых заслугах Ф. П. Литке. СПб., 1888, с. 161.

⁶⁴ Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие..., ч. 1, с. 125.

⁶⁵ Там же, с. 139.

берегов Никольского Шара, откуда на самоедских кораблях, которые там до сентября месяца всегда встретить можно, переедет на матерый берег»⁶⁶.

Кроме того, Литке считал возможным описать восточный берег южного острова Новой Земли, используя оленьи упряжки, которые следовало заблаговременно доставить на южную оконечность острова. Исследование северного острова справедливо представлялось ему более трудным как из-за суровости климата, так и по причине значительной протяженности его берегов. Для их описи следовало специально построить два судна, которые могли зимовать в любом месте и «смело втираться в льды, не подвергаясь большой опасности быть проломленными или раздавленными»⁶⁷. То, что такое плавание возможно, по мнению Литке, доказал Савва Лошкин, который за два лета прошел от Карских Ворот до мыса Желания. Однако он предупреждал, что путешественники встретят великие опасности «от множества льдов»⁶⁸, но эти трудности преодолимы. Вместе с Рейнеке в 30-х годах XIX в. Литке содействовал исследованию восточного побережья Новой Земли.

Недавно автору удалось установить, что экспедиции Петра Кузьмича Пахтусова осуществлялись по плану Литке и при поддержке его близкого друга, ученого-морьяка Михаила Францевича Рейнеке. Ознакомившись с проектом Пахтусова, который в 1830 г. предложил описать никому еще не известный восточный берег Новой Земли, Литке выдвинул план снаряжения обширной экспедиции. Она должна была не только положить на карту все восточное и северное побережье Новой Земли, но и выполнить широкие естественнонаучные исследования на всем Севере Европейской России, начиная от берегов Белого моря.

---

⁶⁶ Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие..., ч. 2, с. 140.

⁶⁷ Там же, с. 141.

⁶⁸ У восточного побережья существует Новоземельский ледяной массив, который иногда смещается к берегам Ямала и острова Белого.

ОТКРЫТИЕ ВОСТОЧНОГО БЕРЕГА НОВОЙ ЗЕМЛИ

В 1826 г. руководитель Западного отряда Печорской экспедиции штурман И. А. Бережных узнал от пустозерских промышленников, что они нашли Карское море свободным ото льда на протяжении 400 верст¹. Спустя два года он представил в управление генерал-гидрографа Г. А. Сарычева проект описания восточных берегов Новой Земли. Бережных предлагал перевезти из Пустозерска на Новую Землю 200—300 оленей, на которых экспедиция в составе 11—12 человек должна была объехать восточные берега острова. Управление генерал-гидрографа, которое заменило Адмиралтейский департамент, просило главную контору Архангельского порта изыскать средства к исполнению этого проекта.

Но прежде чем архангельские власти ответили Сарычеву, поступил проект Петра Кузьмича Пахтусова, много лет посвятившего исследованию Печорского Севера и Белого моря. Он писал, что за четыре года его работы в Печорских экспедициях он собрал от местных промышленников сведения о том, что море у восточных берегов Новой Земли свободно ото льдов. При благоприятных обстоятельствах это давало возможность завершить в одно лето изыскание если не всех неизученных берегов, то по крайней мере южной части Новой Земли². Узнав о проекте П. К. Пахтусова, Ф. П. Литке посоветовал не ограничивать задачи экспедиции съемкой берегов Новой Земли, а произвести широкий комплекс одновременных научных наблюдений как на этом арктическом архипелаге, так и в Белом море (в 10 пунктах). Однако реализация этого предложения, как и проект Пахтусова, была отложена до лучших времен³.

Между тем П. К. Пахтусов через своего начальника и учителя полярного исследователя М. Ф. Рейнеке познакомился с советником Северного округа корабельных

¹ ЦГАДА, ф. 30, д. 57, л. 30.

² Дневные записки П. К. Пахтусова и С. А. Моисеева. М.: Географиз, 1956, с. 134.

³ ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 222, л. 2. Было разрешено произвести лишь маятниковые наблюдения в Кандалакше летом 1830 г. под руководством М. Ф. Рейнеке.

лесов П. И. Клоковым, который в 1828 г. составил проект о возобновлении судоходства из Архангельска к сибирским рекам. Клоков увидел в Пахтусове человека, способного реализовать этот проект. Основное внимание обращалось на исследование «как берегов Новой Земли и Карского моря, так и на открытие удобного пути к реке Енисею»⁴.

Проект Клокова, который должен был осуществляться на весьма значительные средства самого автора, а также на пожертвования архангельского купца Вильгельма Брандта, отличался широтой задач. Во-первых, предполагалось удостовериться, какой из двух путей к Енисею удобнее: через Маточкин Шар, Карские Ворота или Югорский Шар. Во-вторых, предстояло исследовать восточный берег Новой Земли, на южной оконечности которой предполагалось основать становище с лоцманом. В-третьих, намечалось создать становище и фактории в ряде пунктов на берегах и островах Карского моря.

14 апреля 1832 года В. Брандт обратился к главному командиру Архангельского порта адмиралу Роману Романовичу Галлу с просьбой об исходатайствовании разрешения на участие в Северной экспедиции лейтенанта Кротова, подпоручиков Пахтусова и Казакова и кондуктора Крапивина⁵. Из Петербурга был получен благоприятный ответ. Подготовку экспедиции в научном отношении консультировали М. Ф. Рейнеке и Ф. П. Литке. По просьбе Клокова Литке сформулировал основные положения инструкций, которые затем были даны от имени снарядателей экспедиции Пахтусову и Кротову⁶.

Пахтусов был назначен командиром отряда, который должен был заняться описью восточных берегов Новой Земли. Он простился со своими товарищами по пятилетним беломорским скитаниям и отправился на верфь купца Брандта на реке Маймаксе, где пробыл до тех пор, пока судно для экспедиции не спустили на воду. Судно было построено по плану, который составил сам Пахту-

⁴ ЦГАДА, ф. 30, д. 70, л. 62.

⁵ Башмаков И. И. Из истории экспедиции Пахтусова на Новую Землю.— Северный морской путь. Л., 1939, вып. 11, с. 64.

⁶ ЦГАДА, ф. 30, д. 70, л. 52—66. Ход и научные результаты Новоземельских экспедиций изложены автором на основе очерка «Петр Пахтусов» (см.: Пасецкий В. М. Находки, которые открывают тайны, М.: Транспорт, 1964, с. 198—269),

сов при помощи полковника В. А. Ершова, человека сведущего в корабельном деле и много потрудившегося над подготовкой судов к дальнему плаванию. Это был большой беспалубный карбас длиной немногим более 12 м, а шириной около 4 м. В носу и на корме были сделаны небольшие каюты, они предназначались для команды, начальника экспедиции и его помощника. Там же предполагалось поместить провизию. Среднюю, открытую часть судна в дождливую погоду и во время сильного волнения следовало закрывать брезентами. При карбасе имелись две лодки. Таково было судно, на котором предстояло Пахтусову плавать среди льдов и волн Баренцева и Карского морей.

Наблюдая за оснащением карбаса, Пахтусов занялся одновременно комплектованием команды. В ее состав вошли Василий Федоров, Егор Хаймин, Никифор Подгорный, Константин Родионов, Андрей Рахов, Николай Рудаков, Иван Гладкий и Семен Лечехин — жители Архангельского, Мезенского, Холмогорского, Пустозерского уездов. Все они имели богатый опыт плаваний в Белом и Баренцевом морях. Своим помощником Пахтусов назначил кондуктора корпуса флотских штурманов Николая Крапивина.

7 июля Пахтусов доложил Брандту и Клокову о готовности судна. Однако задержка с астрономическими инструментами, которые были заказаны в Лондоне, помешала отплытию. Пахтусов обратился за содействием к Р. Р. Галлу. Вскоре инструменты были получены, и в тот же день из Шенкурска от Клокова пришла инструкция, определявшая программу работ экспедиции.

Пахтусову предписывалось следовать из Архангельска к северной оконечности острова Колгуев, затем, проверив счисление, направиться к южным берегам Новой Земли, пройти проливом Карские Ворота в Карское море и приступить к описи восточного берега острова. На тот случай, если в проливе экспедиция встретит непроходимые льды, Пахтусову разрешалось остановиться в Никольском Шаре и ждать улучшения ледовой обстановки. После удачного прохода в Карское море экспедиция должна была направиться к северу до 75—76° (до зимовки Баренца), а оттуда, судя по обстоятельствам, следовать либо к Енисейской губе, либо вокруг мыса Желания в Баренцево море, либо на юг вдоль восточных берегов острова.

В «Инструкции» содержалось немало советов, как поступить в той или иной обстановке. «Полагаю,— писал в заключение Клоков,— что Вы, имея в виду одну изъясненную мне в разговорах цель дойти до места зимовки Баренца, достигните оной и никакие препятствия и опасности не поколеблют твердости духа Вашего... Я надеюсь, что правительство не оставит Вас без признательности своей, если в предназначенном Вам опасном пути, не теряя духа от неудач и преодолевая все затруднения, окончите Ваше предприятие с желаемым успехом»⁷.

В инструкциях, выданных Пахтусову и Кротову, отмечалось, что если их суда окажутся в ледовом плену, то путешественники не должны приходить в отчаяние. «Известно,— писал Клоков,— что льды несколько раз в течение года и в самых больших широтах переменяют свое положение и в тех местах, где не лежат на дне, находятся от ветров почти в непрерывном движении»⁸.

Однако случилось непредвиденное: скоропостижно умер купец Вильгельм Брандт, и было неизвестно, как его сын отнесется к затеваемому предприятию. Неделя прошла в томительном ожидании. К счастью, в Архангельск вернулся Клоков. Как видно из письма М. Ф. Рейнеке, «если бы Клоков не приехал, то Брандт-сын не послал бы» Пахтусова и Кротова⁹.

1 августа бот «Новая Земля» под командованием Пахтусова вышел в море, взяв курс на Карские Ворота. Спустя несколько часов на шхуне «Енисей» за ним последовал лейтенант Кротов. Его путь лежал через Маточкин Шар к устью Енисея. Вечером 7 августа суда прошли в виду Канина Носа. Здесь команды простились. Между командирами судов было условлено, что Кротов, пройдя Маточкин Шар, оставит в зимовье Федора Розмыслова записку о своем плавании.

Весь следующий день дул тихий юго-западный ветер. Бот «Новая Земля» шел с небольшой скоростью, примерно 3—4 версты в час. К полуночи ветер засвежел, а 9 августа продолжал усиливаться. Судно несло в четыре раза быстрее, чем накануне, жестоко страдая от волне-

---

⁷ Пахтусов П. К. Дневные записки..., с. 93.

⁸ Там же, с. 94.

⁹ ЦГАДА, ф. 30, д. 70, л. 53.

ния. Двое суток бот был во власти разбушевавшегося моря. Брызги волн проникали сквозь брезенты, и вода грозила подмочить запасы провизии.

10 августа появились сначала отдельные льдины, а затем и большие поля. Волнение уменьшилось. По расчетам Пахтусова, где-то недалеко должна была находиться Новая Земля, но отсутствие видимости мешало рассмотреть ее очертания. Под вечер туман немного рассеялся, ветер разорвал облака и лучи солнца осветили берега острова, на которых, несмотря на разгар полярного лета, белели пятна снега.

Однако подойти к острову оказалось делом нелегким. Всюду, насколько хватал глаз, был густой лед. Используя незначительные разводья, расталкивая льдины, экспедиция с большим трудом пробилась в губу Широчиху, где судно отдало якорь. Первое знакомство с островом увенчалось удачной охотой на гусей, которые водились здесь в большом количестве.

За время осмотра окрестностей путешественники нашли стелющиеся по земле голубые незабудки, тронутую багрянцем полярную иву, или сланку, как ее называют поморы, и, наконец, обыкновенную осоку, уже поблекшую от заморозков.

12 августа, переждав очередной шторм, Пахтусов направился дальше к востоку и достиг района Бритвиных островов. Проливы между ними были забиты льдом. Экспедиция укрылась в Петуховском Шаре, около Большого Оленьего острова¹⁰.

16 августа Пахтусов приказал спустить лодку и, взяв с собой еще двух членов экипажа, направился на восток, чтобы разведать ледовую обстановку в окрестностях. Ему удалось добраться до юго-восточного берега Кусовой Земли. Здесь путешественников застигла темнота, и они остановились на ночлег в небольшой бухте. Это была первая ночь, проведенная Пахтусовым на Новой Земле под открытым небом. Термометр показывал ниже нуля. Над головой плыли черные облака, сея хлопья снега. Было неуютно и холодно. Петр Кузьмич привык к подобным ночлегам со времени своего первого пребывания в Арктике и, зная, что предстоит еще более суровые испытания, старался ободрить спутников.

---

¹⁰ ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 543, л. 3.

На следующий день, произведя опись окрестностей, Пахтусов возвратился на судно. Лед разделился, и появилась возможность двинуться вперед. Работа шла успешно. Вскоре бот был у места недавней ночевки. Дальше была полоса льда шириной около 100 м. Путешественники решили пробиться через нее. Но едва они вошли в затор, как льдины надвинулись на бот и окружили его. «К счастью нашему,— писал Пахтусов,— одна льдина имела подводный ледяной риф (промышленники называют их ногами льда), находившийся под водой на 10 фут, другая льдина подвинула нас на этот риф, и мы со страхом думали уже, что от напора ее судно будет повреждено; но в то же время увидели, что угрожающая нам льдина, не дойдя на аршин до судна, остановилась, упершись краем своим в подводные ноги льдины, на которой мы стояли; этому случаю обязаны мы спасением»¹¹.

С трудом удалось завозами якорей отодвинуть льдину, угрожавшую судну, и выйти на свободную воду. В течение нескольких дней экспедиция предпринимала попытки проскользнуть в Карское море, но ни одна из них не увенчалась успехом. В устье Никольского Шара судно экспедиции едва не было раздавлено льдами. Ожидая улучшения ледовой обстановки, Пахтусов занялся описью южного берега Новой Земли.

21 августа Петру Кузьмичу удалось пройти в губу Логинову. Но дальше путь снова преграждали льды. Опять последовала длительная вынужденная остановка. Экспедиция пребывала в бездействии; постоянная непогода мешала заниматься обследованием окрестностей. «Частые неудачи в описи от туманов, дождей и большей частью от льдов делали положение наше для меня несносным,— писал Пахтусов.— Мысль, что, несмотря на раннее еще время, придется нам зимовать, не увидев восточного берега, меня крайне беспокоила. Только примеры предшествовавших экспедиций в полярные страны несколько ободряли меня. Я знал, что и в позднюю осень Карские Ворота бывают иногда чисты от льда»¹².

Однако надежды Пахтусова были напрасны. Лед не только держался в проливе, но и все больше заполнял

---

¹¹ Пахтусов П. К. Дневные записки..., с. 29.

¹² Там же, с. 31.

губу Логинову. Пришлось искать новое убежище. Укрыв карбас за небольшим островом, Пахтусов на лодке направился на восток для осмотра берега и льда. В губе Каменке он нашел старую избу, выстроенную более 70 лет назад кормщиком Ивановым. Бревна сруба погнили. Потолки провалились. И все-таки Пахтусов был чрезвычайно рад находке. В том тяжелом, почти безвыходном положении, в котором находилась экспедиция, эта ветхая изба могла сослужить ей добрую службу. Вернувшись на судно, Пахтусов отправил команду на поиски выброшенного морем леса-плавника, который можно было бы употребить для починки найденной избы и для отопления зимовья. «Столь раннее приготовление к зимовке может быть поставлено мне в вину,— писал Пахтусов,— но я полагаю, что во всякое время, благоприятное для продолжения описи, гораздо легче выкидывать из судна дрова и лес, чем запастись ими в случае крайней нужды».

Шли дни. Ледовая обстановка не улучшалась. Температура воздуха держалась на нуле. Дождь, изморозь, густой туман не позволяли заниматься описью берегов и островов в губе Логиновой. Свежим ветром лед сильно нажало на берег. Сплоченность льдин была так велика, что даже на легкой небольшой лодке нельзя было пройти между ними. Заготовку дров и леса пришлось прекратить.

28 августа посланные Пахтусовым на поиски прохода в губу Каменку трое служителей возвратились с известием, что лед несколько развело. Экспедиция двинулась дальше на восток, но вскоре опять вынуждена была остановиться. Едва прошли от места стоянки 300 м, как бот средней частью сел на подводный камень. Какие только меры ни предпринимали путешественники, но стянуться не смогли. Между тем продолжался отлив. Вода еще в течение почти двух часов должна была убывать. Это грозило если не гибелью, то серьезными повреждениями судна. Выручила находчивость бывалого моряка. Петр Кузьмич приказал, чтобы служители поставили по обе стороны бота стрелы, и те, «скрепив концы их выше судна, приподняли на них нос и корму таями». Дружными усилиями команды удалось спасти судно.

Прибывала вода, и путешественники получили возможность продолжать плавание. Однако оно снова оказа-

лось непродолжительным. По курсу располагался лед. Кроме того, посланный на разведку помощник Крапивин доложил, что устье губы Каменки также забито льдом. Теперь экспедицию от места предполагаемой зимовки отделяли всего лишь две версты. Пришлось снова отдать якорь. Пахтусов с командой съехал на берег и занялся сбором леса-плавника. За день сделали шесть вязанок дров и нашли бревна, которые можно было использовать для ремонта избы в губе Каменке.

Несмотря на отчаянное положение, в котором оказалась экспедиция, Пахтусов развернул большие научные наблюдения с первого дня пребывания на Новой Земле. Двенадцать раз в сутки измерялись температура воздуха, атмосферное давление, уточнялось направление ветра. Как только позволяла погода, астрономически определялось местоположение наиболее важных для описи мысов и заливов, островов и бухт.

Между тем лед продолжал стоять в губе Каменке и время от времени беспокоил судно экспедиции, находившееся в плену губы Логиновой. Целыми днями шел снег, перемежаясь с дождем и градом. Туман непроницаемой пеленой окутывал окрестности. Льды со скрежетом сталкивались и налезали друг на друга. Не укрой Пахтусов вовремя бот за сидевшей на мели стамухой, плохо пришлось бы экспедиции. За два дня в нескольких метрах от судна у края стамухи вырос ледяной вал высотой более 4 м.

С каждым днем надежда проникнуть в Карское море, к восточному берегу Новой Земли, становилась все более неосуществимой. Надо было немедленно начинать подготовку к зиме.

30 августа Пахтусов отправил трех рабочих к развалинам избы. Они должны были набрать моху для закладки в пазы между новыми бревнами и вынести из избы землю, обрушившуюся на пол вместе с прогнившим потолком.

В этот же день западным ветром стало выносить лед из губы Логиновой. Переждав ночь, Пахтусов приказал поднять якорь. Ветер был очень слабый, поэтому паруса не ставили, а бот тащили бечевой. Шесть часов потребовалось на то, чтобы пройти между льдами две версты.

Добравшись до губы Каменки, Петр Кузьмич отправил часть команды под начальством кондуктора Крапивина

на опись берега. Другая часть экипажа вместе с начальником экспедиции занялась устройством зимовья. Для ремонта избы потребовалось не меньше 30 крепких бревен. Имелось всего шесть бревен, взятых из губы Логиновой. Пришлось прекратить опись берегов и, пока не настала зима, всей командой заняться сбором леса по берегам заливов и бухт. «Эти разъезды на 6 и на 7 верст от избы, — писал Пахтусов, — продолжались 8 дней, нередко в сырую и холодную погоду, и не всегда удавалось нам просушить намокшую одежду свою... Вся наша команда без исключения переносила все трудности без малейшего ропота или лености; люди все были веселы и нередко шутили над своим положением»¹³.

Пахтусов работал наравне со своими подчиненными и наравне с ними делил невзгоды и лишения. Его всегдашняя жизнерадостность, умение в тяжелую минуту поднять у людей настроение, твердо заведенный им порядок, по которому все члены экспедиции, не исключая начальника и его помощника, участвовали во всех работах и питались из одного братского котла, снискали Пахтусову глубокое уважение экипажа.

Всю первую половину сентября экспедиция собирала лес и дрова и строила избу. Попытки производить опись оказались безуспешными из-за непрерывных туманов и дождей.

В середине сентября зимовье в основном было готово. Пахтусов распорядился вытащить бот «Новая Земля» на берег и всем переселиться в избу. Туда же были доставлены запасы продовольствия, а также инструменты и приборы.

Изба путешественников мало годилась для жилья в долгую арктическую зиму с ее морозами и полярной ночью. Стены дома были срублены частью из старого полусгнившего леса, а частью из мокрого плавника. Почти все свободное пространство занимали нары и печка. Из-за недостатка досок пола не делали. Крышу соорудили из досок, предусмотрительно захваченных из Архангельска. Правда, между Клоковым и Пахтусовым было условлено, что для путешественников промышленник Гвоздарев доставит в восточное устье Маточкина Шара разборный дом, но до Шара было далеко, и, как впоследствии вы-

---

¹³ Пахтусов П. К. Дневные записки..., с. 35.

яснилось, Гвоздарев не смог туда пройти и оставил бревна на западном берегу Новой Земли.

Рядом с избой путешественники построили баню. Она соединялась с жилищем сенями или коридором, который был сооружен из бочек, весел и парусов. В нем держали продовольственные запасы, инструменты и теплую одежду.

В избе было тесно и сыро. Спустя три дня после переселения из моха в пазах показалась трава. Через две недели отдельные стебли достигли 12 см в длину. «Во все время пребывания нашего на Новой Земле,— писал Пахтусов,— мы не видели зелени, да и впоследствии не случилось видеть такой большой и свежей. Однако мы не могли радоваться превращению избы нашей в оранжерею и по возможности старались очищать стены от этого украшения»¹⁴.

С 19 сентября 1832 г. Пахтусов организовал строгий распорядок в зимовье. Он разбил команду на вахты. Обязанностью вахтенных было смотреть за судном и коридором, поддерживать ночью огонь в печке. Свободным от дежурств членам экспедиции разрешалось спать лишь ночью и не больше 8 часов в сутки. Зная, что отсутствие занятий вредно сказывается на настроении и здоровье команды, Пахтусов занимал служителей всевозможными работами по дальнейшему устройству зимовья. В погожие дни устраивались прогулки на свежем воздухе. Когда шел снег или бушевала метель, служители мастерили кулемы и пасти для ловли песцов, приводили в порядок одежду, чистили оружие, пели песни. Готовясь к приближавшейся зиме, Пахтусов с тревогой наблюдал за состоянием льда в море, который по-прежнему держался в проливе сплошной массой. Однажды, осматривая окрестности губы Каменки, Пахтусов на небольшом острове среди плавника обнаружил толстое еловое дерево. Оно, по-видимому, было совсем недавно выброшено на берег. Кое-где на нем сохранилась кора, значит, оно не так уж долго находилось в море. Но самое, пожалуй, интересное состояло в том, что дерево находилось почти в 5 м от уреза воды. Каким образом оно оказалось на такой высоте? Приливы здесь незначительны по своей амплитуде, льды останавливаются на мели и не достигают берега. Следовательно,

---

¹⁴ Там же, с. 36.

совсем недавно Карское море было свободно ото льдов. В то время разыгрался жестокий шторм, и волны выбросили ель на берег. Значит, пустозерские промышленники были правы. Это открытие окрылило Пахтусова. Теперь он был уверен, что его предприятие завершится успехом.

Между тем дни проходили за днями. Наступила зима. Часто падал снег. Губа Каменка покрылась льдом. Морозы достигали 10—15° С, но они не пугали: в избе было тепло. Досаждала лишь сырость. На одежде и книгах, которые находились на нарах, была плесень. Проветривание на свежем воздухе почти не помогало. Влажность увеличивало еще то обстоятельство, что изба топилась по-черному и дверь долго приходилось держать открытой.

Пахтусов, отлично знавший по опыту прежних экспедиций, что грязь и неопрятность способствуют появлению цинги, заботился о том, чтобы его спутники содержали свое жилище в чистоте. Каждую субботу зимовщики мылись в бане, а белье меняли два раза в неделю.

В конце сентября юго-западными ветрами, дувшими несколько дней подряд, пролив очистило, и Карское море до самого горизонта оказалось свободным ото льда. «Какие две противоположности! — писал он. — Когда мы были под парусами, тогда желали чистого моря, а теперь, как бы с досады, стараемся не видеть его. По крайней мере нам остается ласкать себя надеждой на лучший успех описи в будущем лете»¹⁵.

И как ни досадовал Пахтусов на то, что экспедиция еще долго не сможет продолжить плавание, ему важно было убедиться, что при продолжительных западных ветрах, как и считал капитан Литке, льды действительно уходят далеко от восточного берега Новой Земли. Это подтверждается записью в «Дневных записках», сделанных спустя два месяца. Заглядывая вперед, отметим, что в ноябре лед ушел от берегов за горизонт. Такое положение продолжалось 18 дней. Если бы не морозы со свирепыми выюгами и не полярная ночь, экспедиция могла бы описать восточный берег Новой Земли на большом протяжении. «Теперь, — отмечал Пахтусов в дневнике 2 декабря 1832 г., — в полной мере убедился я, что Карское море иногда бывает совершенно свободно ото льда, в чем

---

¹⁵ Там же, с. 40.

при начале покушений наших с 13 августа по 13 сентября начал было я сомневаться, встречая на каждом шагу непреодолимые препятствия ото льда»¹⁶.

В начале октября разыгралась буря. Узнав о ее приближении по сильному падению барометра, Петр Кузьмич распорядился укрепить парусинную крышу сеной и проверить, далеко ли от воды находится судно. Поднявшийся ветер взломал лед в губе Каменке. Вода прибывала очень заметно, и судно начинало бить о замерзшее дно. Не хотелось оставлять избу во время непроглядной метели, но пришлось выйти на улицу и подтащить судно еще выше на берег. Во время этой вылазки один из рабочих упал с утеса высотой около 6 м. С большим трудом ему все же удалось спастись.

День становился все меньше. Солнце даже в полдень едва поднималось над горизонтом. И вот наступил момент, когда оно не взошло вовсе. Пришла полярная ночь. Морозы усилились, достигая порой — 32° С. «От продолжительной стужи,— отмечал Пахтусов в дневнике 1 ноября 1832 г.,— окна изнутри покрылись льдом толщиной на 1 дюйм и не пропускали света зари. Окно, сделавшееся теперь совершенно бесполезным, закрыли мы снаружи досками, а избу обрыли снегом. С этого времени держали в избе огонь днем и ночью»¹⁷.

Зимовщики часто навещали белые медведи. Некоторые из них проходили недалеко от избы, другие заглядывали в сени, где хранились запасы провизии, и пытались лакомиться ворванью. Моряки палили в них из ружей, не причиняя, однако, большого вреда,— звери уходили целыми и невредимыми. Медведи мешали охоте на песцов. Они обходили поставленные путешественниками кулемы, съедали и приманку и добычу, часто при этом ломая ловушки.

Весь ноябрь и декабрь море было свободно. Сильные ветры нагоняли много воды в губу Каменку. Чтобы волны не били судно о камни, его пришлось спустить на воду и укрыть в майну. Однажды был такой сильный ветер, что лодка и лежавший под ней челн, находившиеся у избы, были унесены и сброшены в море. Челн разбился в щепки, а лодка изрядно пострадала. У экспедиции не было

---

¹⁶ Там же, с. 44.

¹⁷ Там же, с. 42.

ни нужных инструментов, ни досок. Однако жестокая нужда сделала путешественников изобретательными. Вся команда во главе с начальником и его помощником трудилась в поте лица над исправлением лодки, без которой невозможно было осуществить описные работы в полном объеме.

Наступил новый, 1833 год. Первую половину зимовки Пахтусов и его спутники перенесли благополучно. Правда, отсутствие свежего мяса, жизнь в тесной избе, в которой можно было находиться только или сидя, или лежа на нарах, подточили силы путешественников. Все они побледнели, осунулись, хотя на здоровье никто не жаловался.

В «Дневных записках», относящихся к периоду зимовки в губе Каменке, мы не найдем подробных рассказов о пережитых трудностях. «Записки» заполнены научными наблюдениями, свидетельствующими о разносторонних интересах Петра Кузьмича. На страницах журнала содержатся сведения о перемещении льдов, о направлении и силе ветра, о животных и птицах, о температуре и давлении воздуха, но нет ни одной жалобы, ни одного слова сомнения. Между тем каждые сутки проходят в непрерывной борьбе с природой. То и дело разыгрываются снежные ураганы, грозящие унести или засыпать убежище путешественников. Держатся лютые морозы. Печь в зимовье приходится топить постоянно — заметно уменьшаются запасы дров, и вот наступает день, когда уже нет ни одного полена. Чтобы не погибнуть от холода, служители вместе с Пахтусовым идут за несколько верст от губы Каменки и достают плавник из-под снега.

Между тем день шел на смену ночи. В полдень заметно светлело. Потом заалела заря. И наконец, солнце взошло над горизонтом. День его появления был точно высчитан Пахтусовым.

8 января зимовщики высыпали из избы. Падая крупный пушистый снег, застилая белой пеленой окрестности. Было тихо, только со стороны губы Каменки доносился шум набегавших на берег волн (море снова было свободно ото льда). Прошло несколько минут. Снег перестал падать, и вдруг из-за черной тучи, отороченной золотой бахромкой, появился огромный красный диск солнца. Еще мгновение — и его лучи мириадами звезд заискрились на ослепительно белом снегу, заиграли красными

бликами на вспененных верхушках волн в море. Полярная ночь, продолжавшаяся 65 суток, кончилась!

Началась подготовка к весенним исследованиям.

11 апреля 1833 г. Петр Кузьмич с четырьмя спутниками оставил зимовье и отправился на юго-запад, чтобы уточнить опись Никольского Шара, выполненную осенью минувшего года в ненастную погоду. Провизию и теплую одежду везли на санках. Ночевали в ямах, вырытых в снежных сугробах. Работы были выполнены. Но успех был куплен дорогой ценой. Все пятеро участников похода возвратились в зимовье больными. У них болели и слезились глаза. Через две недели «снежная слепота» прошла, и Пахтусов начал готовиться к продолжению работ.

21 апреля вблизи зимовья были замечены первые птички, прилетевшие с юга. Это были подорожники — вестники близкой весны. Спустя несколько дней Пахтусов оставил зимовье. На этот раз он направился к Петуховскому Шару, где им был открыт огромный залив, названный именем капитана Рейнеке.

На пятый день работ поднялся сильный ветер со снегом. Пахтусов, производивший опись со льда, вынужден был укрыться под прибрежным утесом одного из островов Петуховского Шара. Убежище оказалось ненадежным: с вершины утеса падала вода, грозившая путешественникам промокнуть до костей. Ветер дул с необыкновенной силой. Нельзя было устоять на ногах. Оставалось одно — лежать в снегу в мокрой одежде, не имея возможности утолить голод и пошевелить заочеченными от холода руками и ногами. Прошел день, второй, наступил третий, а снежная буря все продолжалась.

Вот что записал Пахтусов в дневнике о последнем дне, проведенном на одном из островов Петуховского Шара: «4 мая. Четверток. И сегодня ветер дул от севера самый крепкий, с жестокими порывами, при температуре —5 и 6° с метелью. Мы потеряли всю надежду на спасение; положение наше сделалось еще бедственнее от невозможности утолить томительную жажду. Тщетно мы держали по свинцовой пуле во рту: сначала, казалось, жажда несколько утихла, но через несколько минут возрождалась она с еще большей силой.

Наконец, мне пришла мысль, что снег можно растаить в кружке за пазухою, и не более как через полчаса

времени достал я таким образом чарки полторы воды, которая в то время была для меня столь драгоценная, что, казалось, не отдал бы ее ни за какие миллионы. Находившиеся при мне люди немедленно последовали моему примеру и весьма были рады хотя на некоторое время утолить жажду»¹⁸.

Вечером этого дня порывы ветра ослабели. Появилась надежда на спасение. Наконец можно было встать на ноги и хотя с большим трудом, но продвигаться вперед. Глубокой ночью Петр Кузьмич разыскал примеченное им ранее бревно. Путешественники развели костер, согрели чайник и подкрепились жалкими остатками сухарей. Спать не ложились, опасаясь замерзнуть и окончательно обессилеть от голода. Отряд направился к Никольскому Шару, где был оставлен запас провизии. Вечером следующего дня Пахтусов со своими спутниками возвратился в зимовье. Наутро весь отряд, производивший опись Петуховского Шара, заболел простудной лихорадкой. Более трех недель в тяжелом состоянии находился Пахтусов. В это время экспедиция лишилась двух своих участников: от цинги скончались Василий Федотов и Никифор Подгорный.

Между тем приближалась весна. На снегу виднелись проталины. Появились первые чайки и гуси. Выздоровев, Пахтусов занялся описью берега к северу от зимовья и довел ее до реки Кумжи.

А весна вступала в свои права. Шел перелет птиц. Теперь путешественники имели вдоволь свежего мяса. Температура держалась выше нуля.

В середине июня сильными южными ветрами взломало припайный лед и унесло за пределы видимости. Лишь кое-где плавали отдельные льдины. Однако губа Каменка еще была покрыта зимним льдом, толщина которого составляла 14 вершков (около 70 см). Пахтусов не стал ждать, когда лед в губе разрушится и судно сможет выйти в плавание. Взяв месячный запас провизии и двух рабочих в помощники, Петр Кузьмич на лодке вышел в море для описи восточного берега Новой Земли. Плавание это было чрезвычайно трудным и опасным. Лодка была так мала, что при боковом ветре невозможно было идти под парусами. Кругом плавали льды, задерживая порой про-

---

¹⁸ Там же, с. 53—54.

движение на север на несколько дней. Но ни льды, ни туманы, ни дожди не могли остановить Пахтусова. Каждый день он наносил на карту десятки верст восточного берега острова.

В 30 верстах севернее реки, названной именем подпоручика Казакова, отправившегося с лейтенантом Кротовым к устью Енисея, Пахтусов нашел развалины избы и поваленный бурями древний крест. На нем была сделана следующая надпись:

«Поставили сей животворящий крест на поклонение православным христианам зимовщики, 12 человек, кормщик Савва Ф...анов на Новой Земле, по правую сторону Кусова Носа».

Под надписью стояла дата, свидетельствовавшая о том, что крест был поставлен 9 июля 1742 г. «Около надписи фамилии выветрела трещина дерева,— писал Пахтусов,— так что в промежутках между Ф и А можно поместить два или три слова (буквы!), например ОФ или ЕОФ, и таким образом составитя Фофанов или Феофанов. Нельзя сомневаться, что это тот самый Савва, который обошел Новую Землю кругом около мыса Доходы. Хотя предание называет его Лошкиным, но эта разница в прозвище могла произойти от двух причин: или Савва имел две фамилии — Лошкин и Фофанов, или вырезывавший надпись на кресте из уважения к своему кормщику назвал его по отчеству Феофановым»¹⁹.

Пахтусов ошибся, приписывая обнаруженный им крест Савве Лошкину, так как последний обошел Новую Землю двумя десятками лет позже даты, вырезанной на кресте, а именно в начале 60-х годов XVIII в. Но независимо от этого находка Пахтусова представляла несомненный интерес. Она свидетельствовала о том, что русские промышленники в первой половине XVIII столетия занимались охотой на зверя в Карском море, оставались на зиму на берегах Новой Земли и умели так организовать зимовки, что от цинги не умирал ни один человек.

Обнаруженная изба находилась вблизи большой реки, которую Пахтусов назвал Саввиной в честь Лошкина.

В этом месте остановились на привал. При заходе в реку на бурунах лодка зачерпнула бортом много воды, поэтому провизия и платья подмокли. Пришлось прекра-

¹⁹ Там же, с. 63—64.

тить опись, чтобы обсушиться. Но сделать это было не так-то легко: все время шел густой снег. Провизии оставалось всего лишь на 10 дней. Частые дожди, снегопады и сильное волнение препятствовали исследованиям и плаванию к Маточкину Шару, которого Пахтусов первоначально предполагал достигнуть на плюшке. К тому же Петра Кузьмича беспокоило положение той части команды, которая осталась в губе Каменке. Там вместе с Крапивинным находилось четверо рабочих, из которых двое были больны. Трудно было предполагать, что они смогут оснастить судно и спустить его на воду. Пахтусов решил возвратиться к зимовью. Поставив на месте последней остановки знак из плавника, 5 июля он направился в обратный путь и через три дня достиг губы Каменки.

Крапивин был очень обрадован возвращением начальника. Он подготовил карбас к выходу в море, но был в большом затруднении из-за тяжелого состояния больных. Лед в губе Каменке был взломан, но продолжал держаться в ней и не пропускал судно в море. 11 июля обстановка улучшилась. Команда простилась с жилищем, где она провела 297 дней. По неписаному закону пустыни, свято почитаемому промышленниками, путешественники оставили в зимовье огниво, растопку, дрова, около полутора пудов муки и фунтов 20 печеного хлеба.

Промерив глубины в губе Каменке, Пахтусов попытался направиться к северу. Но порывы встречного ветра не давали возможности лавировать между льдами, и Петр Кузьмич вынужден был спуститься в Логинову губу, чтобы переждать там непогоду. Между тем ветер все усиливался. Море покрылось льдом вплоть до горизонта. Он закрыл выход из губы. Судно оказалось в ловушке. «Это новое препятствие при начале отправления не предвещало мне успеха,— писал Пахтусов,— но я весьма радовался... что на утлой лодке успел вовремя возвратиться к месту зимовья; в противном случае экспедиция наша едва ли бы не ограничилась тем только, что сделано было по льду и на лодке, ибо два дня спустя после отправления моего в обратный путь мне уже нельзя бы было и подумать пуститься на лодке при крепком боковом ветре, а оставшаяся тогда у нас провизия сегодня должна бы кончиться. В таком случае мы бы принуждены были идти берегом; а как расстояние до места зимовья было около 150 верст по прямому направлению, то на переход,

выключая изгибы и впадающие реки, по крайней мере надобно бы было употребить 10 дней. Само собой разумеется, что необходимые вещи должны бы были мы нести на себе и питаться дичью, которая была еще не в наших руках, а пороку оставалось также немного. С таким воздушным запасом едва ли мы достигли своей цели; а если бы и удалось, то в каком состоянии наши бы наше судно, оставленное с малым числом людей, из коих половина больных? Выйти в море при крепком ветре они решиться не могли, а в губе напором льда могло бы повредить судно или даже и раздавить его»²⁰.

Пока пролив Карские Ворота был забит льдом, Петр Кузьмич занялся уточнением съемки Логиновой губы, выполненной зимой, когда трудно было точно определить, где, собственно, кончается пологий берег и начинается занесенный снегом лед. Раньше Пахтусов полагал, что это не губа, а пролив, и сейчас действительно удостоверился в своей ошибке.

17 июля 1833 г. юго-западным ветром очистило Карские Ворота ото льда. Однако, как ни стремился Пахтусов в Карское море для продолжения работ, он должен был отложить отплытие, так как спустился густой туман и закрыл окрестные берега. Утром следующего дня видимость улучшилась. Выбрали якорь и направились к северу. 19 июля карбас достиг устья реки Саввиной. На другой день экспедиция возобновила описные работы, тщательно определяя берег последовательными пеленгами и нанося на карту даже самые незначительные его изгибы. 21 июля был открыт, а затем положен на карту обширный, окруженный амфитеатром гор залив, который получил имя замечательного исследователя Новой Земли и выдающегося мореплавателя капитана Ф. П. Литке. Здесь экспедиция сделала остановку, так как разыгралась буря. Восточным ветром к берегам прижало лед, лед набивался и в залив. Экспедиция оказалась в ловушке. Свирепствовал жестокий ветер, порой он достигал такой силы, что невозможно было удержаться на ногах. Шел дождь, часто бывали туманы. Каждый день люди ждали, что ветер переменит направление с северо-восточного на юго-западное и отожмет льды от берегов острова.

---

²⁰ Пахтусов П. К. Дневные записки..., с. 66—67.

Но прошли неделя, десять дней, а ледяная западня попрежнему не выпускала судно.

Близилось к концу полярное лето. Экспедиции угрожала новая зимовка на Новой Земле. Вот что записал Пахтусов в дневнике 1 августа 1833 г.: «Непостоянный ветер от северо-востока удерживал льды в устье залива, а следовательно, и нас взаперти. В этот день ровно год назад я простился со своими родными и друзьями в Архангельске, и это воспоминание усиливало неприятность нашего положения; быть запертым льдами в небольшой губе, находиться в бездействии и, признаюсь, в страхе зазимовать на месте — не утешительно. Зная, однако, что отчаяние — первый повод к неудачам и всегда ведет за собою самые бедственные последствия, я старался скрывать мои опасения от товарищей моих и даже от самого себя»²¹.

18 дней провела экспедиция в ледовом плену в заливе Литке. 8 августа судно снова вышло в открытое море и направилось на север. Вырвавшись из ловушки, экспедиция попала в новую беду. Ветер засвежел, усиливаясь час от часу. А совсем рядом, в 800 м с подветренной стороны, была сплошная масса льда, грозившая надвинуться на берег и раздавить карбас. Целые сутки шел дождь со снегом. Судно, по образному выражению Пахтусова, «было похоже на обмокнутую в воду и потом замороженную рыбу». Толстой ледяной коркой покрылись такелаж, мачты, брезент над карбасом и наружная обшивка. Спустя несколько часов на судно надвинулась льдина, пришлось отпустить якорные канаты и затем, когда льдину отнесло, отыскивать и поднимать оставленные якоря.

12 августа экспедиция возобновила описные работы. Вскоре был встречен залив, покрытый зимним невзломанным льдом. Пахтусов назвал его заливом Шуберта в честь начальника Гидрографического депо. Затем были открыты еще два залива, которым были присвоены имена снарядившей экспедиции — Клокова и Брандта. Они также были покрыты льдом. В тот же день экспедиция зашла в пролив Маточкин Шар. Здесь, на мысе Дровяном, должен был оставить записку о своем плавании лейтенант Кротов, направлявшийся к устью Енисея, но Пахтусов не нашел в условленном месте никаких признаков пребыва-

²¹ Там же, с. 75.

ния участников экспедиции. «Итак,— писал Пахтусов в дневнике,— нам первым после Лошкина удалось обойти южный остров Новой Земли. Это радовало нас; но с того дня не переставала преследовать меня грустная дума об участи моих енисейских товарищей: меня тревожила мысль, почему они не исполнили условия»²².

Экспедиция простояла в восточном устье Маточкина Шара три дня. Все это время дул западный ветер, который отодвинул в море лед за горизонт. Пахтусов был в нерешительности, продолжать ли опись дальше к северу или возвратиться в Архангельск. Ему «было жаль и совестно оставить берега, никем не осмотренные». В то же время Пахтусов ясно отдавал себе отчет в том, что продолжать опись к северу от Маточкина Шара значит решиться на вторую зимовку в Арктике, значительно более суровую, чем в губе Каменке на южной оконечности Новой Земли. Для второй зимовки у него не было запасов. Здоровье всех членов экспедиции ослабло. Вместо восьми рабочих у Пахтусова было шестеро, причем двое из них были тяжело больны. «Нет,— писал в дневнике Пахтусов,— лучше пусть обвиняют меня в робости, но для исполнения своих, хотя и полезных, намерений я не хотел быть виновником гибели моих спутников. Упрек в их бедствии лежал бы в таком случае на одном мне, и тяжесть его не могло бы снять даже удовлетворение честолюбия, если бы я пережил моих товарищей. Я решился на обратный путь. Прав ли я или нет, пусть решат другие...»²³

Далее Пахтусов отмечал в дневнике, что если ему не удастся со временем продолжить начатые работы по описи восточного берега Новой Земли, то будущие путешественники непременно завершат их, проникнув до северной оконечности острова.

17 августа экспедиция направилась проливом на запад. Через несколько часов Пахтусов достиг губы Белушней, в которой находилось зимовье Федора Розмысло-ва, впервые описавшего пролив Маточкин Шар. Изба, в которой 64 года назад зимовал отважный исследователь Новой Земли, почти совсем развалилась. Другое зимовье — на мысе Дровяном, в котором жила его команда, было в

---

²² Там же, с. 78.

²³ Пахтусов П. К. Дневные записки..., с. 80.

сносном состоянии и могло сослужить добрую службу путешественникам или промышленникам. С благоговением осмотрели путешественники оба пристанища первой исследовательской экспедиции на Новую Землю, восемь участников которой навсегда остались на берегах пролива Маточкин Шар. Пахтусова все сильнее охватывала тревога. Он не нашел в условленном месте ни следов Кротова, который должен был оставить о себе известие, ни следов Гвоздарева, которому было поручено доставить сюда избу для экспедиции Пахтусова.

Около 5 часов вечера Пахтусов вернулся на свой карбас и направился проливом к западу.

В полдень 18 августа экспедиция достигла губы Староверской и остановилась вблизи реки Маточки, оказавшейся неглубоким ручьем, протянувшимся голубой лентой среди гор. На берегах ее нашли ветхую промысловую избу, четыре истлевших карбаса и несколько крестов.

На следующий день погода улучшилась, небо прояснилось. Пахтусов проверил ход и показания хронометра. Пока он определял координаты стоянки, чтобы сверить свои долготы с долготами Литке, команда запаслась дровами и пресной водой. Экспедиции предстоял переход в несколько сотен миль — от Маточкина Шара до Архангельска. 20 августа карбас покинул пролив и направился на юго-юго-запад. Светило солнце, течение и ветер были попутные. Но вдруг налетел шквал. «Наше положение, — писал Пахтусов в дневнике, — было картинно, но, конечно, незавидно. Представьте себе среди необозримого океана под небом, покрытым черными тучами, маленький наш бот, осыпaeмый брызгами волн, то сильно кидаемый на хребет вала, то поглощаемый бездною... Не умею дать отчета почему, но мне нравилось разъяренное море, и я не заботился о том, скоро ли смягчится буря, быстро несшая нас к югу»²⁴.

Карбас шел параллельно Новой Земле, стараясь не удаляться в море на случай бури, хотя плавание у берегов в пасмурную погоду, а тем паче ночью было небезопасно.

21 августа экспедиция потеряла третьего своего члена — служителя Николая Рудакова. По обычаю, принятому на флоте, его тело опустили в море.

---

²⁴ Там же, с. 82.

Между тем ветер все усиливался, разводя сильное волнение. Снова разразился шторм, и опять беспалубное суденышко выдержало свирепый натиск бури.

В ночь на 24 августа ветер стих, и на чистой от облаков половине неба заиграло изумительное по своей красоте северное сияние. Светлые столбы, переливаясь многими цветами, то пробегали от земли ввысь, то вдруг разливались огненными полосами по горизонту. Так продолжалось два часа, затем все угасло и наступила темнота, в которой нельзя уже было ничего различить. Когда рассвело, путешественники увидели, что находятся у северной оконечности острова Колгуев. Около его берегов, ища убежища, они блуждали три дня, но все речки были засыпаны выброшенным на берег песком. Ветер по-прежнему был крепкий. Оставаться в открытом море, по словам Пахтусова, было «не только неприятно, но и опасно».

Петр Кузьмич решил идти к хорошо знакомому ему Тиманскому берегу, где надеялся укрыться и переждать крепкие ветры. Засветло он достиг Русского Заворота и приказал отдать два якоря, чтобы переждать ночь; утром предстояло направиться в устье Печоры. Здесь команда должна была немного отдохнуть и запастись свежей пищей. Однако осуществить этот план было нелегко.

При первой попытке зайти в устье Печоры судно село на банку, с которой удалось сняться только утром следующего дня. Через несколько часов карбас, подгоняемый ветром, снова наскочил на мель. Разбушевавшиеся волны били судно о песчаное дно. Казалось, гибель была неизбежна. Пахтусов предпринимал энергичные меры по спасению экспедиции. Наконец, начался прилив, судно снялось с мели, но не было никакой уверенности, что через несколько миль хода оно снова не наткнется на мель.

Сильно потрепанный волнами, карбас весь трещал и скрипел, люди, больные цингой, были измучены многодневным штормом. Чтобы спасти команду и журналы экспедиции, Пахтусов, найдя небольшой залив, где прибой был менее силен, чем в других местах, направил судно прямо на берег. Кондуктору Крапивину и двум рабочим, первым выскочившим из карбаса, удалось якорями некоторое время удержать судно. Этого было достаточно, чтобы спустить на берег людей и спасти журналы, карты и инструменты.

Экспедиция нашла приют у местных промышленников. Когда шторм миновал, они помогли Пахтусову и его спутникам исправить залитый водой бот, получивший несколько пробоин.

12 сентября Пахтусов снова двинулся в путь. Продолжать плавание к Архангельску из-за плохого здоровья людей и плачевного состояния судна было невозможно. Пахтусов держал курс на Печору. Миновав Болванский Нос, судно благополучно вошло в реку. В деревне Кые, расположенной в 50 верстах от Пустозерска, была сделана остановка. Здесь Пахтусов разоружил бот и, сдав команду кондуктору Крапивину, выехал на оленях в Архангельск, куда прибыл через 52 дня — 21 ноября 1833 г.

Вскоре в Петербурге стало известно, что Пахтусов выполнил только часть возложенного на него Клоковым поручения. 2 декабря 1833 г. Ф. П. Литке послал небольшую записку М. Ф. Рейнеке.

«Вам, вероятно, приятно будет слышать, любезный Михаил Францевич, что Пахтусов благополучно воротился в Архангельск, обойдя восточный берег южной половины Новой Земли. Клоков прислал мне копию с его рапорта, которого я, однако же, Вам и не дам, покуда Вы сами ко мне не приедете. Видно, Вас иначе к себе не заманишь»²⁵.

То, что Пахтусову удалось исполнить, было выдающимся вкладом в изучение Севера России.

В январе 1834 г. Пахтусов прибыл в Петербург. Успех его в описи восточного берега южного острова Новой Земли вызвал интерес в Гидрографическом депо, которым руководил Ф. Ф. Шуберт. Тем более что научные консультанты Северной экспедиции М. Ф. Рейнеке и Ф. П. Литке находились в это время в Петербурге и позаботились о том, чтобы это блестящее плавание было не только оценено по достоинству, но и нашло продолжение в снаряжении новой экспедиции. В то время как Брандтсын не проявлял интереса к продолжению исследований, его компаньон (по снаряжению Северной экспедиции) П. И. Клоков изъявлял готовность снова отправить «шхуну с карбасом» как для продолжения описи Новой Земли, так и к отысканию шхуны лейтенанта Кротова, судьба которой «остается и поднесь в неизвестности»²⁶.

²⁵ ЦГАВМФ, ф. 1166, оп. 1, д. 5, л. 151.

²⁶ ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 635, л. 34.

Но при этом он предлагал передать безвозмездно Гидрографическому депо свои суда, чтобы «они были исправлены и вооружены на счет казны».

Ф. Ф. Шуберт поставил в известность об этом предложении начальника Морского штаба А. С. Меншикова, сообщив, что «рвение же Пахтусова продолжить опись восточного берега Новой Земли в нем остается непременным, которое может принести для географии желаемую пользу, а соотечественникам честь»²⁷.

По плану Пахтусова новая экспедиция должна состоять из 10 матросов, 6 промышленников, кондуктора и начальника. Общая ее смета составляла 11 826 рублей (не считая «регламентных провизий, провианта, довольствий офицеров и нижних чинов по существующим положениям и бывшим примерам»).

Для снаряжения экспедиции Ф. Ф. Шуберт считал возможным «обратить» 7200 рублей, находящихся в остатках от Беломорской экспедиции и от «промера между Кронштадтом и Лисьим Носом», а недостающую сумму взять из ассигнований морского министерства, «но если не предвидится к тому ныне возможности, то можно будет взять заимобразно из суммы, ассигнованной Гидрографическим депо на выпуск инструментов для продажи морским офицерам»²⁸.

Безусловно, Гидрографическое депо, где не последнее слово принадлежало Ф. П. Литке и М. Ф. Рейнеке, стремилось к тому, чтобы новая экспедиция была полностью снаряжена на счет казны. Пока Гидрографическое депо хлопотало о снаряжении экспедиции, Пахтусов все свободное время отдавал изучению ботаники, минералогии, зоологии, чтобы в предстоящей экспедиции собрать коллекции по этим отраслям науки и передать их в Академию наук и в Ботанический сад.

В инструкции, которой Гидрографическое депо снабдило Пахтусова, главной задачей экспедиции была поставлена опись восточного берега северного острова Новой Земли. В том случае, если экспедиция, подойдя к Маточкину Шару, обнаружит, что лед в проливе не вскрылся, Пахтусову разрешалось предпринять попытку обойти с запада Новую Землю и опуститься на юг Карским морем

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, д. 632, л. 37.

вдоль восточных ее берегов. «Когда достигнете мыса Желания,— говорилось в инструкции,— предоставляется Вам попытаться, сколько позволят обстоятельства, проникнуть на восток и север от одного для осмотра, не имеется ли по сим направлениям каких-либо неведомых еще островов»²⁹.

26 мая 1834 г. Пахтусов, получив нужные инструменты, выехал из Петербурга. 15 июня Пахтусов принял суда: шхуну, названную именем безвестно погибшего в Ледовитом океане лейтенанта Кротова, и карбас, получивший имя Казакова, помощника командира на судне «Енисей».

Вторая экспедиция Пахтусова была лучше снаряжена, чем первая. Начальнику была предоставлена возможность выбирать продовольствие и одежду по своему усмотрению. Пахтусов воспользовался этим дозволением и запасся большим количеством противочинготных средств и теплыми ненецкими малицами. Кроме того, Пахтусов, пожертвовав вакансиями двух промышленников, добился назначения в экспедицию фельдшера Чупова. Экспедиция состояла из 17 человек. Шхуной «Кротов» командовал Пахтусов, а карбасом «Казаков» — кондуктор Август Карлович Циволька.

24 июля 1834 г. суда отплыли из Архангельска и 26 августа вошли в устье Маточкина Шара. Спустя три дня в проливе показался бот «Новая Земля», сослуживший отличную службу Пахтусову в его первой экспедиции на Новую Землю. Бот, которым управлял крестьянин Шестаков, был послан конторой купца Брандта на поиски следов исчезнувшей шхуны «Енисей». Пахтусов сообщил ему о недавней встрече с промышленником Пономаревым, который рассказывал о том, что севернее Маточкина Шара он видел обломки рангоута небольшого корабля. Отослав с Шестаковым записку о ходе экспедиции, Петр Кузьмич направился проливом на восток, чтобы разыскать лодью, которая должна была доставить избу. Однако лодьи нигде не было. Экспедиция оказалась в чрезвычайно тяжелом положении. Приближалась зима, Температура воздуха упала до 4° С ниже нуля. Около двух недель путешественники потратили на бесплодные попытки пробиться к восточному устью Маточкина Шара,

---

²⁹ Там же, д. 635, л. 33.

где они надеялись воспользоваться развалинами зимовья Федора Розмыслова для постройки избы.

Пролив был забит мелким льдом. Вскоре началось новое ледообразование. Пахтусов решил возвратиться к западному устью Маточкина Шара. Место для зимовки было избрано на берегу реки Чиракиной. Путешественники занялись сбором плавника. Вскоре Циволька вблизи реки Маточки обнаружил избу. Она была разобрана и перевезена к месту становища. Пока строилось жилище, путешественники жили в палатке, сделанной из парусов наподобие ненецкого чума. Постройка зимовья была закончена 5 октября. Поблизости от жилых покоев соорудили баню, соединенную коридором с избой.

Если прошлое зимовье Пахтусов называл сырой берлогой, то нынешнюю избу он находил прекрасной квартирой.

Пахтусов, как и во время прошлой экспедиции, питался из общего братского котла. Он следил за тем, чтобы пища была вкусная и разнообразная, чтобы хлеб хорошо выпекался. В обязанности фельдшера было вменено каждое утро осматривать служителей. Для тех членов команды, у которых были обнаружены признаки цинги, готовилась более питательная пища, им выдавались увеличенные порции чеснока, хрена и кислого творога, которые, по мнению промышленников, были лучшими противоязготными средствами. Кроме того, употребляли экстракт из сосновых шишек и трилистника, который подливали в винную порцию.

Еженедельно члены экспедиции мылись в бане. Баня, по словам Чунова, была для экипажа праздником, подкрепляла силы зимовщиков и приносила больше пользы, чем все лекарства. Однако дрова и воду для бани и для варки пищи было добывать нелегко. Сначала брали воду из озера, находившегося на расстоянии двух верст от избы, но к концу ноября оно промерзло до дна. В течение двух месяцев носили воду из другого озера, отстоявшего на пять верст от зимовья, но затем и в нем вода сделалась непригодной для употребления.

Недостаток дров и отсутствие поблизости источников с питьевой водой были не единственными и не самыми большими бедами экспедиции. Влажность в избе увеличивалась. Метели, случавшиеся почти каждый день, лишали команду возможности выйти на свежий воздух.

В феврале у половины членов экипажа обнаружилась цинга. Благодаря стараниям фельдшера Чупова и заботе Пахтусова пятеро из шести больных выздоровели.

Как только минула полярная ночь и несколько ослабли морозы, экспедиция приступила к описи западного устья Маточкина Шара. В начале апреля Пахтусов снарядил два отряда. «Один из них, — писал он в дневнике, — должен был идти по прибрежному льду восточного берега Новой Земли к северу от Маточкина Шара так далеко, как лед и состояние погоды позволят, рассчитывая обратный путь тою же дорогою; другим отрядом предполагалось описать Маточкин Шар по южному его берегу и астрономически связать устья сего пролива»³⁰.

Пахтусов намерен был руководить работами первого отряда, однако болезнь глаз и просьбы Цивольки дать наиболее трудное задание вынудили его поручить работы по описи восточного берега Новой Земли своему энергичному помощнику.

2 апреля отряды выступили в путь. В зимовье остались лишь фельдшер и двое служителей для присмотра за судами. Спустя три дня оба отряда достигли мыса Дровяного и остановились на ночлег в развалинах избы Розмыслова.

8 апреля партии расстались. Циволька направился к северу, Пахтусов — к западу. Петр Кузьмич начал опись южного берега пролива (северный был положен на карту Розмысловым) и через неделю, несмотря на частые метели, морозы и ветры, довел до своего зимовья.

Более трудная задача выпала на долю Цивольки и его шести спутников. Работа протекала в очень сложных условиях. Припайный лед был сильно восторошен, местами залит водой, кое-где оторван от берега и отодвинут ветрами в море. В таких случаях приходилось выходить на берег и тащить на себе тяжелые сани с инструментами и месячным запасом провизии через покрытые снегом горы. Отряд продвигался вперед очень медленно, делая в сутки не более 12 верст. Циволькой были открыты заливы Незнаемый (ранее посещенный Розмысловым) и Медвежий, названный так по случаю встречи отряда с белыми медведями, а также несколько островов. Циволька продвинулся на 150 верст к северу от Маточкина Шара,

³⁰ Пахтусов П. К. Дневные записки..., с. 116.

доведя опись никем ранее не осмотренного восточного берега северного острова Новой Земли до полуострова Фон-Флотта. Продолжать путь дальше к северу было рискованно, так как продовольствие было на исходе. 24 апреля Циволька прекратил опись, и 6 мая отряд вернулся в зимовье, где о его судьбе уже беспокоились товарищи.

Все возвратившиеся путешественники оказались больны цингой, а Циволька страдал отеком ног. Таким образом, из 16 участников экспедиции к маю 1835 г. оказались здоровыми только два человека. В апреле — мае экспедиция лишилась двух человек: матроса Самсонова, умершего от простудной лихорадки, и вольнонаемного мастерового Постникова, скончавшегося от «разлития в грудной полости воды». Применялись всевозможные средства, чтобы восстановить здоровье больных. Пахтусов занимал команду работами на свежем воздухе, а Чупов использовал все противоцинготные лекарства. В июне, с наступлением теплого времени и появлением в окрестностях зимовья дичи, здоровье больных стало заметно улучшаться. Пахтусов смог приступить к исследованиям в районе Маточкина Шара. Одновременно экспедиция готовилась к плаванию на север вдоль западных берегов Новой Земли. В середине июня зимовье посетили кемские промышленники, только что прибывшие к берегам Новой Земли.

«Радостно было для нас свидание с земляками,— написал в дневнике Пахтусов.— Рассказы их об Архангельске, хотя и не для всех нас равно приятные, были предметом толков между нами почти на целую неделю...»³¹

Через несколько дней в зимовье пришел промышленник Еремин. От него Пахтусов узнал, что у западных берегов острова держатся большие скопления льда. Однако это не охладило желания начальника экспедиции как можно скорее покинуть реку Чиракину и выйти в море. По его словам, он готов был пропиливаться через лед. В конце июня юго-восточным ветром очистило устье Маточкина Шара и отжало лед от западных берегов. Экспедиция на карбасе «Казаков» пустилась в новое плавание, поставив перед собой задачу достичь мыса Желания, обогнуть Новую Землю и, описав ее восточный берег, вер-

³¹ Там же, с. 125.

нуться к зимовью, где оставались один рабочий да фельдшер Чупов с двумя больными. Они должны были смотреть за судном «Кротов», оставленным в устье реки Чиракиной.

Выйдя из Маточкина Шара, экспедиция в течение нескольких дней занималась описью губы Серебрянки. Здесь на низменном берегу острова Митюшева Пахтусов нашел каютные переборки, двери, обломок шпангоута и часть фальшборта с планширом, по всем признакам принадлежавшие шхуне «Енисей». «Итак,— писал Пахтусов,— не оставалось более сомнения в гибели наших товарищей. Но где именно и от каких причин погибли они, можно только догадываться. Мы находили обломки и в Маточкином Шаре, и южнее его, но не так много, как здесь; следовательно, вероятнее предположить, что шхуна «Енисей» погибла в губе Серебрянке»³².

5 июля карбас «Казаков» направился дальше к северу. В районе мыса Сухого были замечены стамухи и отдельные плавающие льдины. С каждым днем количество льда увеличивалось. Спустя два дня экспедиция подошла к островам Берха и Вильгельма (группа Горбовых), где карбас был окружен льдами. Пахтусов, спасая судно от напора льдов, поставил его за сидевшие на мели стамухи, однако вскоре канаты лопнули. «Мы увернулись было за одну большую льдину,— писал Пахтусов,— но и она недолго нас защищала; другие льдины обошли ее и напирали на карбас со всех сторон. В таком затруднительном положении понесло нас к прибрежному льду, и тут вся сила напора приносимых от запада льдин разразилась над слабым карбасом; он затрещал и через несколько минут треснул вдоль: вода полилась от обеих штевней»³³.

Видя неизбежность гибели карбаса, команда стала заблаговременно спасать материалы и запасы экспедиции. Пахтусов имел при себе журналы и инструменты. Порох, ружья, продовольствие были вынесены на палубу. Однако раньше, чем успели поднять наверх сухари, судно стало наполняться водой.

Между прочим, пока путешественники спасали свое имущество, ветер переменил направление и льдину, на которую они выгрузились, стало относить в море. Члены

---

³² Там же, с. 126.

³³ Там же, с. 127.

экспедиции немедленно погрузили часть спасенных вещей в две лодки, снятые с карбаса, и поволокли их по льду к берегу, находившемуся не далее чем в версте. Несколько часов потребовалось на то, чтобы добраться до суши. «Мы все перемокли,— писал Пахтусов,— и до крайности устали. Разведя огонь и устроив палатки из спасенных парусов, обратились опять к перетаске оставленной на прибрежном льду провизии и бочки со смолою»³⁴. Однако льдина ушла далеко в море.

Экспедиция оказалась в очень тяжелом положении. Но катастрофа не сломала воли Пахтусова. Первым делом он заботится о том, чтобы накормить людей. По его распоряжению готовится тесто для лепешек. Затем каждый печет свою долю на вертеле в огне костра, как это делают ненцы на Большой Земле. После трапезы Пахтусов ставит крест и вырезает на нем надпись о том, что здесь, у Горбовых островов, его судно потерпело крушение.

С удивительным хладнокровием Петр Кузьмич продолжает исследования. В журнал экспедиции скрупулезно заносит особенности топографии посещенных мест, делает зарисовки, осматривает остатки полустгнивших русских промысловых изб с неизменными при них братскими могилами. И кто знает, какова была бы судьба второй Новоземельской экспедиции Пахтусова, не отправься он на опись побережья Архангельской губы. Это случилось через 10 дней после гибели судна.

19 июля Пахтусов в одиночестве занимался определением астрономического пункта. Взяв несколько высот солнца, увидел, что по берегу к нему идет человек и машет шапкой. Это был тот самый промышленник Еремин, который две недели назад побывал в зимовье экспедиции на берегу реки Чиракиной. Узнав о бедственном положении экспедиции, он предложил по окончании промыслов доставить путешественников и их имущество в Маточкин Шар.

9 августа экспедиция вернулась в зимовье.

Результаты, достигнутые экспедицией, Пахтусов считал незначительными. Ему не удалось подняться к северу от Новой Земли и отыскать острова, о существовании которых он был слышан. Более того, не смог Пахтусов обойти и весь северный остров Новой Земли. Лишь

---

³⁴ Там же, с. 128.

около 150 верст восточного и около 400 верст западного берега было положено на карту. Северная же часть оставалась загадкой для мореплавателей. Пахтусов принимает дерзкое решение. Поручив Цивольке с командой плыть в Архангельск, он на карбасе, взятом у промышленника Челузгина, отправляется с пятью матросами на опись восточных берегов северного острова Новой Земли. Ледяные поля преграждают путь судну у восточного устья Маточкина Шара. Путешественники перетаскивают карбас по льду до чистой воды и устремляются на север.

Находящиеся в непрерывном движении льды много раз вынуждали путешественников искать убежище за островками и мысами. 23 августа, через две недели со дня выхода в новое плавание, они находились почти в 200 верстах от Маточкина Шара, в виду мыса Дальнего. Дальше на многие версты сплошной стеной простирался лед. Он был тесно прижат к берегу. Пути на север не было. Пахтусов снова потерпел неудачу.

Однако плавание вдоль восточных берегов северного острова Новой Земли не было безрезультатным. Пахтусов положил на карту заливы, не осмотренные Циволькой, и описал острова за 74-й параллелью, которые теперь носят его имя.

28 августа Пахтусов возвратился к зимовью, где все было приготовлено к отплытию в Архангельск.

3 сентября Пахтусов со своей командой покинул берега Новой Земли и 7 октября прибыл в Соломбалу. По возвращении в Архангельск Петр Кузьмич опасно заболел нервной горячкой. Его могучий организм, подорванный двумя зимовками в Арктике, цингой, пережитыми лишениями и неустанными трудами, не смог уже справиться с тяжелой болезнью. Через месяц Пахтусова не стало. Его похоронили в Соломбале. Штурманы военноморского флота на могиле Петра Кузьмича воздвигли надгробие, на котором были высечены небольшое парусное судно и надпись, гласящая, что подпоручик корпуса штурманов и кавалер П. К. Пахтусов умер 7 ноября 1835 г. от понесенных в походах трудов. В 1886 г. Пахтусову был сооружен памятник в Кронштадте.

Пахтусов занимает выдающееся место в плеяде отечественных мореплавателей, изучавших Арктику. Его две экспедиции на Новую Землю по своим результатам превзошли все исследования его предшественников, в том

числе и работы, выполненные Ф. П. Литке. Главная заслуга Пахтусова состоит в том, что он открыл и положил на карту восточное побережье Новой Земли, от Карских Ворот до мыса Дальнего, которое до него изображалось на картах пунктирной линией. Исследователь уточнил положение ряда наиболее интересных в промышленном отношении губ и заливов западного берега и описал южный берег Маточкина Шара. В одном из документов Гидрографического управления, направленном в 1837 г. начальнику Главного морского штаба, отмечена «весьма ощутительная польза», принесенная экспедициями Пахтусова развитию промыслов в новоземельских водах ³⁵.

Интересно отметить, что в 1831 г., т. е. до экспедиции Пахтусова, на промыслы в новоземельские воды ходило только одно судно, а в 1835 г. их число возросло до 137.

Учитель и друг Пахтусова М. Ф. Рейнеке позаботился о том, чтобы не пропали отчеты, дневники и карты его экспедиции. Он просмотрел все материалы и составил о них блестящий отзыв.

«Хотя экспедиция Пахтусова и несовершенно достигла назначенной ей цели, однако польза, ею принесенная, весьма ощутительная и особенно для промышленности того края. Не говоря уже о том, что восточный берег Новой Земли стал нам теперь довольно знаком, еще и многие места западного ее берега также исследованы гораздо подробнее прежнего. Через это деятельные промышленники поморья стали смелее посещать берега пустынного острова и следуют к северу далее прежних пределов своего плавания. По следам Пахтусова стали они опять посещать острова Панкратьевы и Горбовы, куда уже более 30 лет не заходило ни одно промышленное судно. В исходе июля 1835 года после крушения карбаса, на котором плыл Пахтусов, одна промышленничья ладья обошла даже северо-восточный край Новой Земли, мыс Желания, как надо полагать из слов кормщика, который говорит, что земля вдруг круто поворачивается „на шалоник...“»

Для увеличивающейся ныне промышленности около Новой Земли весьма полезно и даже необходимо бы было подробнее исследовать берега этого острова»³⁶.

---

³⁵ ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 635, л. 136.

³⁶ Там же, л. 130—138.

Кроме описи берегов и промера глубин, заливов и бухт экспедициями Пахтусова были выполнены наблюдения над течениями, приливами и отливами, «над силой магнетизма» и наклоном магнитной стрелки и произведены астрономические определения многих пунктов острова. Особый интерес представляли метеорологические наблюдения, которые велись через каждые два — четыре часа во время пребывания экспедиции на Новой Земле. Уже в 1837 г. академик К. М. Бэр проанализировал наблюдения над температурой воздуха, включая ее суточные колебания в различные месяцы года. В 1848 г. академик А. Я. Купфер опубликовал наблюдения Пахтусова в «Своде магнитных и метеорологических наблюдений за 1845 год» (СПб., 1848) и разослал их 170 научным учреждениям всего мира. Спустя 30 лет к тем же материалам обратился академик Г. И. Вильд, использовавший их в ряде своих работ. Особенно тщательно и досконально изучил метеорологические наблюдения Новоземельских экспедиций 1832—1833 и 1834—1835 гг. академик Б. Б. Голицын.

«Интересные выводы академика Бэра, — писал он, — относятся только до температурных наблюдений Пахтусова. Весь остальной богатейший наблюдательный материал этого замечательного исследователя севера оставался, насколько мне известно, до сих пор почти совершенно неразработанным. Но так как этот материал, ввиду того что наблюдения Пахтусова производились через каждые 2 часа, как днем, так и ночью, имеет громадную научную ценность, то я решился подвергнуть его систематической разработке»³⁷.

Голицын исследовал наибольшие и наименьшие температуры за каждый месяц по наблюдениям в губе Каменке и в западном устье Маточкина Шара. Он проанализировал среднюю скорость ветра и среднюю облачность как по дням, так и по ночам.

Важные открытия и наблюдения П. К. Пахтусова привлекли внимание к Новой Земле Академии наук и послужили импульсом к снаряжению экспедиции Карла Бэра.

---

³⁷ Голицын Б. Б. О метеорологических наблюдениях на Новой Земле, СПб., 1900, с. 8.

УЧЕНЫЕ НА НОВОЙ ЗЕМЛЕ

После кончины П. К. Пахтусова одна за другой предпринимались попытки снаряжения правительственной экспедиции для завершения описи Новой Земли. В задуманном предприятии изъявлял готовность принять участие К. М. Бэр, недавно бросивший якорь в своем отечестве и избранный в действительные члены Петербургской академии наук. Однако моряки, выдвинувшие эту идею, потерпели неудачу. Тогда ученые решили действовать самостоятельно. Академики Ф. Ф. Брандт и К. М. Бэр составили обстоятельную записку, в которой обращали внимание академии на тот прискорбный факт, что «Новая Земля еще никогда не была посещаемая зоологами и ботаниками» и что о животном и растительном мире этого острова почти ничего не известно. Далее Бэр и Брандт отмечали, что за последние десятилетия английскими полярными экспедициями доставлены науке богатые данные о животных Шпицбергена, Гренландии, Северной Америки. Тот факт, что Русский Север не исследован в естественноисторическом отношении, являлся укором академии.

«Предприимчивый дух российских народов,— писали Бэр и Брандт,— открыл Новую Землю раньше, нежели все прочие страны, за изъятием разве Гренландии. Итак, мы отстали только в одном ученом исследовании. Долг академии озаботиться подобными разысканиями»¹.

На новоземельское путешествие академия отпустила 9 385 рублей. По ее просьбе к экспедиции прикомандировали прапорщика А. К. Цивольку. Кроме Бэра в плавании участвовали натуралист Дерптского университета Леман, художник петербургского Монетного двора Рэдер, препаратор Зоологического музея Филиппов и служитель Дронов.

Добравшись 10 июня 1837 г. до Архангельска, Бэр выяснил, что предоставленная экспедиции шхуна «Кротов» не может вместить всех его спутников. Бэр, собиравшийся взять на судно живую корову для мяса, вспоминал впоследствии, что с тем же успехом можно было бы погрузить «Кротова» на живую корову. «Сколь ни

---

¹ ЦГИА, ф. 733, оп. 12, д. 493, л. 3.

малым представлял я себе казенное судно, которое приказано было снарядить для нашего плавания, — писал Бэр, — но признаюсь, никак не ожидал найти его столь малым, как оно было на самом деле. В каюте могли лежать не более трех человек, а нас было четверо, кроме прапорщика Цивольки. Сколь ни были готовы мы жертвовать в этом случае нашим спокойствием, соглашаясь спать во время переезда на палубе, со всем тем не могли бы в случае счастливого успеха нашего путешествия поместить на таком малом пространстве всех найденных кож и скелетов. Путеводитель наш, Циволька, истощил всю свою деятельность и ловкость для того, чтобы убрать каюту сколь возможно удобнее»². Но сделать помещение для ученых более просторным он, разумеется, не мог.

Бэру удалось договориться с помором Афанасием Ереминым, чтобы тот взял на борт лодьи «Св. Елисей» часть участников экспедиции.

Во второй половине июня путешественники покинули Архангельск, в окрестностях которого собрали ботанические и зоологические коллекции.

Встречные ветры вынудили Бэра задержаться более чем на неделю у Зимнего берега. Он здесь нашел богатую растительность, но зато Белое море в этом месте оказалось «чрезвычайно бедно произведениями природы, и зоология не могла бы похвалиться ни малейшею добычею отсюда, если бы стрелок, бывший прежде питомцем Музеума, не убил на здешнем берегу одной птицы, совершенно новой для Европы»³.

Лишь в ночь на 2 июля суда достигли Лапландии и отдали якоря вблизи деревни Пялицы. В ее окрестностях путешественникам открылось целое море лишайников, угрожавшее местами вытеснить высшие растения. «Даже можжевельник, который почитается знаком тощей почвы, имел здесь болезненный изжелта-зеленый вид, — писал Бэр. — Несколько разбросанных зеленых кустов оказались при ближайшем осмотре уродливыми березами, коих ширина иногда втрое превышала вышину»⁴.

---

² Бэр К. М. Донесения об экспедиции в Новую Землю и Лапландию. — С.-Петербург. вед., 1837, № 182, с. 820.

³ Там же, № 232, с. 1045.

⁴ Бэр К. М. Путешествие на Новую Землю. — Журн. м-ва нар. просвещения, 1838, ч. 7, с. 681.

Следующую остановку сделали в селе Поной, где снова занимались исследованием растительности и животной жизни беломорских берегов. Бэр имел намерение посетить город Кола, но, потеряв много времени на сборы в Архангельске и на плавание Белым морем, решил с первым попутным ветром идти к Новой Земле.

19 июля суда отдали якоря у входа в пролив Маточкин Шар, вблизи устья реки Чиракиной, где А. К. Циволька зимовал вместе с П. К. Пахтусовым.

Вскоре Бэр ступил на Новую Землю. Несколько дней путешественники занимались изучением окрестностей, прилегающих к западному устью Маточкина Шара. Они собирали растения, осматривали птичьи базары, ловили леммингов, вскрывали моржей и нерп, добытых промышленниками, стреляли гагар, куликов, чаек.

31 июля суда вошли в Маточкин Шар. Лед они встретили только в переузье (середина пролива). Он находился в постоянном движении. Оставив здесь суда, путешественники стали осторожно на лодке пробираться между льдинами.

«Эта попытка,— писал Бэр,— после некоторых усилий удалась нам, и мы открыли себе с помощью свежего ветра свободный ото льда путь к Карскому морю, в которое и вошли вскоре после полуночи. Тот же самый ветер на следующий день чрезвычайно усилился и сделал обратный путь на лодке невозможным; а так как при отправлении нашем с места, где суда наши стояли на якоре, мы имели намерение возвратиться туда к ночи и потому не запаслись ничем нужным для более продолжительного пребывания в необитаемом месте, то и принуждены были провести первые числа августа весьма беспокойно, в дурную погоду, в дождь, при 4,5° температуры, без всякого крова и терпя во всем недостаток. Если бы буря еще продолжалась, то положение наше могло бы сделаться чрезвычайно опасным, потому что возвращение пешком вдоль пролива было совершенно невозможно по причине голых непроходимых скал, выдававшихся во многих местах из самой воды»⁵.

Путешественникам посчастливилось встретить кемских поморов. Они предоставили ученым кров и пищу.

Бэр в своем донесении отмечал, что сильный запад-

---

⁵ Бэр К. М. Донесения..., с. 1046.

ный ветер очистил Карское море и льда не было видно даже с окрестных гор. Спустя некоторое время ветер переменялся с западного на восточный, и к ночи следующего дня промокшие путешественники прибыли к месту стоянки судов.

Бэр решил вернуться на западное побережье Новой Земли и продолжить исследование ее южной части. 3 августа суда покинули Маточкин Шар. В первую очередь обследовали губу Безымянную, где промышленники находили куски каменного угля. Бэр выяснил, что встречающиеся здесь куски угля принесены океаном из других мест.

6 августа путешественники высадились на юго-западном побережье Новой Земли, в устье реки Нехватовой. Несколько дней Бэр уделил изучению соленых озер, соединенных между собой руслом реки Нехватовой, а натуралист Леман — сбору сведений о геологическом строении окрестностей Костина Шара. Работы были прерваны штормом.

Как только утихла буря, путешественники оставили устье реки Нехватовой и занялись драгированием в Костином Шаре. Уловы оказались чрезвычайно богатыми. Сеть принесла многочисленные экземпляры медуз, морских ежей и звезд, различных рачков, полипов и других морских животных.

«Мне очень хотелось,— писал Бэр,— не только посетить Колу и соседнюю с ней Мотовскую Бухту, но и пробыть там несколько дней для ученых исследований, равно желал я посмотреть и на глетчеры, лежащие к северу по ту сторону Крестовой губы на западном берегу Новой Земли, и, если это удастся, проникнуть далее к югу и остановиться у Колгуева, чтобы сравнить растительность этого, столь редко посещаемого острова с растительностью Новой Земли. Очевидно, три таких желания не могли быть исполнены все вместе даже при самых благоприятных обстоятельствах»⁶.

Посоветовавшись с Циволькой, Бэр решил при благоприятном ветре оставить берега Новой Земли и направиться в Колу. 31 августа экспедиция покинула Костин Шар.

На восьмой день путешественники увидели берега

---

⁶ Бэр К. М. Донесения..., с. 147.

Лапландии. Их отделяло от Мотовской губы несколько сотен верст. Но вдруг с северо-запада задул свежий встречный ветер. Пришлось уйти под защиту Семи островов. Ожидание перемены погоды оказалось тщетным. Бэр решил возвращаться в Архангельск, которого экспедиция благополучно достигла 11 сентября 1837 г.

Экспедиция Бэра была важным шагом в исследовании Арктики. Ей по праву принадлежит создание первого научного представления о растительном мире Новой Земли. За шесть недель Бэру удалось собрать и исследовать 135 видов растений. Ученый одновременно дал научное описание млекопитающих, птиц, рыб и низших животных, обитающих в водах и на берегах Новой Земли. Он был удовлетворен тем, что собрал близ Новой Земли 70 видов беспозвоночных, в то время как английский полярный исследователь Скоресби привез со Шпицберга 37 видов. В 1838 г. Бэр опубликовал исследование о растительности и климате Новой Земли, где растительный мир впервые «рассмотрен не только в статистическом состоянии, но и как динамическая совокупность растительных сообществ»⁷.

Академия наук выразила Бэру «усердную признательность за столь успешное выполнение возложенного на него важного и многотрудного поручения». Непременный секретарь академии П. Н. Фус писал начальнику морского штаба Меньшикову «о глубокой признательности академии за прикомандирование к экспедиции столь опытного офицера, каков прапорщик корпуса флотских штурманов Циволька, коего знанию дела, знакомству с тамошним краем, неутомимому усердию и любви к наукам экспедиция наиболее обязана своим успехом». Циволька в награду получил годовой оклад жалованья и следующий офицерский чин.

Проведя научные исследования на Новой Земле, Бэр одним из первых попытался проследить влияние климатических условий на развитие животного и растительного мира сначала на этом острове, а затем на всем Русском Севере. Исследования Бэра, посвященные температуре воздуха на 70° с.ш. и повторяемости гроз в полярных

---

⁷ *Трасс Х. Х.* Интересы и труды К. Э. М. Бэра в области ботаники. — Мат-лы науч. конф., посвящ. 175-летию со дня рождения К. Э. М. Бэра. Тарту, 1967, с. 21—22.

странах, явились важнейшим вкладом в изучение климатических особенностей западного района Арктики. Анализ наблюдений П. К. Пахтусова, А. К. Цивольки, С. А. Моисеева и собственных измерений во время экспедиции на Новую Землю в 1837 г. привел его к выдающемуся выводу о существовании замкнутого ледяного бассейна (ледяного массива), оказывающего большое влияние на климат и растительный мир восточной стороны этого гигантского острова, и о повышенной ледовитости Карского моря по сравнению с Баренцевым.

В 70-х годах прошлого столетия выводы Бэра подверглись критике со стороны зарубежных географов, и в частности Петермана и Гельвальда. В литературе стало бытовать суждение об ошибочности взглядов ученого, который якобы не сумел проникнуть в Карское море в 1837 г. и назвал его непроходимым.

Обратимся же к фактам. Прежде всего напомним, что в 1837 г. Бэр, сопровождаемый поморами, проник в Карское море и, выйдя к восточному устью Маточкина Шара, был поражен не обилием льдов, а их совершенным отсутствием. В своем донесении в Академию наук он сообщал, что льды от восточных берегов Новой Земли были угнаны за горизонт штормовыми западными ветрами.

Как видно из новых документов, по возвращении из плавания 1837 г. Бэр вместе с Рейнеке, Циволькой, Купфером и Литке участвовал в обсуждении вопроса о снаряжении экспедиции для завершения описи Новой Земли, одной из задач которой являлось плавание Карским морем от мыса Желания к Маточкину Шару.

Одной из важнейших задач этой экспедиции Бэр считал выполнение физических наблюдений и просил Академию наук снабдить руководителя экспедиции Августа Цивольку «Метеорологией» Людвигу Кемца и «Руководством для делания метеорологических наблюдений» Адольфа Купфера. Новоземельская экспедиция 1838—1839 гг. доставила первый проведенный на Русском Севере годичный цикл ежечасных метеорологических наблюдений, которые вошли в состав классических трудов по климатологии России и земного шара. Несмотря на неуспех попыток Новоземельской экспедиции подняться к мысу Желания, Бэр считал возможным достижение этого северного пункта острова и реальным плавание Карским морем. Об этом наглядно свидетельствует его проект научных исследова-

ний на Русском Севере. В 1840 г. он предложил отправить промышленное судно из Пустозерска к берегам Ямала, чтобы взять на борт остов мамонта, обнаруженный местными жителями у реки Юрибей.

«По своему положению Русское государство,— писал Бэр,— должно совершенно особое внимание уделять исследованию природы высоких широт Севера»⁸. Он напоминал, что слабая изученность полярных областей в климатическом и естественнонаучном отношении наносит ущерб интересам государства, престижу русской науки.

Судя по проекту, Бэр предполагал использовать две-три недели на исследование фауны Белого моря. Затем он надеялся заняться изучением низших пород животных Ледовитого моря, особенно для пополнения наблюдений, выполненных в 1837 г. Потом ученый предполагал «распространить исследования далее на северо-восток, чтобы в удобных пунктах наблюдать животный и растительный мир»⁹. В течение всего плавания планировалось вести метеорологические и магнитные наблюдения в Баренцевом и Карском морях.

Что касается выводов Бэра о существовании замкнутого ледяного бассейна (Новоземельского ледяного массива) и о повышенной по сравнению с Баренцевым ледовитости Карского моря, то это были выдающиеся для своего времени научные предположения. Они основывались не на домыслах, а на точных, изумительно достоверных наблюдениях П. К. Пахтусова и А. К. Цивольки.

Спустя столетие советские ученые подтвердили правильность взглядов Бэра, установив существование Новоземельского ледяного массива, который даже для современных мощных судов остается грозным препятствием.

Исследование климатических условий Арктики Бэр считал важнейшей задачей полярных экспедиций. В разработанном им грандиозном проекте исследования Севера России в естественнонаучном отношении предусматривалась постановка геофизических наблюдений. Весьма символично, что в отзыве на английский проект экспедиции к Северному полюсу Бэр одной из главных задач такого научного предприятия считал исследование метеорологических, гидрологических, ледовых и геомагнитных усло-

---

⁸ ЦГИА, ф. 735, оп. 2, д. 94, л. 11.

⁹ Там же, л. 12.

вий Центральной Арктики. Задачу достижения полюса ученый называл делом третьестепенным, поскольку северная точка планеты сама по себе не отличается от других точек земного шара. Бэр писал, что он и его коллеги «склоняются к точке зрения русских промышленников, научно обоснованной и защищаемой адмиралом Врангелем, именно, что вокруг полюса нет постоянного сплошного ледяного покрова»¹⁰.

Бэр считал целесообразным послать экспедицию по пути, идущему на север между Новой Землей и Шпицберген (Земля Франца-Иосифа тогда еще не была открыта); именно в этом районе, по его мнению, можно достигнуть великой цели. Ученый между тем предостерегал своих английских коллег от излишних иллюзий относительно легких ледовых условий между Новой Землей и Шпицберген. Основываясь на сведениях, которые доставляли русские промышленники, Бэр указывал, что нередко у восточного побережья архипелага держатся гигантские ледяные поля. И все же ученый находил, что плавание к полюсу по курсу, пролегающему на север между Новой Землей и Шпицберген, будет сопряжено с меньшим риском, чем плавание к северу от пролива Смита. Даже в том случае, если бы суда попали в ледовый плен, экспедиции не угрожала бы смертельная опасность, так как следующей весной их могло вынести течением к южным, теплым водам.

Самым важным Бэр считал проведение широких исследований Арктики, и прежде всего Новой Земли.

Вскоре после возвращения ученого в Петербург Гидрографический департамент вошел с ходатайством в морской штаб об отправке в Ледовитое море двух судов для картирования и подробного исследования северо-западных, северных и северо-восточных берегов Новой Земли. На этот раз моряков ждал успех. Морской штаб дал согласие на отправку экспедиции летом 1838 г. Ее руководителем был назначен А. К. Циволька.

В январе 1838 г. А. К. Циволька простился с Петербургом. Вместе с ним в Архангельск выехали прапорщик С. А. Моисеев, кондукторы Рогачев и Кернер. руководи-

---

¹⁰ Радовский М. И. К. М. Бэр об экспедиции на Северный полюс.— Труды Ин-та истории естествознания и техники АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957, т. 16, с. 337.

тель экспедиции лично наблюдал за строительством шхун «Новая Земля» и «Шпицберген». По его чертежам были срублены две избы для зимовья, которые затем были разобраны и погружены на шхуну «Шпицберген» под командованием С. А. Моисеева и на лодью Ивана Гвоздарева, который вызвался помочь экспедиции.

27 июня суда экспедиции выступили под паруса. Вскоре выяснилось, что они имеют разный ход. Шхуны вскоре расстались, чтобы встретиться в губе Мелкой, расположенной к северу от Маточкина Шара. Первой сюда прибыла шхуна «Шпицберген». 27 июля С. А. Моисеев произвел рекогносцировку Мелкой губы. На ее берегах, к немалому своему изумлению, он обнаружил развалины трех ветхих изб, построенных из привозного леса. Тут же виднелись могилы. Судя по надписи на одном из крестов, в этих местах обитали поморы еще в самом начале XVIII в.

Поблизости от этих развалин было построено зимовье экспедиции. Оно состояло из большой и малой изб. Кроме того, из парусины была сооружена походная баня. Когда работы были завершены, Моисеев вместе со своими спутниками отправился за дичью на мыс Лаврова.

«За версту до базара, — писал он, — оглушил нас пронзительный крик птиц, поселившихся на отвесном утесе, высотой более ста фута и протянутом по берегу более версты. Все это пространство облеплено гагарками и чайками-щеголихами. Первые не имеют гнезд, кладут яйца и выводят детей по уступам утеса, на голом камне; последние вьют гнезда из грязи, наполняют их мхом и сором и помещаются попарно»¹¹.

Настреляв гагарок для братского стола, путешественники возвращались к зимовью берегом. На пути они встретили развалины еще одного зимовья — следы давнего пребывания русских людей на Новой Земле.

8 августа в губу Мелкую прибыла шхуна «Новая Земля» под командой А. К. Цивольки. «После разгрузки судно вытащили на берег. Одновременно в малой избе и поблизости от нее установили метеорологические приборы для измерения температуры и давления воздуха, силы и

¹¹ Моисеев С. А. Дневные записки, веденные прапорщиком Моисеевым при описи Новой Земли в 1838 и 1839 годах. — В кн.: Дневные записки П. К. Пахтусова и С. А. Моисеева. М.: Географиз, 1956, с. 172.

направления ветра. На берегу бухты был оборудован футшток, по которому отмечали колебания уровня моря. Метеорологические наблюдения, по словам Моисеева, «постоянно делали каждый час днем и ночью». Впоследствии измерения Новоземельской экспедиции 1838—1839 гг. К. М. Бар назвал сокровищем для метеоролога.

К середине августа было закончено устройство зимовья, и Циволька стал готовиться к предстоящим исследованиям.

«План этого намерения был следующий, — писал Моисеев в своем журнале. — Циволька пойдет на карбасе вдоль западного берега Новой Земли, чтобы обогнуть северо-восточную ее оконечность. Между тем мне приказал он идти на шхуне в залив Крестовый и, оставя шхуну в безопасном месте при вершине губы, пройти на восточный берег земли на карбасе через пролив, тут предполагаемый. Потом следовать вдоль восточного берега и делать опись от широты 74°24' до встречи с ним или так далеко, как это будет возможно, и возвратиться к зимовью прежним путем. Ежели предполагаемых проливов нет или они покрыты льдом, то перейти на восточный берег и, оставя там часть провизии у отличительного места со своею приметою, возвратиться в Крестовую губу для подробной описи оной, после чего следовать в зимовье»¹².

20 августа Циволька направился к северной оконечности Новой Земли. На следующий день Моисеев должен был выйти в плавание на своей шхуне, но штормовые ветры только через четыре дня позволили ему покинуть Мелкую губу. 28 августа в тумане он зашел в Северный Сульменев залив, описью которого занимался несколько дней. Штормовая погода помешала морякам проникнуть в Крестовую губу, и они были вынуждены возвратиться к зимовью.

Циволька, который из-за болезни еще раньше прибыл в Мелкую губу, решил дальнейшую опись берегов отложить до весны будущего года и заняться подготовкой к зимовке. Он перестроил избы, затем отправил служителей в Крестовую губу, поручив им заниматься промыслом морского зверя. Поморы за две недели добыли одиннадцать нерп, восемь морских зайцев и трех песцов. Матросы тем

¹² Там же, с. 175.

временем собирали по берегам выкинутый морем плавник, ставили ловушки на песцов и разведывали запасы свежей воды, которой можно было бы воспользоваться зимой, когда ближние речки и озера промерзнут до дна.

В начале октября выпал снег, лед сковал сначала реки, а затем и губу Мелкую. Опустел птичий базар. Улетели и гагарки и чайки-щеголихи. По словам Моисеева, дольше всех оставались утки-алейки и чайки-клуши, жившие на берегах Мелкой губы до тех пор, пока не покрывалась льдом последняя полынья. Исчезли тюлени и моржи. Зато участились визиты белых медведей, о появлении которых первыми извещали собаки, впервые привезенные исследователями на Новую Землю.

Моисеев с подштурманами Рогачевым и Кернером регулярно вел ежечасные метеорологические измерения. Путешественники «думали было устроить будку для магнитного павильона», но недостаток в лесу заставил их отказаться от этого намерения.

29 октября Циволька заболел «сильным колотьем в груди». Лекарства первоначально как будто принесли ему некоторое облегчение, но затем болезнь усилилась. В декабре он уже не смог выходить из большой избы, где жил вместе с командой. Только 1 февраля 1839 г., «после двухмесячного затворничества» руководитель экспедиции снова отправился со своими спутниками собирать дрова на берегу моря. Однако, пройдя несколько сотен метров, он почувствовал слабость и вернулся к зимовью.

2 февраля 1839 г. экспедиция потеряла унтер-офицера Тараканова, который заболел еще в Архангельске. В последний день февраля умер ненец Касков. 13 членов экспедиции болели цингой. Самочувствие Цивольки заметно ухудшалось день ото дня. Он снова перестал выходить на прогулки, а 16 марта его не стало.

«Погода была отличная,— писал Моисеев об этом скорбном дне,— ясное небо, совершенная тишина, мороз 14°. В некоторых местах стали показываться на черной земле проталины снега. Все здоровые и большая часть хворых ходили гулять до 6 часов вечера. Мы возвращались уже домой, как прибежал к нам канонир с известием, что Циволька встал с постели и ходит по избе. Это крайне удивило нас и порадовало надеждою на его выздоровление. Все поспешили в избу, но тут застали его уже лежащим при последнем вздохе, и он не успел ска-

зять нам последнего „прости“. Медик наш приписывает кончину Цивольки грудной водяной болезни»¹³.

На следующий день путешественники похоронили своего начальника. Здоровых оставалось всего 9 человек. В конце марта скончались матрос Михайлов и крестьянин Гладкий.

В начале апреля Моисеев предпринял попытку пройти берегом в Крестовую губу, а затем совершить переход через Новую Землю к Карскому морю. Но вскоре выяснилось, что путешественники истощены до крайности долгой зимовкой. К тому же многие из них с первых же дней похода начали страдать снежной болезнью. Моряки вынуждены были вернуться. «Избы наши превратились в больницы, — записал Моисеев 8 апреля. — Всего больных 16 человек»¹⁴.

Спустя несколько дней, когда у большинства здоровых матросов прошло воспаление глаз, Моисеев предпринял через горы второе путешествие к вершине Крестовой губы. Он достиг этой цели и вскоре установил, что «тут нет пролива к восточному берегу, хотя и могло это издали показаться Башмакову и Цивольке в 1835 году»¹⁵. Удалившись на несколько верст в глубь Новой Земли, он убедился, что с четырьмя ослабевшими спутниками не сможет пересечь остров и выйти на его восточную сторону. В течение нескольких дней Моисеев занимался картированием Крестовой губы, а 19 апреля уже снова был в зимовье, где застал весьма печальную картину. На следующий день он записал в дневнике: «Больные наши поправлялись медленно: еще один из десяти скорбутных, мещанин Воронов, умер; глазных, кроме нас, было 6 человек. Итак, здоровых оставалось только трое»¹⁶.

Моисеев отправил их к мысу Литке, поручив добыть дичи. Они принесли двух чаек и двух чистиков. Это была первая свежая пища с октября 1838 г. 23 апреля 1839 г. экспедиция лишилась крестьянина Замятина, а 7 мая умер матрос Хабаров.

Несмотря на то что несчастья неотступно преследовали путешественников, Моисеев со своими помощниками ни на один час не прекращал метеорологических измере-

¹³ Моисеев С. А. Дневные записки..., с. 181.

¹⁴ Там же, с. 184.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, с. 185.

ний. Более того, 17 мая он приступил к магнитным наблюдениям, соорудив для приборов специальную будку. В то же время кондуктор Рогачев закончил подробное картирование Мелкой губы. В конце мая на северный остров Новой Земли пришла весна. В губе Мелкой взломало ветром лед и унесло в море.

22—23 июня 1839 г. спустили на воду шхуны «Новая Земля» и «Шпицберген» и стали готовиться к предстоящему плаванию. Неожиданно возвратились холода, выпал снег, и «цветы, начинавшие пестрить южные долины, померзли». Потом снова возвратилось тепло. Снова исчез снег, только пожухлая зелень напоминала о недавних морозах.

В начале июля Моисеев с четырьмя матросами на карбасе направился к северу и уточнил прежние описи до северного берега Машигина залива. Даже когда был съеден последний, к тому же подмоченный, сухарь, путешественники не перестали картировать Новоземельское побережье. «Теперь,— писал Моисеев,— пища наша состояла единственно из пойманных нами гусей и застреленных чаек»¹⁷.

В районе полуострова Адмиралтейства путешественники встретили четыре лоды поморов, которые уже четыре недели ждали, когда ветер отгонит льды и откроет путь в Архангельскую губу. Напрасно и Моисеев ждал улучшения ледовой обстановки. Видя, что уже наступает август, он решил возвратиться на промышленной лодке к своему зимовью.

4 августа шхуна «Шпицберген» была готова вступить под паруса. «Мы,— писал Моисеев,— простились с жилищем нашим. Оставили в избе, по общему обычаю поморцев, образ, несколько сухарей, муки, бульону, соленой трески, огниво, серы и на две топки дров на случай пристанища здесь какого-либо бедствующего странника. Простились и с могилою товарищей наших и к вечеру снялись с якоря»¹⁸.

7 августа Моисеев находился в становище Малые Кармакулы и немедленно приступил к описи залива Моллера, исследованием которого занимался более двух недель. Затем шхуна взяла курс на Архангельск и 8 сентяб-

¹⁷ Там же, с. 192.

¹⁸ Там же, с. 194.

ря отдала якорь в Соломбале. Из 30 членов экспедиции в Архангельск возвратился 21 человек, из которых 11 могли считаться здоровыми.

Новоземельская экспедиция 1838—1839 гг., продолжавшаяся 450 дней, не выполнила поставленных перед ней задач. Потеряв начальника экспедиции и 8 членов команды, она не могла продолжить описи северных и северо-восточных берегов Новой Земли. Но, несмотря на то что экспедицию преследовали неудачи, она все же внесла определенный вклад в исследование Новой Земли. Весной и летом 1839 г. ее участниками были описаны губы Мелкая, Крестовая, Северная и Южная Сульменевы, Машигина, залив Моллера.

Экспедиция опровергла выдвинутое А. К. Циволькой и промышленником Башмаковым предположение о существовании пролива между заливом Медвежьим на восточном берегу и Крестовой губой, глубоко вдающейся в западное побережье Новой Земли. Большой интерес представляли регулярно проводившиеся ежечасные метеорологические наблюдения. Кроме того, экспедиция астрономически определила несколько пунктов на западном побережье Новой Земли, сделала измерения магнитного склонения, выполнила наблюдения над приливами, толщиной льда и собрала ботаническую коллекцию, переданную Моисеевым академику Бэру. Описи экспедиции были использованы при издании в 1844 г. карты Новой Земли.

Уже в 1840 г. метеорологические наблюдения в Мелкой губе были проанализированы Бэром и некоторыми западноевропейскими учеными. Их изучал академик А. Ф. Миддендорф. Затем к тем же измерениям обращались академики М. А. Рыкачев и Г. И. Вильд. Особенно тщательной разработке весь комплекс метеорологических исследований Новоземельской экспедиции 1838—1839 гг. был подвергнут Б. Б. Голицыным, который сравнил их с наблюдениями П. К. Пахтусова. При этом оказалось, что среднегодовая температура ($-6,9^{\circ}$) в Мелкой губе была на $2,6^{\circ}$ выше, чем в губе Каменке, и на $1,4^{\circ}$, чем в Маточкином Шаре. Б. Б. Голицын пришел к выводу, что климат в Мелкой губе более мягкий, чем в южных районах Новой Земли. Это обстоятельство он объяснял «умеряющим влиянием Северного Ледовитого океана»¹⁹.

¹⁹ Голицын Б. Б. О метеорологических наблюдениях на Новой Земле, с. 30.

После неудачной экспедиции 1838—1839 гг. Новая Земля была надолго забыта.

С середины XIX в. не только в Арктике, но и во всем северном полушарии обозначилось потепление климата, что привело к уменьшению ледовитости как в Баренцевом, так и Карском море. В это время в новоземельских водах наряду с поморами начинают охотиться иностранцы. Пользуясь тем, что Новая Земля не охранялась царским правительством, иностранцы не только хищнически истребляли морского зверя, разоряли гнезда гаг, вывозили пух, но и уничтожали старинные промысловые избы и кресты, свидетельствовавшие о давнем владении русскими Новой Землей.

На повестку дня вставал вопрос о заселении этого острова и действительном закреплении его за Русским государством. Начало этому важному мероприятию положил ненец Фома Вылка. В 1867 г. с семьей и несколькими товарищами он отправился на двух карбасах к южному острову Новой Земли. Путешественники попали в бурю и едва не погибли. В глубине одного залива Фома Вылка нашел развалившуюся избушку. Ему пришлось по душе тихая, окруженная горами бухта. Путешественники поставили на ее берегу свои чумы и принялись за добычу. Промысел был удачен. Ненцы настреляли большое количество нерп, оленей, набили белух и решили отправляться обратно на Большую Землю. Но Фома не вернулся вместе с товарищами. Со своей женой Ариной, двумя маленькими дочерьми и ненцем Самдеем он остался на Новой Земле, где хотел укрыться от жестокой эксплуатации пустозерских купцов и царских чиновников. Из остатков старой избы русских промышленников ненцы выстроили себе жилище, устроили нары, обили стены шкурами, соорудили очаг. В избе им предстояло провести много долгих месяцев. Фома, Арина, их дети благополучно перенесли суровую холодную зиму. Цинга миновала их. Заболел только ненец Самдей. Незадолго до наступления первого солнечного дня он умер.

Летом 1868 г. Фома снова не захотел покинуть берега Новой Земли. Он остался на вторую зимовку, хотя избушку, в которой жил, еще весной разобрал на дрова. Семья жила теперь в чуме, «где было почти так же хо-

лодно, как на дворе». Цинга в эту зиму навестила чум: заболели жена и обе дочери. Но Фома победил болезнь, напоив больных свежей кровью застреленного белого медведя. Тяжелая зимовка изнурила отважного пенца, ружье пришло в негодность, запасов не было. Однако Фома Вылка не сдавался. Узнав от посетивших его чум норвежцев, что к северу от становища охотятся русские поморы, он решил попытать счастья и достать все необходимое для зимовки. Фома разыскал их, купил ружье со всеми припасами, запаса провизией, ситцем. Вскоре Вылка перебрался в Мало-Кармакульскую бухту. Сюда в 1870 г. пришла русская военная эскадра. Поход ее к берегам Новой Земли был демонстрацией силы и намерений русского правительства пресечь притязания иностранных государств на эту исконно русскую землю, издревле обжитую нашими поморами. Одновременно были предприняты некоторые меры по развитию русских промыслов на берегах и в водах Новой Земли, хотя вопрос о ее заселении и действенном закреплении за Россией оставался нерешенным.

В 1872 г. на южном острове, в Костином Шаре была выстроена изба-приют для промышленников. Одновременно на Новой Земле появилось несколько ненецких семейств, которые, по примеру Фомы Вылки, решили навсегда остаться на ее берегах.

В 1878 г. Общество спасения на водах отправило на Новую Землю зимовочную экспедицию, которой руководил гидрограф Е. А. Тягин. Построив в Малых Кармакулах спасательную станцию, путешественники выполнили годичный цикл гидрометеорологических наблюдений, произвели промер кармакульского рейда.

Вместе с моряками поселилось несколько семейств ненцев. Зимовка в основном прошла благополучно. 12 апреля 1879 г. Е. А. Тягин в сопровождении ненцев на двух собачьих упряжках направился в глубь Новой Земли. Он надеялся установить, насколько проходимы горы в глубине острова, и выяснить, действительно ли на восточной его стороне в большом изобилии, чем на западной, водится морской зверь. Сначала шли на юг берегами соединяющихся друг с другом озер, а затем по долине горной речки Малой Кармакулки. В первый день путешественники удалились на 15 верст от становища. Хотя было всего — 15° С, Тягин в первую ночь похода

промерз до костей, пока не спрятал голову внутрь нежной малицы и не согрелся собственным дыханием.

На 20-й версте Малой Кармакулки путешественники оставили часть своих запасов. Всех собак запрягли в одни нарты и затем долго взбирались на высокую гору, рассчитывая, что за нею откроется более удобный, более короткий путь к Карскому морю. Поднявшись на вершину хребта, Тягин увидел перед собой плато, покрытое льдом и снегом. Собаки понеслись вскачь, но вскоре очутились у обрыва, пересекавшего плато с севера на юг. Тягин резко повернул упряжку и свалился с нарт, разбив очки. В снег полетели ящики с продовольствием и инструментами. Остановился хронометр. Теперь путешественники не могли точно определить свое местонахождение.

«Спуститься в долину не было никакой возможности,— писал Тягин,— а потому мы направились вдоль обрыва к северному склону горы: сани скатывались с косогора и становились поперек пути. Придерживая их с помощью собаки, впряженной сбоку, мы действительно нашли возможность, хотя и с большим трудом, спуститься в долину. Пройдя ее, совершенно изможденные, расположились на отдых у подошвы противоположного хребта гор. Было два часа ночи. Температура понизилась до 21,5° мороза. Собаки от усталости плохо ели, а от холода, покрытые инеем, жались друг к другу и дрожали»²⁰. На следующий день уже не рисковали пробираться через горы, а обходили их по долинам речек.

17 апреля Тягин поднялся на вершину водораздела между Баренцевым и Карским морями. Здесь он оставил часть запасов и направился в долину, где остановился на ночлег. Вечером в низменных местах появился густой туман. Он стал рассеиваться днем, поднимаясь вверх «не всей массой, а частями в виде столбов, быстро удлинявшихся»²¹.

Еще три дня Тягин пробирался на восток, пока встречный ветер и метель не вынудили его остановиться на отдых в долине безымянной речки. Здесь путешественники обнаружили небольшой грот в обрыве ледника и, расширив его, устроили ночлег в ледяной пещере.

²⁰ *Гриневецкий Л. Ф.* Поперек Новой Земли.— Изв. Рус. геогр. о-ва, 1883, вып. 4, с. 268.

²¹ Там же, с. 269.

«Здесь,— писал Тягин,— впервые за все время нашего пятидневного путешествия мне удалось хорошо поспать. Проснувшись поздно, я нашел еще одно удобство пещеры: свет давно взошедшего солнца проникал через двухаршинную толщу потолка и даже через стены, придавая им бледно-голубой цвет. Возможно было не только отличать предметы внутри, но даже писать и шить. Пока я спал, ненцы успели осмотреть окрестности и, не заметив признаков близкого присутствия оленей, за счет которых мы могли бы пополнить запасы нашей провизии и кормы для собак, не советовали мне идти дальше»²².

Действительно, продовольствие путешественников было на исходе. Собак уже кормили хлебом, смоченным в мясном бульоне. Многие из животных получили ушибы и ранения. Две лучшие собаки так выбились из сил, что их решили не запрягать, «почти у всех стерлась до мяса кожа на кистях лап».

Тягин уговорил ненцев еще один день продолжить путь на восток. Вечером они поднялись на вершину горного кряжа. Впереди расстился ледник, припорошенный снегом. А дальше виднелась полоса тумана. Ненцы считали, что туман поднимается над открытой водой Карского моря. Однако Тягин не соглашался с их доводами. По его расчетам и наблюдениям до восточного берега Новой Земли оставалось 35 верст.

Решено было повернуть обратно. Путь к Малым Кармакулам был не менее труден. Особенно тяжело досталось и людям и собакам при спуске с горы «Несчастья», где в начале пути Тягин разбил очки и хронометр. Особенно трудно было удерживать сани. Не помогали ни тормоза, ни заостренные колья. Нарты порой так стремительно неслись на спуске, что путешественники решили выпрячь собак. Ненцы тоже не могли удержаться на ногах в своих скользких пимах и непрерывно падали. Лишь один Тягин, у которого каблуки сапог были снабжены шипами, смог спустить сани в долину.

Когда позади осталась последняя гора и открылись берега Малой Кармакулки, путешественники почувствовали себя как дома. Добравшись до продовольственного

---

²² Там же, с. 270.

склада, они накормили собак, насытились сами и вскоре благополучно возвратились в становище.

Несмотря на неудачу, Тягин считал возможным в весеннее время пересечь Новую Землю с запада на восток. Для этого путешественники должны располагать сильными собачьими упряжками и иметь достаточный запас корма для животных. Остров, по его мнению, следовало пересекать не через горы, а по долинам рек.

Во время похода в глубь Новой Земли Тягин сделал ряд интересных наблюдений. Производя все время метеорологические наблюдения, он пришел к выводу, что по мере удаления на восток температура воздуха значительно понижается. Как и в Малых Кармакулах, в глубине острова преобладают ветры восточных направлений и достигают нередко силы урагана. Тягин доставил науке первые сведения о рельефе внутренних частей Новой Земли, прилежащих к заливу Моллера.

«Хотя,— писал он,— горы, озера и долины были покрыты сплошною пеленою снега, тем не менее можно было отличить, что видимый на западном побережье наклон пластов острова имеет такой же характер и внутри. Горы расположены преимущественно по меридиану. Их восточные склоны более отлоги, чем западные отвесные обвалы. Остров представляется как бы наклонившимся к востоку»²³. Во внутренних частях острова встречаются те же самые горные породы, что и на западном берегу.

Еще более важным вкладом в познание Новой Земли явилось устройство Тягиным метеорологической станции в Малых Кармакулах. Главная физическая обсерватория снабдила его термометрами, анероидом, флюгером и дождемером. В течение 11 месяцев, с 13 октября 1878 г. по 13 августа 1879 г., Тягин три раза в день — в 7, 13 и 21 час — производил метеорологические измерения. Они были полностью опубликованы в «Летописях Главной физической обсерватории за 1879 год» и стали достоянием как русской, так и мировой геофизики. Особенно часто к ним обращались ученые, занимавшиеся изучением климата полярных стран.

Важной страницей в изучении Арктики, и в частности Новой Земли, явились одновременные наблюдения

---

²³ Там же, с. 272—273.

по программе Первого международного полярного года, в проведении которого участвовали метеорологи Австрии, Англии, Германии, Голландии, Дании, Канады, Норвегии, России, США, Швеции, Финляндии, Франции. Россия взяла на себя обязательство создать в Арктике две полярные станции: одну — на берегу Северного Ледовитого океана, в устье Лены, а другую — на Новой Земле, в Малых Кармакулах. Новоземельскую экспедицию возглавлял гидрограф лейтенант К. П. Андреев. В ее состав входили мичман Д. А. Володковский, заведующий кронштадтской морской астрономической обсерваторией В. Е. Фус, врач Л. Ф. Гриневецкий, наблюдатель студент Петербургского университета Н. В. Кривошея, матросы Н. Демидов, А. Ларионов, Ф. Тисков, Я. Трофимов и вольнонаемный рабочий В. Тарасов.

Путешественники на пароходе «Чижов» 4 августа 1882 г. прибыли к берегам Новой Земли. До начала систематических наблюдений оставалось меньше четырех недель. За это время путешественникам предстояло построить магнитный павильон для исследования всех элементов земного магнетизма и соорудить метеорологическую обсерваторию, оснатив ее самой совершенной аппаратурой, в том числе и самопишущими приборами.

Начальник экспедиции К. П. Андреев, пока строилась полярная станция, разрешил врачу Л. Ф. Гриневецкому и студенту Н. В. Кривошее отправиться в глубь Новой Земли, чтобы в районе залива Литке выйти к Карскому морю. Они шли пешком в сопровождении ненца. Сначала все шло великолепно. Светило солнце, было тепло и тихо. Через шесть часов пути по каменным россыпям поднялись на вершину первого хребта, окаймляющего Мало-Кармакульскую бухту. Здесь путешественники сделали привал, надеясь после часового отдыха приступить к штурму следующего кряжа. Но чудесная погода стала вдруг заметно портиться. С северо-запада потянул ветер, который быстро усиливался. Вскоре пошел снег. Пришлось искать более надежный приют, если приютом можно назвать «местечко, защищенное от ветра». О своих первых впечатлениях во время этого похода Л. Ф. Гриневецкий писал впоследствии: «Забившись плотно за камни и укутавшись в теплое платье, мы сидели, погружаясь в немое созерцание поистине величавых, угрюмо-диких красот окрестной природы. Пурга время от

времени прерывалась, и тогда взору нашему открывались такие картины, которые неизгладимо и навеки запечатлелись в душе каждого из нас. Торжественно безмолвно в своем мрачном величии высились вдаль, как уголь, черные вершины гор. Меж них и по долине, словно дым, клубясь и волнуясь, неслись грозные тучи. Кое-где на северных и западных склонах гор белели обширные снежные поляны. Желтовато-бледный свет луны, прорываясь сквозь тучи, бросал на горы и долины какие-то особые тени и придавал мрачному колориту ландшафта еще большую дикость и невыразимую угрюмость. Ни одного следа жизни, ни единого живого звука не было слышно, только свист снега в ущельях да зловеющий шум полетевших на нас одна за другою снежных туч дополняли этот ужас картины и болезненно отзывались в душе»²⁴.

Лишь под утро путешественники забылись в коротком сне. Постелью им служили куски камня, а кровом — небо, которое было угрюмо и мрачно. На следующий день вслед за метелью наплыл туман. Студент Кривошея решил вернуться в Малые Кармакулы. Гриневецкий еще трое суток бродил по горам и в конце концов пришел к выводу, что в летнее время невозможно пересечь Новую Землю, по крайней мере в том направлении, по которому он шел.

Гриневецкий возвратился в Малые Кармакулы, когда метеорологи и магнитологи заканчивали последние приготовления к началу работ по программе Первого международного полярного года. 1 сентября 1882 г. приступили к правильным метеорологическим наблюдениям. Они включали ежечасные измерения температуры, давления и влажности воздуха, наблюдения над силой и направлением ветра, формой и направлением движения облаков. Каждый час велись наблюдения над всеми элементами земного магнетизма. При этом было отмечено необычайно большое число магнитных бурь.

На долю обитателей русской полярной станции на Новой Земле выпали тяжелые испытания. Трудности долгой полярной ночи были усилены частыми выюгами. Порой ветер достигал такой ураганной силы, что наблюдатели, держась за леер, ползком могли добираться до своих приборов. Не лучшим образом обстояло дело и с продо-

---

²⁴ Гриневецкий Л. Ф. Поперек Новой Земли, с. 274.

вольствием. В феврале у зимовщиков кончилось свежее мясо. Надежды пополнить его запасы охотой не оправдались. Пришлось питаться консервами.

21 апреля 1883 г. на полярную станцию неожиданно приехал гость. То был ненец Ханец Вылка. Он вместе с товарищем жил вблизи устья реки Саввиной на восточном берегу Новой Земли. К концу зимы у ненцев иссякли запасы пороха. Надо было кому-то добираться до Малых Кармакул. Жребий выпал Ханецу Вылке. Он за неделю пересек пешком остров и разыскал зимовщиков. Его появление больше всех обрадовало Гриневецкого. Судьба преподнесла ему приятный сюрприз. Итак, на восточном берегу имеется человеческое жилье. Более того, рядом находится человек, который только что прошел с востока на запад через Новую Землю и который может стать его проводником. Гриневецкий решил немедленно вернуться к исполнению прошлогоднего замысла, от которого он никогда не отказывался. Всего два дня ему потребовалось на сборы. Вечером 24 апреля Гриневецкий в сопровождении Прокопия Вылки и Ханеца Вылки покинул Малые Кармакулы. Все запасы, снаряжение и имущество было размещено на четырех нартах, запряженных 22 собаками. Он держал курс на Гусиный Нос. У зимовавшего здесь ненца Ивана Логгея он приобрел небольшой запас собачьего корма и направился на юго-восток. 27 апреля путешественники достигли гор в глубине острова. Здесь остановились на ночлег, за неимением палатки соорудив шалаш из трех нарт, накрытых брезентом. Едва начали готовить обед, как собаки подняли лай.

«Солнце заходило, и последние лучи его, падая на белые вершины невысоких гор, освещали их чрезвычайно мягким красновато-фиолетовым светом,— писал Гриневецкий.— Кое-где на буграх срывались снежные вихри. На вершине горы, шагах в 600 от нашего привала стояла стройная фигура оленя: высоко подняв красивую голову, он пристально глядел в нашу сторону. Судя по небольшим рогам, это была самка. Невдалеке от нее, точно гоняясь за вихрями, прыгали и резвились два других оленя — вероятно, взрослые детеныши. Лишь только сорвется вихрь, как они тотчас же бросались за ним вслед, исчезали где-то в пропасти и через мгновение опять появлялись на другом бугре. Отсюда снова спускались уже навстречу ветру, подбегали к матери, на момент останав-

ливались и снова исчезали. Было что-то невыразимо прекрасное, глубоко поэтическое в этом ликовании, в этой дивной игре с вихрем»²⁵.

Три дня пробирались путешественники по речным долинам и озерам, изредка пересекая горы. Собаки выбились из сил и нередко падали от усталости. Лапы их были изрезаны. Лишь 30 апреля удалось добыть корм и накормить досыта неимоверно голодных животных (собаки не ели ничего около 50 часов). В добавление к неизбежным путевым неприятностям вскоре выяснилось, что проводник Ханец Вылка заблудился. К тому же кончились дрова, и путешественникам пришлось есть сырое оленьё мясо. У всех распухли лица, особенно губы, из-за того что утоляли жажду снегом.

Гриневецкий был почти в отчаянии. Остановившись на ночлег, он решил утром отобрать самых сильных собак и на одной нарте добираться до Карского моря. Однако ему не пришлось прибегать к крайним мерам. Утром 2 мая в их лагерь пришел ненец Алексей Летков, товарищ Ханца Вылки по зимовке на реке Саввиной. Итак, путешественники находились поблизости от берега Карского моря. Вскоре они увидели открытую воду с редкими ледяными полями. Два дня Гриневецкий провел в чуме гостеприимных ненцев. Они щедро снабдили его оленьим мясом, которое было погружено на трое нарт. 4 мая Гриневецкий и Прокопий Вылка вышли на запад. Через пять дней они достигли Малых Кармакул, на которые в тот же вечер обрушился ураган.

Используя свои собственные наблюдения и наблюдения Пахтусова, Цивольки, Моисеева, Норденшельда, Тягина и других полярных исследователей, Гриневецкий пришел к выводу о том, что «внутренняя часть южного острова Новой Земли представляет сравнительно обширную равнину, окруженную с юга, запада, севера и северо-востока горами, а с юго-востока открытую к Карскому морю»²⁶.

Гриневецкий доставил на станцию запас свежей оленины, что очень поддержало наблюдателей в самый ответственный период зимовки. Заболеваний цингой удалось избежать. Экспедиция полностью выполнила программу

---

²⁵ Гриневецкий Л. Ф. Поперек Новой Земли, с. 279.

²⁶ Там же, с. 290.

научных наблюдений, которые она вела по 31 августа 1883 г. Цикл геофизических наблюдений был обработан и опубликован в двух томах. Труды русской полярной станции на Новой Земле были разосланы всем геофизическим институтам и обсерваториям земного шара и стали достоянием мировой науки. В России они явились предметом тщательного изучения таких выдающихся геофизиков, как академики М. А. Рыкачев, Г. И. Вильд и Б. Б. Голицын.

Начиная с 1880 г. берега Новой Земли каждое лето дважды посещал пароход. Это создавало благоприятные условия для проведения сезонных исследований на Новой Земле, которую все чаще стали посещать не только отдельные ученые, но и небольшие экспедиции.

1 мая 1895 г. министерство земледелия и государственных имуществ получило разрешение на отправку предстоящим летом полярной экспедиции. Ее целью являлось изучение Новой Земли в геологическом отношении. Экспедицию возглавил Феодосий Николаевич Чернышев, чье имя занимает почетное место в истории мировой науки. Он родился 24 сентября 1856 г. в Киеве.

Его необычайная одаренность проявилась уже в первом классе 1-й Киевской гимназии. Но гимназию он не закончил. Увлеченный рассказами одного из друзей отца о романтических океанских путешествиях, Ф. Н. Чернышев поступил в Морское училище. Он плавал на парусном «Варяге», видел моря и страны. Ему уже прочили будущее блестящего морского офицера. Однако юный гардемарин оставляет флот и становится студентом Горного института. Его родители бедны — на их поддержку рассчитывать не приходится. На жизнь он зарабатывает частными уроками. Он никогда не забудет эти годы лишений и, став затем видным геологом, будет всегда заботиться о бедствующих студентах.

Успешно закончив Горный институт, Феодосий Николаевич Чернышев поступает на должность геолога Геологического комитета. Молодой ученый обращает свои взоры на Урал. Ему выделяют весьма скромную сумму. Денег едва достает, чтобы купить лошадь, нанять работника и приобрести не весьма обременительный запас провизии, в которой, по словам одного из его спутников,

«слишком большую роль играл лавровый лист». Стесненный в средствах, он не может даже взять с собой палатку. Подушкой ему служит бухарское седло, а постелью и одеялом — кошма. Он многими неделями ночует под открытым небом, мокнет под дождем и, встретив лесную сторожку, радуется ей больше, чем самому дорогому номеру в знаменитой петербургской гостинице «Астория».

Однажды его лошадь спотыкается и падает вместе с седоком, придавливая своей тяжестью ногу путешественника. Он получает тяжелое повреждение связок и сухожилий ступни. Ему, неутомимому ходоку по неведомым горам и тропам, с этого времени приходится носить специальную обувь. Но тяжелая травма не останавливает геолога. Ф. Н. Чернышев неутомим. Первые работы ученого, посвященные геологическому строению Урала, отмечены не только печатью беспредельного трудолюбия, но и недюжинностью таланта.

Продолжением уральских изысканий явилась двухлетняя Тиманская экспедиция (1889—1890), в итоге которой были развиты прежние представления о нефтеносности этого края, нашедшие блестящее продолжение в работах советских геологов. Это путешествие было исполнено лишений и мужества. Много дней Феодосию Николаевичу и его спутникам пришлось питаться одной картошкой. А затем иссякли запасы картофеля, и путники десять дней довольствовались одними ягодами.

Ученый пересек Печорский край. Он обследовал нефтяные месторождения Ухты, выявил полиметаллические руды на Пижме и изучил стратиграфию берегов Ледовитого океана. Возвратившись из двухлетнего путешествия по Печорскому краю, Ф. Н. Чернышев заявил в Геологическом комитете о необходимости более широкого развития научных исследований на Русском Севере, и прежде всего на Новой Земле, которая оставалась до сих пор наименее исследованной частью Арктики. По его мнению, этот обширный остров, протянувшийся на сотни верст, столь мало изучен в геологическом отношении, что ни одна из попыток ученых дать общую картину его геологического строения и выявить наиболее существенные черты рельефа Новой Земли пока не увенчалась успехом, хотя отдельные естествоиспытатели, начиная с Бэра и кончая А. Э. Норденшельдом, время от времени собирали геологические коллекции в отдельных местах

западного берега Новой Земли, от Маточкина Шара до Карских Ворот.

Необходимо было восполнить огромные пробелы в познании Новой Земли, провести широкие исследования на северном и южном островах и дать первую общую картину их геологического строения. Эту задачу выпало осуществить Ф. Н. Чернышеву спустя пять лет. Кроме начальника в состав экспедиции входили астроном А. А. Кондратьев из Петербургского университета, консерватор Ф. А. Морозович из Варшавского университета, помор Василий Иглин из Мезени, старый товарищ Ф. Н. Чернышева по тиманскому путешествию Николай Петров, кольский лопарь Филипп Архинов и промышленник Петров из Поморья.

5 июля 1895 г. Чернышев прибыл в Архангельск и здесь составил план предстоящих исследований. Он намерялся посетить Маточкин Шар, Крестовую губу, затем перебраться на судне в Малые Кармакулы и отсюда предпринять переход через южный остров.

10 июля экспедиция на пароходе «Владимир» вышла к Новой Земле. Спустя пять дней путешественники уже знакомились с Малыми Кармакулами, где оставили часть своих запасов и инструментов. 18 июля Чернышев высадился на берег Поморской бухты в Маточкином Шаре. На следующий день прибыл клипер «Джигит», на борту которого экспедиции и предстояло совершить плавание в Крестовую губу. «К несчастью,— писал Ф. Н. Чернышев,— 20 июля произошла катастрофа, изменившая все наши предположения. После полудня восточный ветер, дувший довольно сильно, окреп до степени шторма. Клипер, отдавший два якоря, был сорван и выброшен в буруны у западного берега Поморской бухты»²⁷.

Шторм неистовствовал. Ветер срывал с гор мелкие камни и бомбардировал ими палатку путешественников. Они могли передвигаться только ползком. Буря утихла лишь через два дня. Сразу же выяснилось, что клипер «Джигит» получил серьезные повреждения и не сможет доставить экспедицию в губу Крестовую. Тогда Ф. Н. Чернышев отправился на карбасе в плавание по Маточкину Шару. Он обследовал горы Вильчека, Большую и Малую Серебрянку, Чиракинские и Снежные

²⁷ Чернышев Ф. Н. Новоземельская экспедиция 1895 года.— Вестн. Рус. геогр. о-ва, 1896, вып. 1, с. 18—19.

горы и долины рек Желтой и Чиракиной. Однако проникнуть к Карскому морю путешественникам не удалось.

Обследуя западную часть Маточкина Шара, Чернышев обратил внимание на преобладание здесь поперечных долин. «С любого высокого пункта,— писал он,— тут рельефно рисуются отдельные кряжи, расчлененные один от другого глубокими долинами, вытянутыми в широтном направлении. На первый взгляд ряд остроконечных вершин кажется расположенным в хаотическом беспорядке, без прямой связи одна с другой. Но внимательное изучение их тотчас обнаруживает, что мы имеем тут дело с целым рядом складок одной и той же свиты девонских пород, расчлененных в поперечном направлении долинами размыва. Примером таких долин размыва может служить долина Песчанки, отделяющая Снежные горы от Южной Маточкиной горы, долин Чиракиной, Желтой, Безымянной реки и т. д. Любопытно, что и Маточкин Шар нельзя трактовать иначе, как долину размыва, так как можно доказать вполне симметричное расположение по обе его стороны одних и тех же слоев, прямая связь которых подтверждается строением островов в самом Маточкином Шаре»²³.

Одновременно Ф. Н. Чернышев указал на существование других поперечных долин, по которым, не преодолевая высоких горных перевалов, можно гораздо легче пройти на карскую сторону. По его словам, одна из таких долин вела из речки Безымянной в залив Шуберта, а другая — из реки Чиракиной в залив Брандта.

6 августа на клипере «Джигит» экспедиция возвратилась в Малые Кармакулы. Состав экспедиции пополнился ненцами Прокопием и Константином Вылка, которые прибыли из Маточкина Шара вместе со своими собачьими упряжками. Они великолепно знали южный остров и согласились быть проводниками.

Два дня Чернышев занимался подготовкой к предстоящему переходу. Утром 8 августа тронулись в путь 7 нарт, которые тащили 80 собак. Дорога шла через каменные россыпи долины Малой Кармакулки. Люди и собаки за первые три дня выбились из сил. Лишь когда вышли на центральное новоземельское плато, где изредка встречались фирновые поля и живописные леднико-

---

²³ Там же.

вые потоки, продвигаться вперед стало значительно легче. 11 августа экспедиция достигла водораздела и миновала истоки реки Кротова. Решено было спускаться к Карскому побережью по долине реки Ершова. Тихим безоблачным вечером 14 августа находились на берегу небольшой бухты к северу от залива Абросимова.

«Насколько хватал глаз с возвышенных берегов,— отмечал Ф. Н. Чернышев,— все Карское море было покрыто сплошным льдом, возвышавшимся метра на два над водой. Лишь мелкие бухты были открыты, но и в них заходили постоянно огромные ледяные поля»²⁹.

Утром следующего дня погода испортилась. В горах засвистел ветер, грозя сбросить в ущелье палатку путешественников; вскоре начался первый снегопад. Когда вьюга улеглась, Ф. Н. Чернышев, к немалому своему огорчению, увидел, что на вершинах гор, возвышенностях и в долинах — всюду лежал толстый слой снега. Оставалось только одно — заняться съемкой берегов залива Абросимова, впервые нанесенного на карту П. К. Пахтусовым. Путешественники целый день бродили по скалистым берегам и в 30-метровых обрывах собирали образцы горных пород. Они добыли новые свидетельства о поднятии всего острова и, в частности, обследовали недавно образовавшиеся реликтовые озера. На восточном берегу были ярко выражены морские террасы. Чернышев наблюдал это явление и на западных берегах острова, и в его внутренних частях. Проведенные нивелировки указывали на то, что в послетретичное время берега Новой Земли поднялись из океана не менее чем на 160 м. «На такой высоте,— отмечал Ф. Н. Чернышев,— по крайней мере мы находили в пепельно-серой песчаной глине террас многочисленные раковины моллюсков, живущих в настоящее время в Ледовитом океане»³⁰.

К полудню 17 августа над морем и берегами Новой Земли повис туман. Пришлось прекратить съемочные работы. Ф. Н. Чернышев проверил запасы продовольствия, их могло хватить лишь на обратный переход через южный остров. Он решил возвращаться к базе экспедиции. Трое суток путешественники пересекали каменные россыпи, ледники, фирновые поля. В четырех пунктах про-

---

²⁹ Там же, с. 19.

³⁰ Там же, с. 20.

извели астрономические определения, к которым привязали свою маршрутную съемку. Экспедиция Ф. Н. Чернышева, таким образом, впервые связала «непрерывными топографическими работами оба берега Новой Земли в средней части»³¹. Фотограмметрические исследования, как и астрономические определения, выполненные А. А. Кондратьевым, значительно расширили представления об орографии южного острова Новой Земли.

20 августа Ф. Н. Чернышев возвратился в Малые Кармакулы. Он не стал ожидать прибытия парохода. Во время похода к Карскому морю ученый убедился, что для пополнения представлений о геологии внутренних частей Новой Земли необходимо предпринять поход к северу от Малых Кармакул. Ф. Н. Чернышев отправился на шлюпке в губу Корелку, где вместе со своими спутниками вытащил суденышко на берег и двинулся на собачьих упряжках в залив Пуховый. После того как было оборудовано временное пристанище, Чернышев обследовал долину реки Пуховой вплоть до истоков, берущих начало из небольшого озера. Отсюда путешественники направились на север и вскоре вышли к Безымянной губе и, таким образом, связали съемкой маршрутные наблюдения к югу и северу от Малых Кармакул. Во время этого перехода они открыли две речки, которые называли именами верных проводников — Константина и Прокопия Вылка. Затем экспедиция предприняла отважный переход на шлюпке через залив Моллера, чтобы осмотреть геологические породы в обнажениях Северного Гусиного Носа. Закончив работы, путешественники отправились в Малые Кармакулы. По словам Чернышева, «в море ходили большие валы, но при попутном ветре вельбот легко справлялся с волнением». Едва экспедиция прибыла к становищу, как начался шторм и пошел дождь. К счастью, все участники плавания были уже на берегу. Они дождались рейсового парохода, на борт которого поднялись 11 сентября 1895 г. Через три дня Ф. Н. Чернышев снова увидел гостеприимный Архангельск. Он доставил науке самую совершенную геологическую карту Новой Земли. Но что еще более существенно, Ф. Н. Чернышев дал в своих трудах четкое представление об орографии Новой Земли и показал связь ее гео-

---

³¹ Там же, с. 14.

логического строения с другими областями Русского Севера, и в частности с хребтом Пай-Хой и Уралом. Он первым наметил основные вехи геологической истории острова.

«Целый ряд фактов,— писал Ф. Н. Чернышев,— указывает нам на бывшее обширное оледенение Новой Земли, как в области северной, где теперь существуют ледники, так и к югу от Безымянной губы, где глетчеров в настоящее время не наблюдается. На всех возвышенностях, где теперь слабо развиты ледники, находятся обширные морены на абсолютных высотах, далеко превышающих современную высоту фирновых полей. Такого рода явление прекрасно наблюдается с фирнового поля Чиракинского глетчера, где древние морены поднимаются футов на 300 над теперешним фирновым полем. Равным образом мы видим мощные конечные и боковые морены и на тех высотах, где теперь ледники совершенно отсутствуют, как в гористой части у Маточкина Шара, так и на плато между Кармакулами и Карским морем»³².

По мнению Ф. Н. Чернышева, эпоха общего оледенения Новой Земли соответствовала эпохе мощного оледенения на Севере России, включая Сибирь. Ученый считал, что в настоящее время происходит поднятие берегов Новой Земли, которая некогда в значительной части была захвачена морем и представляла собой группы отдельных островов «наподобие архипелага». Опускание острова в глубь океана привело к исчезновению ледников в ее южных частях и к значительному уменьшению их площади на севере. Последовавшее затем поднятие Новой Земли вызвало накопление льда на ее горных хребтах; «в более северных частях,— писал Ф. Н. Чернышев,— это выразилось увеличением массы ледников, далеко, однако, не достигших степени их развития до эпохи бореальной трансгрессии. В южных районах мы видим образование обширных фирновых полей, занимающих значительные площади, нередко в несколько десятков верст длины... Структура этого льда ничем не отличима от глетчеров и могла быть во всей подробности изучена нами на переходе к Карскому морю, в берегах рек, обрамленных отвесными ледяными стенами»³³.

³² Там же, с. 19—20.

³³ Там же, с. 21.

Особо тщательно Ф. Н. Чернышев изучил новоземельские реки и речки, обратив внимание на необычайное развитие их дельтовых участков. Одновременно, как отмечалось, были сделаны интересные наблюдения над образованием реликтовых озер и над понижением уровня океана. При этом ученый напоминал о том, что во времена Баренца, триста лет назад, полуостров Адмиралтейства был островом. Островом он еще был и во времена Литке. Ф. Н. Чернышев подробно рассмотрел роль ветра в разрушении и сносе горных пород с кряжей и хребтов Новой Земли. Он высказал гипотезу о характере распространения ледникового покрова как на южном, так и, в особенности, на северном острове. По его мнению, дальнейшее поднятие Новой Земли из океана повлечет за собой развитие ледников и приведет к тому, что и южный остров станет такой же ледяной пустыней, как и северный.

В начале XX столетия многие из затронутых Ф. Н. Чернышевым проблем нашли дальнейшее развитие в трудах Владимира Александровича Русанова, исследования которого составляют особенно замечательную страницу в изучении Новой Земли. Но прежде чем перейти к ним, необходимо остановиться на деятельности академической экспедиции, отправившейся вслед за Ф. Н. Чернышевым, по его горячим следам, на берега Новой Земли.

В конце 1895 г. Петербургской академией наук была начата подготовка экспедиции на Новую Землю. Ученым предстояло выполнить цикл физико-метеорологических наблюдений во время полного солнечного затмения, которое должно было произойти 9 августа 1896 г. Местом базирования экспедиции академия избрала ненецкое становище Малые Кармакулы. Здесь также располагалась станция Общества спасения на водах, где имелись запасы провизии и некоторое число шлюпок.

Руководителем экспедиции Академия наук назначила талантливого физика адъюнкта Б. Б. Голицына. В ее состав входили академик О. А. Баклунд, адъюнкт-астроном Пулковской обсерватории С. К. Костинский, лаборант физического кабинета Академии наук И. Т. Гольдберг, младший зоолог Г. Г. Якобсон, стипендиат Новороссийского университета А. П. Ганский. Подготовку экспедиции консультировал Ф. Н. Чернышев. По его предложе-

нию к участию в экспедиции были приглашены поморы Николай Петров из деревни Долгая Гора и Василий Иглин из города Мезени. Они сопровождали Ф. Н. Чернышева в его путешествии на Новую Землю и отлично знали природу и условия жизни на южном острове. Кроме того, Ф. Н. Чернышев посоветовал в качестве проводников привлечь ненцев, живущих в Малых Кармакулах.

«Те средства, которыми располагала академическая экспедиция,— писал Б. Б. Голицын,— были чрезвычайно скудны. Академия наук могла отпустить всего только 1350 рублей, к которым академик Баклунд нашел возможность присоединить из суммы Пулковской обсерватории еще 500 рублей. Если принять во внимание, что в академической экспедиции участвовало 6 человек и что Ф. Н. Чернышев во время своей экспедиции, в которой участвовало лишь трое лиц, располагал кредитом в 3000 рублей, то нельзя не согласиться, что академическая экспедиция была обставлена чрезвычайно бедно»³⁴.

На помощь Академии наук прежде всего пришло морское ведомство, которое предоставило в распоряжение экспедиции транспорт «Самоед». Министерство народного просвещения «из своих остатков» выделило 2000 рублей на приобретение особо точных приборов для метеорологических и магнитных измерений. Важную помощь экспедиции оказал известный меценат С. И. Мамонтов, взяв на себя расходы по проезду путешественников и доставке 140 пудов грузов из Петербурга в Архангельск как по железной дороге, так и по речным путям.

Руководитель экспедиции Б. Б. Голицын и лаборант физического кабинета И. Т. Гольдберг изучали в Павловской обсерватории надежность и принципы действия высокочувствительных магнитных и метеорологических приборов. Была проверена аппаратура для астрономических наблюдений и фотограмметрической съемки местности.

Наряду с астрономическими исследованиями было решено выполнить широкие зоологические и магнитные работы и предпринять поход в глубь совершенно неизученных районов Новой Земли. Особое внимание уделялось

---

³⁴ Голицын Б. Б. Общий обзор деятельности экспедиции Академии наук на Новой Земле летом 1896 г. СПб., 1898, с. 4—5. (Далее: Голицын Б. Б. На Новой Земле...).

метеорологическим наблюдениям, к которым кроме членов экспедиции предполагалось привлечь офицеров транспорта «Самоед».

«Влияние солнечного затмения на ход различных метеорологических элементов,— отмечал Голицын,— представляется вопросом далеко еще не выясненным, а потому, принимая участие в академической экспедиции на Новую Землю для наблюдения этого редкого и величественного явления, я поставил себе главной задачей произвести по возможности самые полные и обстоятельные наблюдения над метеорологическими элементами, включая сюда разные актинометрические, фотометрические и магнитные наблюдения. Другая моя задача состояла в том, чтобы снять при помощи спектрографа с большой депрессией спектр короны, дабы по смещению линий вывести некоторые заключения о характере движения вещества короны»³⁵.

В начале июля экспедиция покинула столицу и направилась сначала в Москву, а затем в Вологду. Здесь путешественники пересели на пароход «Петербург». 18 июля он доставил ученых в Архангельск. На соломбальском рейде экспедицию ожидал транспорт «Самоед» под командой капитана 2 ранга В. А. Лилье. Морские офицеры радушно встретили путешественников, предоставив в их распоряжение три каюты.

В 7 часов утра 22 июля экспедиция вышла в море и на всем пути занималась метеорологическими, магнитными и гидрологическими наблюдениями. «Подходя к берегам Новой Земли,— писал Б. Б. Голицын,— мы были свидетелями интересного миража. Горы около мыса Бритвина были сильно приподняты и представлялись раздвоенными, причем верхнее изображение было опрокинуто и между обоими изображениями тянулась светлая полоска, которая непрерывно меняла свою ширину. Под влиянием аномальной рефракции берега Новой Земли показались нам очень крутыми, и чем дальше, тем круче. Казалось даже, что берег спускается в море прямо отвесными скалами. Аналогичное явление мы наблюдали и в Белом море, у так называемых Зимних гор.

---

³⁵ *Голицын Б. Б. Физико-метеорологические наблюдения во время полного солнечного затмения 9 августа 1896 года в становище Малые Кармакулы. СПб., 1897, с. 1.*

Вход в Малые Кармакулы — очень живописный. Встречаются высокие скалистые острова, местами сплошь усеянные птицами, которые приветствовали нас уже давно в открытом океане, свидетельствуя тем о близости ожидаемого берега. Преобладающие породы птиц: гагарки и чистики. Последние очень красивы и напоминают собою уток. В то время они очень ожирели и летали с большим трудом.

Берега Новой Земли состоят из голых скал глинистого сланца, с моря не видно никаких признаков растительности, что придает всему ландшафту весьма унылый и мрачный вид. За Малыми Кармакулами, приблизительно в расстоянии трех километров, тянется первая цепь гор, наибольшая высота которой не превышает 187 метров.

На горах и закрытых от солнечных лучей местах лежал еще в изобилии снег. Снег лежал также местами у берегов моря, где он снизу большею частью подтаял. Несмотря на то что было уже 24 июля, вся окружающая местность имела такой же характер, как у нас, в умеренных широтах, раннею весною»³⁶.

Транспорт «Самоед» входил в Мало-Кармакульскую бухту самым малым ходом. Еще в Архангельске командир судна был предупрежден местными властями о том, что карта этих мест недостаточно подробна и следует опасаться подводных банок. Моряки непрестанно измеряли глубину. Вдруг она катастрофически уменьшилась. Лишь благодаря распорядительности командира транспорт успел дать задний ход и избежать столкновения с каменным рифом. Жители Малых Кармакул приветствовали экспедицию выстрелом из пушки. Путешественников разместили с возможными для Новой Земли удобствами.

Вступив на угрюмые скалы залива Моллера, Б. Б. Голицын прежде всего вспомнил о том, что эти места, которые теперь дважды в навигацию посещал пароход, еще 60 лет назад были малодоступны. Он вспомнил, с какими трудностями пришлось столкнуться Литке, Пахтусову, Цивольке, Моисееву во время своих плаваний и каких жертв стоило открытие и картирование Новой Земли. В своем дневнике он упомянул многие имена тружеников науки и моря, трудами и жертвами которых были

---

³⁶ Голицын Б. Б. На Новой Земле..., с. 13—14.

добыты самые ценные и самые важные сведения о Новой Земле, в том числе и прошлогодней экспедицией Ф. Н. Чернышева.

Б. Б. Голицын, будучи физиком, прежде всего интересовался особенностями атмосферных явлений на этом обширнейшем арктическом острове. «При возвращении на транспорт,— писал он,— нам пришлось быть свидетелями тех быстрых изменений в состоянии погоды, которые часто наблюдаются на Новой Земле. Еще при входе на Мало-Кармакульский рейд погода была прекрасная, но скоро с востока начали надвигаться тучи, и вскоре пошел дождь, освещаемый с запада низко стоящим солнцем. Нам здесь представилась замечательная по своей красоте и яркости радуга, особенный блеск которой, вероятно, обуславливался замечательной чистотой и прозрачностью воздуха на Новой Земле. Кроме главной радуги можно было видеть еще две второстепенные радуги.

Некоторые члены экспедиции остались ночевать на транспорте, другие же предпочли переехать на берег и поместиться в удобных и сравнительно с каютами очень просторных комнатах, отведенных нам в причтовом доме. Ночь была настолько тепла, что термометр в 2 часа ночи на палубе транспорта показывал 13° . На следующее утро в 9 часов температура воздуха в тени поднялась до $14,7^{\circ}$ »³⁷.

25 июля путешественники занялись доставкой своих инструментов и приборов на берег. Первым делом они построили и оборудовали метеорологическую станцию. На следующий день были начаты геофизические наблюдения. Между тем астрономы обследовали окрестные горы, подыскивая площадку для установки приборов. Подходящие для этой цели места были найдены в трех верстах от становища. Чувствительные и крупногабаритные приборы невозможно было туда доставить. Голицын и его спутники, астрономы, решили отказаться от мысли оборудовать обсерваторию в горах, тем более что постоянная облачность и частые дожди непрерывно напоминали о том, что вряд ли им удастся наблюдать затмение солнца. Решено было соорудить временную обсерваторию в самом становище.

---

³⁷ Там же, с. 20.

«Для этой цели,— писал Б. Б. Голицын,— мы воспользовались восточной стеной церкви и приделали к ней два дощатых забора, имевших назначение предохранять приборы от ветра, сверху из досок был сделан небольшой навес с таким расчетом, чтобы оставить необходимое свободное пространство для наблюдений»³⁸.

29 июля Голицын со своими спутниками предпринял научную экскурсию в горы, окружавшие Малые Кармакулы. Путешественники производили маршрутную съемку и занимались ботаническими и зоологическими сборами. Прежде всего пришлось преодолеть два небольших болота, в которые низвергалось несколько удивительно красивых водопадов. Потом осмотрели мрачное ущелье, где местами белели сугробы пераставявшего снега. Когда поднялись наконец на самую высокую гору, путешественникам во всей своей красоте предстал залив Моллера со всеми его бухтами, заливами и живописными островками.

«Перевалив через горы,— писал Б. Б. Голицын,— мы нашли на довольно значительной высоте очень красивое пресноводное озеро, не обозначенное на карте и которое носит название Моисеева озера. Идти по берегу этого озера было чрезвычайно трудно, так как самый берег представлял собою не что иное, как груды громадных камней, сваленных в полном беспорядке. Вообще вся поверхность Новой Земли настолько шероховата, плиты глинистого сланца торчат подчас такими острыми краями, что обувь изнашивается необычайно скоро. Вообще эта первая небольшая прогулка наглядно уяснила, с какими вообще трудностями сопряжены всякие летние переходы по Новой Земле»³⁹.

Затем, миновав несколько небольших реликтовых озер, по долине Малой Кармакулки путешественники спустились с вершины горы к морю.

30 июля было начато строительство астрономической обсерватории. Одновременно для наблюдений за приливами и отливами на берегу бухты установили футшток. На следующий день проверили ход хронометров и определили элементы земного магнетизма.

К академической экспедиции вскоре присоединились ученые и студенты Казанского и Петербургского универ-

---

³⁸ Там же, с. 26.

³⁹ Там же, с. 27.

ситетов, прибывшие на пароходе «Ломоносов». Вместе с ними приехал художник А. А. Борисов, который запечатлел на своих полотнах природу Новой Земли. Большинство его произведений хранится сегодня в Русском музее и Музее Арктики и Антарктики.

По-прежнему часто шли дожди. Иногда вдруг проглядывало солнце и столь же внезапно исчезало. Погода менялась довольно резко. Б. Б. Голицын считал, что экспедиции вряд ли удастся наблюдать солнечное затмение, большое внимание уделял геофизическим измерениям.

3 августа монотонная жизнь обитателей Малых Кармакул была нарушена появлением неизвестного судна. То была яхта с английскими учеными, которые намеревались принять участие в наблюдениях за солнечным затмением. Не зная фарватера, капитан посадил яхту на мель посредине Приютского рейда. Путешественники и ненцы вышли к терпящим бедствие на карбасе. Но все их попытки стащить яхту с мели не увенчались успехом. Судно пришлось разгрузить, и тогда оно смогло стянуться на глубину и благополучно добраться до Малых Кармакул, жители которых принимали горячее участие в его спасении.

Несколько дней дождило. 7 августа солнце показалось из-за туч, и путешественники смогли проверить правильность установки астрономических приборов. На следующий день погода стала портиться. «К вечеру,— писал Голицын,— стало очень тихо, причем особенно отчетливо был слышен шум прибоя волн океана о скалистые берега Кармакульского острова. Вероятность увидеть на следующее утро затмение была самая ничтожная, так как погода за все последнее время стояла большею частью дождливая и пасмурная. Тем не менее было решено, какая бы ни была погода, произвести полную серию метеорологических наблюдений. Все главные приготовления были окончены, необходимые распоряжения сделаны, и все с нетерпением стали ожидать наступления завтрашнего дня.

Наконец наступило 9 августа, день затмения, ради которого было предпринято столько различных работ. Ночь была тихая, пасмурная, но около половины четвертого часа утра солнце уже светило, небо было довольно ясное, густые тучи скрылись, и на небе держались только легкие перистые и перисто-кучевые облака. Такое состояние

неба было совершенною неожиданностью, и сразу явилась надежда, что предстоящие наблюдения будут удачными. Эти надежды, действительно, вполне оправдались, так как нам удалось произвести целый ряд самых разнообразных наблюдений над этим редким и величественным явлением природы.

Присмотревшись к характеру погоды на Новой Земле, мы как-то невольно уже помирились с мыслью, что ничего не удастся видеть,— и вдруг такое прекрасное, ясное утро! В этом отношении мы действительно оказались необыкновенно счастливыми, так как обычное состояние облачности, особенно в утренние часы дня, никоим образом не могло предвещать удачного исхода предстоящих наблюдений»⁴⁰.

Между участниками экспедиции обязанности были строго распределены. Академик О. А. Баклунд взял на себя главные наблюдения за ходом затмения и обозрение с помощью кометоискателя окрестностей солнца, когда тень полностью закроет его. Он же должен был давать сигналы наблюдателям Костинскому и Ганскому во время затмения для определения и фиксирования различных его моментов.

Б. Б. Голицыну предстояло заниматься определением напряжения горизонтальной составляющей силы земного магнетизма и актинометрическими наблюдениями, наблюдениями за облачностью и силой ветра и фотографированием различных фаз затмения. Ему должен был помогать лаборант Гольдберг. По словам Б. Б. Голицына, задолго до начала затмения каждый занял свое место и отсчитывал секунды в ожидании того знаменательного момента, когда луна коснется солнечного диска. «Вначале,— писал он,— постепенное надвигание темноты было совершенно нечувствительно, и только в трубу или закопченное стекло можно было убедиться, что часть солнечного диска отрезана диском луны. Только после 7 часов утра стало уже заметно темнеть, и чем ближе к центральной фазе явления, тем быстрее.

Это быстрое, таинственное надвигание темноты производит особо сильное впечатление и кажется чем-то зловещим. Вся окрестность приняла буроватый, мрачный оттенок, как будто солнце светило через густую мглу.

---

⁴⁰ Голицын Б. Б. На Новой Земле..., с. 34.

Горы, которые резко виднелись на горизонте, казались темно-синими, тени на них были совсем черные, облака вместо белых стали коричневыми. Перед самой полной фазой темнота, как было сказано, увеличивалась чрезвычайно быстро, но, казалось, неравномерно, как бы уступами. Но вот исчез последний сегмент солнца, и на небе сразу вспыхнули планеты. Это внезапное появление планет на небе, по-видимому, более всего сначала поразило всех. С исчезновением последнего солнечного луча появилась чудная солнечная корона с ее волнистыми, довольно неопределенными контурами.

Во время полной фазы было сравнительно довольно светло, как от освещения солнечной короной, так и от освещения облаками у горизонта, лежащими вне тени луны.

Горизонт на юге был оранжевого цвета, как после солнечного заката. Окружающие предметы, как-то горы, яхта в заливе и пр., были видны довольно отчетливо, можно было различать и номера у фотографических кассеток. Корона казалась матовой, почти белой или с очень слабым цветным оттенком. Кроме планет были видны и звезды первой величины. Особенно эффектен был тот момент, когда вновь брызнул первый солнечный луч, но тут невольно охватило нас чувство досады, что это великолепное зрелище уже окончилось и что подобную дивную картину не скоро опять удастся увидеть»⁴¹.

Одновременно с экспедицией Голицына в Малых Кармакулах вели наблюдения группы ученых из Казани и Гринвича. В Костином Шаре солнечное затмение наблюдали офицеры и матросы транспорта «Самоед», сделавшие много интересных зарисовок этого явления. Моряки измеряли также температуру и влажность воздуха, отмечали характер облачности, направление и силу ветра. Метеорологические приборы были «предварительно испытаны и исследованы в Главной физической обсерватории»⁴².

Проанализировав материалы наблюдений в Костином Шаре, Б. Б. Голицын пришел к заключению, что давление воздуха во время затмения несколько возросло. То же

⁴¹ Там же, с. 36—37.

⁴² *Голицын Б. Б.* Метеорологические наблюдения офицеров транспорта «Самоед» в Костином Шаре на Новой Земле во время полного солнечного затмения 9 августа 1896 года. СПб., 1897, с. 2.

отмечалось и в Малых Кармакулах. Это, по его мнению, свидетельствовало о существовании небольшого максимума давления «около конца затмения». Было установлено понижение температуры во время затмения от 1,0° до 1,6° С в тени и до 10,0° С на солнце. Ветер, дувший с северо-востока с силой 2—3 балла, не претерпел существенных изменений, за исключением времени полной фазы, когда наступил полный штиль.

Ученые и моряки удивлялись выпавшему на их долю счастливому случаю, когда в течение всего утра до окончания затмения небо не было закрыто плотными облаками. «У всех замечался необыкновенный подъем духа и радостное, веселое настроение,— писал Голицын.— И было в действительности чему радоваться, так как предпринятое длинное и трудное путешествие на Новую Землю не пропало даром и первая, главная задача экспедиции была выполнена, и притом успешно.

Несмотря на то что небо во время затмения не было совершенно безоблачно и солнце светило большею частью сквозь легкие перисто-кучевые облака, большинство предполагавшихся наблюдений вполне удалась. Благодаря слабой облачности влияние затмения на ход различных метеорологических элементов сказалось особо рельефным образом. Костинский и Ганский получили, несмотря на легкие облака, прекрасные и весьма детальные снимки солнечной короны. На основании этих снимков Ганский нарисовал впоследствии солнечную корону со всеми теми подробностями и особенностями, которые она представляла в день затмения на Новой Земле»⁴³.

На следующий день после затмения путешественники уже готовились к походу во внутренние, еще не исследованные районы Новой Земли. В задачу этой заключительной части экспедиции входило изучение местности, расположенной к северо-востоку от Малых Кармакул, в геологическом, метеорологическом, ботаническом и зоологическом отношениях. Предполагалось выполнить измерения трех элементов земного магнетизма, так как до сих пор внутри острова не было сделано ни одного магнитного определения и все собранные данные относились лишь к береговой полосе. Эти наблюдения, по словам Б. Б. Голицына, представляли особый интерес ввиду су-

---

⁴³ Голицын Б. Б. На Новой Земле..., с. 38.

ществования внутри Новой Земли весьма интенсивных сдвигов слоев геологических пород. Было важно проверить, наблюдаются ли в этих местах значительные магнитные аномалии. Намечалось выполнение маршрутной и фотограмметрической съемок и барометрическое определение высот. И наконец, предполагалось пополнить зоологическую и ботаническую коллекции.

В походе в глубь острова кроме членов экспедиции участвовали ненцы Прокопий и Константин Вылка, которые прибыли из Маточкина Шара с шестью собачьими упряжками.

Вечером 11 августа экспедиция покинула Малые Кармакулы. Люди, собаки и олени с трудом тащили через груды камней сани с продовольствием, приборами и снаряжением. Сначала пришлось одолеть гору, затем брести по болоту, заросшему мхами и лишайниками.

В первый день прошли всего пять верст. На следующее утро по долине реки Кондратьева отправились на северо-восток по направлению залива Литке, где некогда более двух недель провел в ледовом плену Пахтусов. Ущелье было узкое, забитое камнями. Камнями была завалена и речка, и когда приходилось переправляться вброд с одного берега на другой, особенно тяжело приходилось не только людям, но и собакам.

«Для подъема на гору,— писал Голицын,— мы пользовались путем старого ледника, истершего и измельчившего камни. Поднявшись на плоскогорье, мы нашли там довольно большое озеро, названное нами озером Кондратьева, ввиду того что река того же имени непосредственно из него вытекает, образуя в своем дальнейшем пути небольшой водопад. Берег озера довольно круто спускается в воду, и тут лежат в беспорядке огромные камни, по которым было необычайно трудно переходить. Собаки постоянно падали, лаяли, тем самым призывая к себе людей на помощь. Усиленный лай собак поднимается также и тогда, когда они увидят, что сани ушли вперед, тогда они из кожи лезут вон, чтобы их догнать, и иногда пускаются за ними вскачь, немало не заботясь о том, что делается с поклажей. Сани часто перекидывались так, что членам экспедиции приходилось самим их поддерживать и помогать собакам. Олени, после перехода по камням, начали прямо падать от усталости»⁴⁴.

⁴⁴ Голицын Б. В. На Новой Земле..., с. 48.

После небольшого отдыха снова тронулись в путь. На этот раз пришлось идти прямо по руслу реки Кондратьева до самых ее истоков, которые вырываются из-под ледника в виде живописного водопада. Здесь путешественники остановились на ночлег. Кровом им служила палатка, внутри которой температура не поднималась выше 4° С. Шел дождь. Окрестности были окутаны туманом. Надежды Голицына, что к утру 13 августа погода изменится, не оправдались. По-прежнему держался туман и временами накрапывал дождь. Первая половина дня была посвящена съемке верховьев реки Кондратьева и разведке дальнейшей дороги. Перевалив через очередную гору, ученые открыли неизвестную реку, которую назвали именем сопровождавшего их ненца Ледкова, уже много лет жившего на берегах Новой Земли. В этот день значительную часть пути проделали по снегу и небольшим ледникам, которые пересекали неглубокие трещины, местами прикрытые снежными мостами.

В этот день ночевали на плоскогорье. Голицын полагал, что оно тянется на много верст на восток, но, пойдя вечером на рекогносцировку, убедился, что впереди их ждут новые горы.

14 августа с утра занимались съемкой окрестностей. Туман исчез, и перед глазами путешественников открылась причудливая панорама гор, на вершинах которых лежал снег. После полудня двинулись дальше на северо-восток. Дул порывистый ветер. Он нес мелкие камешки и иглы льда, больно хлеставшие лица людей.

Вскоре плоскогорье окончилось. Спустились в долину, в центре которой виднелось небольшое озеро. Его назвали озером Вылок «в честь симпатичных и дельных» ненцев из Маточкина Шара. Озеро окружал небольшой ледник. Идти по нему надо было с большой осторожностью: всюду виднелись глубокие трещины, которые могли проглотить и упряжки, и сопровождавших их людей. Затем путешественники обогнули довольно высокую гору и спустились к берегам Малой Кармакулки.

«Идти долиной этой реки было чрезвычайно трудно, — писал Б. Б. Голицын, — так как дорога шла по крайне неровной, каменистой местности. К этому времени и восточный ветер значительно усилился. Пошел дождь, потом крупа, перешедшая затем в настоящую снежную вьюгу. Окружающая местность быстро побелела. Вслед-

ствие сильного ветра снег неся почти горизонтально, затрудняя тем движение каравана вперед. За передней его частью, скрытой в снежной метели, можно было следовать, прислушиваясь только к лаю собак. Впереди не было видно никакого прикрытия, и так как двигаться дальше вперед при таких условиях, когда каждый шаг давался с таким трудом, было совершенно уже невыносимо, то мы и решили, чтобы не утомлять понапрасну людей и животных, перейти через реку и искать хотя бы небольшого прикрытия за маленьким пригорком на правом берегу реки Большой Кармакулки.

Между тем снег и ветер все усиливались. Ставить палатку при этих условиях было очень трудно, и мы все опасались, что ее вырвет из рук или окончательно снесет.

Страхнув с себя кое-как, наскоро, снег, мы все бросились в палатку, чтобы хотя немного укрыться от бушующей метели. Собаки сильно устали и, придя на ночлег, тотчас же разлеглись, их скоро засыпало снегом. Вся окрестность приняла вполне зимний вид, и это было 14 августа! Под шум бушующего ветра все скоро уснули, несмотря на то что место для ночлега было выбрано довольно неудачно и спать было очень жестко, так как большие камни торчали в различных местах под брезентом палатки»⁴⁵.

Выйдя утром из палатки, Б. Б. Голицын увидел, что вокруг нее намело сугробы снега. Ночью был мороз, и заготовленная с вечера вода покрылась толстым слоем льда. Метель утихла. Сначала падал редкий снег, но затем из-за туч появилось солнце. Наконец, удалось определить координаты экспедиции.

В тот же день по долине Малой Кармакулки поднялись до горного перевала, который Б. Б. Голицын принял за водораздел. На его вершине открыли озеро и назвали его Пулковским в честь знаменитой обсерватории. Пулковкой называли и открытую речку, которая текла на восток. По ее берегу продолжали путь в сторону Карского моря. Вскоре она впадала в другую, более обширную реку. Ее Голицын окрестил в честь своего верного спутника — помора Иглина. По долине реки, занятой мощным полем твердого снега, вышли к высокой живописной горе

---

⁴⁵ Голицын Б. Б. На Новой Земле..., с. 52—53.

и называли ее горой Чернышева. Затем была открыта еще одна река, ее наименовали рекой Петрова в честь помора, принимавшего участие в экспедиции.

В тот же день Б. Б. Голицын, осматривая окрестность, убедился, что допустил ошибку, решив, что вчера достиг водораздела между Баренцевым и Карским морями.

Водораздел находился впереди, а до восточной стороны Новой Земли, по словам ненца Прокония Вылки, было еще весьма далеко (в действительности 20 верст). В распоряжении экспедиции оставалось всего шесть-семь дней (22 августа транспорт «Самоед» должен был покинуть Малые Кармакулы и следовать в Архангельск). Этого времени было недостаточно, чтобы дойти до Карского моря и возвратиться на западную сторону Новой Земли. Решено было заняться детальным изучением окрестностей горы Чернышева. С успехом удалось выполнить цикл астрономических определений и измерений магнитного поля с помощью прибора Вильда. Обнаружили несколько интересных, ранее неизвестных представителей животного и растительного мира, в том числе ползучую березу.

«Ныне,— писал Б. Б. Голицын,— не подлежит никакому сомнению, что летние переходы внутри Новой Земли, считавшиеся в прежнее время неосуществимыми, на самом деле возможны, хотя, конечно, они сопряжены с большими трудностями и лишениями. Главное условие успеха заключается в том, чтобы располагать достаточным запасом времени. Наша экспедиция кроме недостатка времени страдала еще тем, что имела дело с обессиленными и измученными оленями, которые почти не были в состоянии ходить и постоянно тормозили движение каравана вперед. Кроме того, путь наш шел вначале на северо-восток, т. е. как раз поперек речных долин, тянувшихся на северо-запад. Этим обстоятельством и объясняется, почему мы после 5-дневных утомительных переходов прошли сравнительно так мало в глубь страны и не достигли даже перевала к Карскому морю»⁴⁶.

После продолжительного отдыха вечером 17 августа экспедиция отправилась в Малые Кармакулы. Она шла новой дорогой, пересекая опасные глетчеры, труднопроходимые горы, болота и речки. Все время держался ту-

---

⁴⁶ Голицын Б. Б. На Новой Земле..., с. 55—56.

ман, а с неба сыпалась снежная крупа. Потом разыгралась снежная метель. Скверная погода продолжалась четыре дня, до самого возвращения в Малые Кармакулы, где путешественников уже ждал транспорт «Самоед». 22 августа экспедиция в полном составе находилась на его борту. На следующий день офицеры и матросы устроили прием в честь жителей Малых Кармакул. Вечером транспорт вышел в океан. «Вскоре в тумане скрылись и самые берега Новой Земли, вероятно, навсегда для многих участников экспедиции»⁴⁷. Спустя пять дней путешественников встречали в Архангельске.

Новоземельская экспедиция 1896 г. увенчалась выдающимися научными достижениями. «Наблюдения над самым полным солнечным затмением, против всякого ожидания,— писал Б. Б. Голицын,— были, как мы видели, очень удачны. Наблюдены все контакты, снято несколько весьма хороших и детальных фотографий короны, произведена полная и обстоятельная серия метеорологических наблюдений, преимущественно при помощи особо чувствительных самопишущих приборов...»⁴⁸

В Малых Кармакулах экспедиция основала метеорологическую станцию, которую Главная физическая обсерватория снабдила первоклассными приборами. Эта станция представляла особый интерес для изучения атмосферных процессов в Арктике, так как являлась самой северной не только в России, но и «на всем земном шаре»⁴⁹.

«Путешествие, предпринятое членами академической экспедиции внутрь Новой Земли,— писал Б. Б. Голицын,— послужило к расширению наших географических сведений о внутренности этого угрюмого острова. Экспедиция, удаляясь в глубь страны, посетила совершенно не исследованные до сих пор места. При этом внутри острова определены два новых астрономических пункта. Во время путешествия велась подробная маршрутная съемка по бусолям и шагомерам. Когда обстоятельства позволяли, производилась и фотограмметрическая съемка наиболее интересных мест»⁵⁰.

---

⁴⁷ Там же, с. 69.

⁴⁸ Там же, с. 76.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же, с. 77.

Б. Б. Голицын создал капитальное исследование «О метеорологических наблюдениях на Новой Земле». В нем он рассмотрел геофизические измерения на этом острове на протяжении четырех столетий. Особое внимание ученый уделил метеорологическим и магнитным наблюдениям, которые производились Пахтусовым, Циволькой, Мойсеевым, Норденшельдом, Тягиным, Андреевым и другими наблюдателями. Анализируя их измерения, Б. Б. Голицын использовал труды К. М. Бэра и Г. И. Вильда, в которых, как отмечалось, рассматривались только данные о температуре. Развивая положения своих предшественников, Б. Б. Голицын одновременно впервые дал анализ таких метеорологических элементов, как давление воздуха, направление, сила и повторяемость ветров, состояние облачности, температура почвы. Б. Б. Голицыну принадлежит честь постановки первых актинометрических наблюдений в Арктике.

Б. Б. Голицын, как и Ф. Н. Чернышев, наметил большие задачи по изучению Новой Земли в естественноисторическом отношении. Решение ряда из них выпало на долю одного из самых замечательных исследователей Арктики — Владимира Александровича Русанова.

СЕРДЦА ПОДВИГ БЛАГОРОДНЫЙ

Эти слова из рылеевского стихотворения могут быть с полным основанием отнесены к представителю первого поколения русских социал-демократов, человеку необычайного таланта и мужества — В. А. Русанову. Его шесть путешествий в Арктику — одна из самых ярких и волнующих страниц в истории познания Севера России, и в особенности Новой Земли. В последнее время имя Русанова стало часто появляться на страницах газет и журналов, стремившихся раскрыть тайну гибели исследователя и его 10 спутников, отправившихся от берегов Новой Земли в плавание по Северному морскому пути. И несмотря на то что было сделано несколько интересных находок на островах Карского моря, свидетельствующих о пребывании там «Геркулеса», тайна не стала более прозрачной. Напротив, как это ни парадоксально, она стала еще более запутанной и противоречивой. За подсчетом найденных

патронов на дальний план ушли великие дела Русанова, которые он совершил в Арктике.

Особое место в летописи познаний Новой Земли занимают пять его путешествий. Пять лет Русанов посвятил изучению Новой Земли, берега которой он обошел в продолжение двух навигаций.

Годы детства и юности Русанова прошли в Орле, где он родился 15 ноября 1875 г. Здесь он учился, сначала в гимназии, а затем в семинарии. По свидетельству современников, он стал душой орловского социал-демократического кружка, поддерживавшего тесную связь с «Московским рабочим союзом», в котором руководящая роль принадлежала Анне Ильиничне, Марии Ильиничне и Дмитрию Ильичу Ульяновым. Известно, что в 1898 г. Русанов обменивался нелегальной литературой с А. И. Ульяновой. Вскоре он был арестован, так как полиции стало известно, что у него хранился изданный в Москве «Коммунистический манифест». В 1901 г. его выслали на два года в Вологодскую губернию под надзор полиции. За ним вопреки воле родителей последовала его совсем юная жена, только что окончившая гимназию, Мария Петровна Булатова¹.

Чтобы заработать на жизнь, Русанов отправляется в далекий Усть-Сысольск и приступает к изучению Зырянского края. Затем на несколько недель возвращается в Вологду, чтобы представить губернскому земскому собранию доклад «Об изыскании нового водного пути между Воляско-Камским и Печорским бассейнами». Лето 1903 г. Русанов проводит в новом путешествии по Печорскому краю. Он привозит проект устройства канала, который должен соединить бассейны Печоры и Волги.

В 1903 г. Русанов получил свободу, а вместе с ней уведомление, что в течение пяти лет ему запрещено проживать в столичных и университетских городах. Пути к продолжению образования в России были отрезаны, и он решает вместе с женой уехать во Францию. В декабре 1903 г. Русановы были зачислены в число студентов Сорбонны. Полуголодная, напряженная, но счастливая студенческая жизнь была омрачена большим горем: после

---

¹ Более подробно о революционной деятельности В. А. Русанова и его вкладе в исследование Арктики см.: *Пассекий В. М.* Отогревшие землю. М.: Сов. Россия, 1971, 216 с.

рождения ребенка умирает Мария Петровна. К Русанову приезжает мать Любовь Дмитриевна, беззаветно любившая своего единственного сына.

В 1907 г. Русанов приехал на лето в Россию и, добравшись на пароходе до Новой Земли, несколько недель изучал геологические породы по берегам Маточкина Шара. Спустя год он пересек северный остров с востока на запад и с запада на восток, примерно в том районе, где С. А. Моисеев намеревался пробиться на восточную сторону Новой Земли. В 1909 г. Русанов предпринял плавание вдоль западных берегов острова, от Крестовой губы до полуострова Адмиралтейства. С этого времени его неразлучным спутником становится ненец Илья (Гыко) Вылка. Они вместе проплыли около 400 верст по Баренцеву морю на старой полусгнившей шлюпке. Это отважное путешествие продолжалось с 22 июля по 10 августа. Порой целыми сутками не выходили на берег, не пили чаю и не готовили обеда. Руки и ноги коченели от холода, негде было спастись от ледяных брызг волн. Не только нельзя было пристать к берегу, но приходилось держаться возможно мористее, чтобы не налететь на подводные камни, показывающиеся то здесь, то там из бурлящей воды. Затем наплыл туман. Непроницаемой пеленой он окутал берега Новой Земли. Лишь по грохоту прибоя Русанов угадывал местонахождение. Все дальше в море уводил он шлюпку, боясь, что если она попадет в прибой, то от нее останутся одни щепки.

Наконец, утром 26 июля 1909 г. они увидели цель своего путешествия — полуостров Адмиралтейства. Разыскав небольшой залив с пологими берегами, Русанов решил остановиться для привала. Он так устал за время перехода, что тут же уснул на голых камнях, не имея сил снять промокшую одежду.

Вернувшись в Крестовую губу, он предпринял переход через Новую Землю к Незнаемому заливу в целях поисков пути для перехода русских промышленников с западной стороны острова на восточную, где в изобилии водился морской зверь. Русановым были выполнены большие геологические исследования, открыты ископаемые ледники, исправлены некоторые неточности прежних карт западного побережья Новой Земли на участке от Крестовой губы до полуострова Адмиралтейства. Кроме того, им было выбрано место для русского промыслового

становища в Крестовой губе. Итоги своих исследований Русанов обобщил в нескольких научных статьях, частью опубликованных в Архангельске, частью в Париже. И в России и во Франции они были высоко оценены учеными.

«Недавно,— писал Русанов матери 30 апреля 1910 г.,— представил через профессора свою статью об ископаемых ледниках во Французскую академию наук. Она была напечатана и показалась так интересна, что репортер одного из самых больших французских журналов, „Иллюстрацион“, попросил у меня разрешения напечатать содержание и фотографии. Было напечатано в № 2 (апрельском)». Музей истории естественных наук в Париже представил Русанова к награде «Академическими пальмами»².

Новоземельская экспедиция 1909 г. с особой силой выявила «злосчастное положение наших северных морских богатств, которые открыто и беззастенчиво расхищались иностранцами»³.

Под нажимом буржуазии, заинтересованной в сохранении позиций русского капитализма на Севере, царское правительство 10 декабря 1909 г. издало закон, по которому полоса территориальных вод России была увеличена с 3 миль до 12 (21 км) от линии наибольшего отлива. Вопрос о выработке решительных мер по пресечению иностранных промыслов на Новой Земле был рассмотрен советом министров. Главной задачей на 1910 г. было признано «устранение возможности появления на Новой Земле-иностраннных поселений»⁴.

В 1910 г. в Крестовой губе было заложено первое русское промысловое становище на Новой Земле. Одновременно было решено отправить экспедицию для дальнейшего изучения западного побережья северного острова от полуострова Адмиралтейства до Архангельской губы.

В апреле 1910 г. Русанов получает деньги на приобретение инструментов, а в мае — предложение архангельских властей возглавить экспедицию. После выполнения официальной программы экспедиции Русанов планирует обойти на судне вокруг северного острова Новой Земли. Мысль о смерти не страшит Русанова. Не исключая воз-

---

² Русанов В. А. Статьи, лекции, письма. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1945, с. 385.

³ ЦГИА, ф. 1284, оп. 658, д. 289, ч. 1, л. 2.

⁴ Там же, л. 54.

возможности своей гибели, он обращается с просьбой к губернатору, чтобы тот воспитал сына Шурочку на казенный счет в гимназии.

Сдав экзамены, Русанов приезжает в Архангельск, где все хлопоты по организации экспедиции ложатся на его плечи. Вместе с ним в экспедицию отправляются студент-зоолог С. С. Иванов, штурман В. Е. Ремизов, который будет вести метеорологические наблюдения и определять астрономические пункты, препаратор С. С. Четыркин, участвовавший в экспедиции П. К. Козлова в Среднюю Азию, и горный инженер М. М. Кругловский.

Пяти тысяч рублей, отпущенных на экспедицию Главным управлением земледелия и землеустройства, едва хватает на приобретение снаряжения и припасов. Денег на аренду судна не остается. Экспедицию выручает купец Д. Н. Масленников. Он предоставляет в распоряжение экспедиции моторно-парусную яхту (куттер) «Дмитрий Солунский». Судно это, выстроенное близ Архангельска, в селе Мудьюге, и стоившее 35 тыс. рублей, имело водоизмещение 180 т и ход 6—7 узлов. Оно было снабжено дубовой обшивкой, увеличивавшей его прочность, а следовательно, и сопротивляемость льду. Мотор куттера работал на керосине и имел мощность 50 л. с. «Дмитрием Солунским» командовал опытный помор Г. И. Поспелов.

11 июля 1910 г. Русанов пишет из Архангельска матери: «С нетерпением жду выхода в море. Льды меня ни чуточки не страшат, так как у меня великолепное большое судно, вполне приспособленное к полярным путешествиям, с дубовой обшивкой и очень прочной толстой основой...

Я уверен в успехе и вместе со старым капитаном надеюсь подняться до крайней северной оконечности острова и обогнуть его весь»⁵.

12 июля «Дмитрий Солунский» выбирает якорь и покидает Архангельск. Почти на сутки он задерживается в Удельном заводе, где берет груз бревен для строящегося промыслового Ольгинского поселка в Крестовой губе.

На следующий день в 5 часов утра судно отчаливает от завода и вечером достигает устья Северной Двины. У самого горизонта едва заметно виднеется освещенная

---

⁵ Русанов В. А. Статьи..., с. 386.

лучами закатного солнца стена леса. Впереди открытое море.

В горле Белого моря, на западном берегу лежит снег, и на его фоне виднеется четырехмачтовое грузовое полуразбитое судно, по-видимому наскочившее во время тумана на камни. «Особенно отчетливо выделяются на светлом фоне неба его нос, высоко приподнятый над водой, и наклонившиеся прямые высокие мачты; на одной, средней, мачте беспомощно треплется парус, словно разбитое крыло у раненой, умирающей птицы!»⁶ — отмечает Русанов в дневнике.

А вдруг и «Дмитрия Солунского» ждет подобная участь? Ведь ему предстоит плавание в неисследованных водах, вблизи неизвестных северных берегов Новой Земли, где весьма вероятно встреча со льдами.

20 июля в 3 часа утра с вахты дают знать, что видны гористые берега Новой Земли, на которых белеет нерастаявший снег. Вечером «Дмитрий Солунский», не имевший возможности долго определиться из-за тумана, входит в пролив Маточкин Шар и бросает якорь напротив становища ненцев.

Обитатели поселка высыпают на улицу и салютуют экспедиции стрельбой из ружей. От берега отчаливает шлюпка, и спустя несколько минут на палубе появляется старый знакомый Русанова и его верный товарищ Илья Вылка, художник и топограф Новой Земли.

Владимир Александрович познакомился с ним в 1907 г., во время первой поездки на Новую Землю. Узнав, что Илья любит рисовать, он подарил ему бумагу и краски и обучил топографической съемке. Рисование и съемка почти не исследованных восточных берегов Новой Земли стали главным делом жизни этого замечательного ненца.

«Ежегодно подвигался он на собаках все дальше и дальше к северу, терпел лишения, голодал. Во время страшных зимних бурь целыми днями ему приходилось лежать под скалою, крепко прижавшись к камню, не смея встать, не смея повернуться, чтобы буря не оторвала его от земли и не унесла в море. В такие страшные дни гибли одна за другой его собаки. А без собак в ледяной пустыне — то же, что без верблюда в Сахаре. Бесконечное число раз рисковал Вылка своей жизнью для того только,

---

⁶ Музей Арктики и Антарктики. Фонд Русанова, д. 1111, л. 3.

чтобы узнать, какие заливы, горы и ледники скрыты в таинственной, манящей дали Крайнего Севера. Привязав к саням компас, согревая за пазухой заочеченные руки, Вылка чертил карты во время самых сильных новоземельских морозов, при которых трескаются большие камни, а ртуть становится твердой как сталь», — так писал Русанов о своем самоотверженном товарище, оказавшем ему неоценимые услуги в исследовании Новой Земли⁷.

Вслед за Ильей Вылка на борт «Дмитрия Солунского» поднимаются жители становища Маточкин Шар. Среди них немало верных друзей Русанова, о которых он всегда говорил с глубокой признательностью.

Следующую остановку экспедиция делает в Крестовой губе, где Русанов посещает становище штабс-капитана Георгия Яковлевича Седова, обследующего этот район по заданию Гидрографического управления морского министерства. Так сходятся пути двух замечательных исследователей Арктики, впоследствии решившихся в один и тот же год на великие подвиги: один — достичь Северного полюса, другой — пройти на крохотном деревянном судне «Геркулес» Северным морским путем из Атлантического в Тихий океан.

Русанов сверяет свои хронометры с хронометрами Седова.

25 июля судно бросает якорь у полуострова Адмиралтейства, где в прошлом году закончились работы по исследованию и описанию западного побережья северного острова Новой Земли. Нынче предстоит продолжить эти работы дальше на север, до Архангельской губы.

Экспедиция долго задержалась в Крестовой губе, а еще раньше из-за противных ветров потеряла понапрасну много времени на переход до Маточкина Шара. Чтобы наверстать упущенное, Русанов решает поделить район обследования между своими спутниками. Капитану Поспелову, метеорологу Ремизову и зоологу Иванову он поручает заняться обследованием Архангельской губы. На долю горного инженера Кругловского и препаратора Четыркина достаются Панкратьевы острова. Сам Русанов намерен заняться описанием побережья от залива Норденшельда до Архангельской губы и, кроме того, сов-

---

⁷ Там же, л. 4.

местно с Четыркиным и Кругловским осмотреть северный берег полуострова Адмиралтейства и Глазовой губы.

26—29 июля Русанов и его спутники занимаются опасными работами. Усталые, промокшие, они не вылезают из моторной лодки по 10—12 часов. К тому же мотор часто портится и мешает успешному ходу работ. В следующие два дня, несмотря на беспрестанный холодный дождь, Русанов обследует залив Норденшельда.

1 августа погода проясняется, выглядывает солнце. Путешественники продолжают свой путь к Архангельской губе, где их ждет «Дмитрий Солунский». Идут на веслах, так как мотор не работает.

Вблизи устья Зеленой реки шлюпка встречает плавающие льды. Они видны всюду, куда хватает глаз. При близком знакомстве оказывается, что это не морской лед. Все эти синие, зеленые, белые плавающие ледяные горы оторвались от соседнего ледника.

Льды задержали путешественников на два дня. Русанов не теряет времени понапрасну. Он обследует большой ледник, который называет именем известного полярного исследователя и гидрографа А. И. Вилькицкого.

Наконец, после полудня 4 августа путешественники покидают Зеленую реку и выходят в открытый океан. На другой день вблизи острова Вильяма Русанов открывает бухту с удивительно красивым ледником.

«Легким изгибом спускается он между гор и прозрачной голубой стеной висит над морем,— отмечает Русанов.— Время от времени ледяные утесы с шумом и брызгами падают в волны, и после каждого такого падения на ледяной отвесной стене появляется ярко-синяя свежая рана излома, а на воде — новая красивая ледяная гора»⁸.

6 августа плывут весь день и почти всю ночь. Путешественники коченеют от холода, особенно достается ногам. В довершение всего шлюпка налетает на льдину, но, к счастью, опасность миновала. На следующее утро достигают Архангельской губы. «Чудный солнечный день,— пишет Русанов в своем дневнике.— На солнце +19°, но в воде только +6°. Тем не менее все искупались. Чувствуется приятная свежесть после морского купания под 76° северной широты.

---

⁸ Музей Арктики и Антарктики. Фонд Русанова, л. 22.

Южный берег Архангельской губы удивительно живописен. Море лениво шумит. Кругом громоздятся одна над другой, одна выше другой дикие, страшные скалы. Снизу они изъедены волнами, сверху расщеплены морозами. Большая круглая галька усыпает весь берег и хрустит под ногами... На скалах в каждой расщелине, на каждом выступе ютятся птицы: веселые быстрокрылые люрики, большие, вытянувшиеся стоймя гагарки. На горных вершинах неподвижно сидят белые совы. В воздухе с пронзительными криками кружатся чайки»⁹.

Солнечной благодатной погодой путешественникам приходится довольствоваться недолго. Ночью разыгрывается восточный ветер, который днем переходит в штормовой. Море с ревом и грохотом набрасывается на берег и уносит с собой котел готового горохового супа, оставив путешественников без горячего обеда.

На следующий день Русанов встречает судно «Дмитрий Солунский».

Обследованием Архангельской губы заканчивается официальная программа экспедиции. Она выполнена полностью. Но Русанов и его товарищи не помышляют о возвращении в Архангельск. 12 августа «Дмитрий Солунский» выходит из губы в открытый океан и с попутным ветром берет курс на север.

Утром следующего дня судно настигает шторм. Убирают все паруса, за исключением одного, сильно зарифленного. «Дмитрий Солунский» то зарывается в волны, то сильно накреняется, едва не черпая бортом воду.

Русанову очень хочется осмотреть Русскую гавань, но нельзя и думать подойти в такую бурю к скалистым неизвестным берегам.

Утром 15 августа «Дмитрий Солунский», подгоняемый сильным попутным ветром, достигает обрывистых и плоских, будто срезанных, Оранских островов. Попытка пристать между ними не приносит успеха: мешают сильное волнение, ветер и грозные подводные скалы, то здесь, то там появляющиеся среди волн. Судно уходит дальше от них и ложится в дрейф, чтобы провести гидрологические работы. Русанов берет пробы воды на различных горизонтах, от поверхности до дна, определяет ее состав и температуру.

---

⁹ Там же, л. 28.

Затем «Дмитрий Солунский» снова приблизился к северной оконечности Новой Земли и отдал якорь в одном из заливов. Русанов немедленно съехал на берег. К немалому изумлению он увидел два сложенных из камней знака, какие встречал во многих местах западного побережья Новой Земли. Камни покрылись мхом и растрескались от морозов и влаги. Один из знаков уже начал разваливаться, другой превосходно сохранился. Возможно, их поставил Савва Лошкин или другой смелый полярный мореход, имени которого не сохранила история открытия и познания Арктики.

В районе мыса Желания путешественникам удалось обнаружить реликтовое озеро с пресной от тающих ледников водой. От моря, заливом которого оно было несколько столетий назад, озеро отделено широким невысоким перешейком. На берегах его лежал плавник, широко распространенный на побережье острова. Были и другие признаки понижения уровня моря. На высоте 30 м Русанов нашел морские валуны, лежавшие у подножия Зеленых скал. Морские раковины встречались на расстоянии 5—7 км от берега, куда при современном уровне моря не мог забросить их самый жестокий шторм.

Ночью подняли якорь, и «Дмитрий Солунский» направился вдоль восточного берега северного острова к югу. В Ледяной гавани экспедиция сделала остановку. Русанов посетил зимовье голландцев. Затем он поднялся на холм. С высоты он убедился, что путь к югу преграждали льды, занимавшие все Карское море от берегов до горизонта. Русанов предложил обойти их с востока. Капитан Г. И. Поспелов отдал команду сниматься с якоря. Но пройдя 70 км, «Дмитрий Солунский» вынужден был повернуть назад к мысу Желания, так как поднялся сильный ветер со снегом и туманом.

Днем снова заштормило. У Русанова появилась надежда, что сильный западный ветер отгонит льды от берега и откроет путь на юг. Он уговорил капитана Поспелова еще раз попытаться пройти Карским морем до Маточкина Шара.

21 августа из Ледовитого океана пришел лед. Ледяные поля и обломки синих, прозрачных айсбергов плыли с северо-запада, из-за мыса Желания.

«Лед сплошным полукругом покрывает весь горизонт и постепенно надвигается на нас и, по-видимому, не остав-

ляет нам никакого выхода»¹⁰, — отмечал Русанов в своем дневнике. Он поднял всех на ноги. Команда и члены экспедиции дружно поднимали якорь. Запустили мотор. Надо было спешить, чтобы выбраться из ледяного плена, иначе льды могли прижать судно к берегу и раздавить его.

По узкому, готовому всякую минуту сомкнуться каналу судно направилось к югу, держа курс на Маточкин Шар. Как ни опасно было идти Карским морем, Русанов предпочитал рисковать, чем отказаться от осуществления намеченной цели.

Экспедиция занималась глазомерной съемкой очертаний северо-восточного побережья, измеряла по лагу протяженность ледников, впервые положенных на карту. Русанов, совершив несколько походов в глубь Новой Земли, пришел к убеждению, что северо-восточная часть острова покрыта одним ледником.

Следующие два дня подробно и поэтично описаны Русановым в дневнике, который ныне хранится в Ленинграде, в Музее Арктики и Антарктики: «22 августа „Дмитрий Солунский“ продолжает двигаться по каналу, образовавшемуся вдоль северо-восточного берега Новой Земли, благодаря тому, что стоявшими перед этим сильными западными ветрами немного отнесло от берегов лед. Канал иногда суживается до такой степени, что льдины касаются берега; это особенно часто случается у мысов, далеко выдающихся в море. Иногда же канал становится так широк, что льдины едва виднеются на горизонте; в среднем ширина канала около 6—7 километров. Из-за береговых террас выглядят снеговые вершины.

За мысом Течения, там, где на карте берег обозначен пунктиром, начался огромный, растянувшийся на 50 километров ледник, вдоль которого „Дмитрий Солунский“ шел от 12 часов дня до 9 часов вечера.

В 150 верстах к югу от мыса Желания, на 75°30' северной широты, характер льда изменился. Поверхность отдельных ледяных полей стала значительно большей, но толщина их сильно уменьшилась; по большей части они возвышались над водой лишь на несколько сантиметров, тогда как к северной оконечности Новой Земли лед поднимался над водой на высоту около одного метра в среднем. Такой лед должен сидеть на глубине около четырех-

---

¹⁰ Там же, л. 39.

пяти метров, если не больше; но и на поверхности, и особенно на глубине лед очень неровный, сильно изрытый волнами и ударами льдин друг о друга. Местами между ледяными полями были рассеяны горы, достигавшие десятков метров в высоту и особенно в глубину. Все ледяные горы отламываются от ледников. Когда ледники погружаются в море, то с грохотом обрываются их ледяные утесы, и тогда разверзается глубокое море и на мгновение поглощает их. Широкие волны кругами несутся из клокочущей темной пучины. Каскады, фонтаны и струи воды бешено взлетают кверху. Белая водная пыль застилает небо и покрывает собою весь этот летящий, грохочущий хаос. Но когда книзу опустятся брызги и пена, то на воде появляются колеблющиеся новорожденные ледяные горы. Фантастически странные и бесконечно разнообразные по своим формам, они бывают то совсем белые, то зеленые, как бирюза, то прозрачные, яркосиние, как лазурь. На протяжении нескольких сотен верст, до самого Дальнего мыса, не было замечено ни одного залива, в котором можно было бы безопасно отстояться, если бы восточным ветром льды стало прижимать к берегу. Льда было так много, что невольно являлся вопрос: не заполнено ли им все Карское море?

23 августа судно идет по льду, который стал значительно гуще и состоит в большом количестве из нагроможденных друг на друга торосов старого льда.

На берегу виднеется в тумане спускающийся к морю ледник. Штиль. В 3 часа ночи пришлось остановить чуть ли не сплошные сутки проработавший мотор, так как он слишком нагрелся и один из цилиндров перестал работать. Туман. Судно беспомощно стоит среди осколков молодого прозрачного льда. Немного подальше по обе стороны судна белеют огромные круглые ледяные поля. Такие же ледяные поля видны и спереди, и сзади, со всех сторон. А вдали белый неподвижный лед сливается с серым и таким же неподвижным туманом.

Капитан уснул после двух бессонных суток, в течение которых он, кажется, ни на минуту не сомкнул глаз и все время оставался в бочке, привязанной к верхушке мачты, отыскивая дорогу между льдинами.

Так простояли до 6 часов утра, пока не охладился мотор и не проснулся капитан. Машина запыхтела. Заработал винт...

Судно из почти сплошного льда выбралось на воду с плавающими ледяными полями и торосами. В 4 часа дня миновали мыс без названия, за которым начался ледник. В 6 часов 30 минут ледник окончился, подошли к мысу Дальнему. Около 10 часов вечера солнце ушло за горизонт, и после чудного заката началась первая ночь с темным небом и звездами. Тихо. Господствуют мягкие светлые тона. Светло-сизые облака на краях позолочены сверкающими желтыми лучами заходящего солнца и золотой дорогой отражаются в светлом просторном море. Между белыми льдинами стаи тюленей высовывают свои круглые головы, высоко поднимаются над водой их черные туловища, с жадным любопытством глядят их черные глаза. И вдруг все звери сразу и в одно мгновение исчезают, оставляя за собой только дрожащие круги на зеркальной водной поверхности»¹¹.

24 августа вблизи островов Пахтусова «Дмитрий Солунский» встретил неподвижный лед — припай. Путь к югу был отрезан. Судно легло в дрейф. Экспедиция занялась гидрологическими работами.

Тем временем западным ветром отжало лед от припая, появился узкий канал, и нужно было спешить проскользнуть к югу на чистую воду. Поставили все паруса, мотор работал на всю мощность. Судно развило наибольший ход. Мелкие льдины было некогда обходить. «Дмитрий Солунский» либо раскалывал, либо подминал их под себя, при этом судно вздрагивало, трещало, и, казалось, вот-вот разлетится его обшивка.

На чистой воде появился новый лед — шуга. За ночь он мог окрепнуть. И опять надо было спешить, пока не упущено время, в Маточкин Шар. Но, как назло, в полночь испортился мотор. С большими трудностями капитан Поспелов довел судно под парусами до залива Хромченко, где экспедиция сделала вынужденную остановку.

Пока механик и команда чинили мотор, Русанов с Ильей Вылка отправились в глубь острова. Они обнаружили, что полуостров Пять Пальцев неверно нанесен на карту и что в действительности вместо пролива Головинина существовал низкий перешеек.

Утром 26 августа мотор наконец был исправлен, и на другой день «Дмитрий Солунский» после длительного пу-

---

¹¹ Там же, л. 41—42.

тешества во льдах Карского моря достиг Маточкина Шара. «Я хотел,— отмечал Русанов в дневнике,— продолжать обход вокруг Новой Земли и выйти Карскими Воротами, но это оказалось невозможным, так как керосин у нас был совсем на исходе, а машинного масла давно не было, и мы его заменили растопленным звериным салом, от которого машина быстро нагревалась и останавливалась»¹².

Экспедиция Русанова не только способствовала закреплению за Россией Новой Земли, но и обогатила науку. Кроме описания западного побережья северного острова Новой Земли, от полуострова Адмиралтейства до Архангельской губы, экспедиция частично обследовала северо-восточную оконечность Новой Земли и некоторые не посещенные ни одним путешественником прибрежные и глубинные районы острова. Было открыто несколько новых мелких островов, проливов, заливов и бухт. Отдельные из них уже ранее были положены на карту художником и топографом Новой Земли Ильей Вылка. Экспедицией была составлена новая, более точная и подробная карта северного острова.

Постоянно велись метеорологические наблюдения. Большое внимание было уделено геологическим исследованиям. Экспедиция собрала обширную палеонтологическую коллекцию, сделала многочисленные наблюдения над современным состоянием и движением ледников, обнаружила доказательства понижения морского уровня на северной оконечности Новой Земли. Ботаническую коллекцию составили водоросли и лишайники, мхи и цветковые растения. Ряд материалов имел ценность для зоологии и морской биологии.

Когда было свободное время и погода благоприятствовала, Русанов и его спутники вели гидрологические наблюдения в Баренцевом море, у Горбовых островов, в районе Оранских островов, в Карском море, к востоку от мыса Желания и вблизи островов Пахтусова. Воды этих областей были совершенно не изучены. Наблюдения велись над прозрачностью, цветом и температурой воды. Кроме того, брались пробы на соленость и измерялись глубины. Экспедицией было обнаружено присутствие в районе мыса Желания теплых атлантических вод; это под-

---

¹² Там же, л. 46.

твердило предположение Русанова, что Гольфстрим обгибает Новую Землю с севера.

Особый научный и практический интерес представляли наблюдения над скоростью и направлением течений, условиями проходимости льдов и зависимостью распределения льдов и их дрейфа от морских течений и характера господствующих местных ветров.

Экспедиция Русанова на «Дмитрии Солунском» заняла почетное место в истории полярного мореплавания. Она внесла большой вклад в изучение природы Арктики.

Возвратившись из плавания вокруг северного острова Новой Земли, Русанов издал отдельной книгой «Материалы по исследованию Новой Земли», где была опубликована и карта. При составлении книги Русанов обобщил топографические сведения, собранные им в течение последних четырех лет.

Картина гор и ледников на северном острове, нарисованная Русановым по сравнительно небольшому количеству фактически данных, касавшихся главным образом побережья, оказалась очень близкой и для внутренних частей Новой Земли. Очертания показанного на карте сплошного ледяного покрова почти совпадают с современными, основанными на результатах деятельности многочисленных советских экспедиций. Кроме того, в статье «К топографии Новой Земли» Русановым было дано описание всех интересных в навигационном, промысловом и топографическом отношениях мест. Заметки Русанова цитировались в логиях на протяжении многих десятилетий и не утратили своего значения до нашего времени.

Опираясь на опыт плаваний Новоземельской экспедиции, в статье «К вопросу о Северном морском пути в Сибирь» Русанов с исключительной широтой и смелостью наметил пути изучения и освоения великой водной магистрали. На 25 лет вперед он предвосхитил идею ледово-гидрологических патрулей, организованных в середине 30-х годов Арктическим и Антарктическим институтом. Всего по материалам Новоземельской экспедиции 1910 г. Русановым было написано более 10 научных работ, часть из которых увидела свет после его гибели.

Отчитавшись перед архангельскими властями о результатах своей экспедиции, Русанов снова уезжает в Париж, чтобы увидеться со своей невестой Жюльетой Жан. «Иметь такую жену — счастье, которое не всегда

и не всякому может выпасть на долю», — пишет Русанов родным. Он знаком с Жюльетой четыре года. Она окончила естественный факультет Парижского университета и теперь готовится тезу по геологии на степень доктора.

И хотя Русанов рад предстоящим переменам в его жизни, он все же жертвует своим счастьем ради представившейся возможности опять заняться исследованием Новой Земли. Архангельские власти снова просят его возглавить экспедицию в Арктику. На этот раз ему предлагают обследовать в промысловом и географическом отношениях южное побережье Новой Земли, в частности Петуховский Шар и его окрестности. Но Русанов ставит перед собой задачу шире — обойти весь южный остров и, таким образом, закончить полное обследование всей Новой Земли. Этот обход представляется Русанову «делом более трудным, чем даже обход Новой Земли с севера, так как южная часть Карского моря почти постоянно наполнена плавучим льдом, часто прижатым к юго-восточным берегам Новой Земли»¹³.

8 июля 1911 г. в Белушью губу, расположенную на южной оконечности Новой Земли, на буксире парохода «Королева Ольга» входит моторно-парусная лодка «Полярная», на которой Владимир Александрович намерен обойти южный остров. Лодка не велика. Ее водоизмещение составляет около 5 т, а мотор имеет мощность 5 л. с. Лодка так тесна, что на ней могут поместиться только члены экспедиции. Запасы погружены на парусный фансбот, который «Полярная» ведет за собой на буксире.

В состав экспедиции кроме начальника Русанова входят Э. П. Тизенгаузен и Илья Вылка, только что приехавший из Москвы, где он учился живописи и грамоте. Команда «Полярной» состоит из двух матросов — Андрея Муханова и Александра Яшкова.

На экспедицию отпущены очень скудные средства (4000 рублей). Русанов даже не может позволить себе заказать для участников экспедиции новую верхнюю венецкую одежду. Приходится довольствоваться старыми, вытертыми оленьими малицами и тюленьими пимами. Но нехватка денег не может остановить Русанова. Он намерен выполнить свою программу, даже если ради этого придется зазимовать на Новой Земле.

---

¹³ Русанов В. А. Статьи..., с. 161.

14 июля «Полярная» оставляет Белушью губу и направляется к югу. Первую остановку экспедиция делает на восточном берегу острова Междушарского и убеждается в полной неточности существующих карт, на которых линия этого берега пряма и проста, а в действительности она изрезана многочисленными заливами.

Утром следующего дня экспедиция поспешно трогается в путь. Ей предстоит выйти в открытое море и обогнуть Черный мыс, вблизи которого, судя по указаниям карты, существуют мели и подводные камни.

Ни Русанов, ни Вылка, ни их товарищи никогда не бывали у этих берегов. А карты не точны.

«Нелегко,— пишет Русанов,— было плыть у неизвестных и опасных берегов, у льдов и среди густого тумана. К тому же ветер несколько не ослабел, несмотря на туман, и когда мы вышли в открытое море, то нас начало сильно покачивать, волна была небольшая, но мелкая и очень неприятная, особенно для фансбота, буксируемого за кормой „Полярной“. Чрезмерно перегруженный фансбот так сильно дергало, что переднее кольцо, ввинченное в его нос, и передняя лавочка были в конце концов вырваны, и мы боялись, что нам придется совсем проститься с этой прекрасной лодкой»¹⁴.

Туманы и сильное волнение задерживают экспедицию на целую неделю в заливе Строганова. Эту невольную остановку Русанов использует для знакомства с юго-западными берегами Новой Земли. Он собирает небольшую коллекцию насекомых. Кроме того, Русанов находит старинный русский промысловый поселок, свидетельствующий, по его словам, о давнем владении русскими Новой Землей.

«На небольшом полуострове, оканчивающемся Черным мысом, образующим юго-западный конец Новой Земли,— пишет он в дневнике,— в безымянном, безвестном заливе я был привлечен тремя высокими, темными, наклоненными столбами; оказалось, это были кресты.

Страшные новоземельские бури уже давно сорвали их поперечные брусья, обломали верхушки и, как голодные звери, со всех сторон изгрызли дерево.

А жаль — на этом дереве были надписи, вырезанные большими, глубокими славянскими буквами. Но теперь

---

¹⁴ Там же, с. 162.

уже не разобрать ни имен, ни чисел, ни лет. Бури и годы навсегда унесли с собою мрачную тайну этих надгробных крестов»¹⁵.

Как только ветер несколько стихает, «Полярная» оставляет свое убежище, чтобы продолжить путь к Петуховскому Шару. Плывут вблизи лишенных удобных заливчиков и бухт неприветливых скалистых берегов. В том же направлении ветром несет лед. Ставят все паруса и запускают мотор, чтобы поскорее избавиться от такого неприятного спутника.

Взлетая на зеленовато-синих прозрачных волнах и монотонно стуча мотором, «Полярная» спешит на восток и день и ночь, пользуясь ее белыми сумерками.

В течение нескольких дней Русанов, Тизенгаузен и Вылка обследуют Черную губу. Покинув ее, экспедиция впервые в этом году встречается с тяжелым полярным льдом, полосы которого занимают все пространство между Черной губой и Петуховским Шаром.

«Лед,— пишет Русанов в дневнике,— в среднем возвышался на 1 метр над водой и казался сильно изрытым и разрушенным волнами; многие льдины были нагромождены друг на друга. Подводное основание каждой льдины занимало гораздо большую площадь, чем белая надводная поверхность. Край льда представлял не вертикальную линию свежего излома, а очень извилистую и длинную подводную линию продолжительного оттаивания и постепенного разрушения.

Двигаться среди такого льда было очень неудобно; нужно было вести судно с большим вниманием, а то легко было не заметить длинный подводный ледяной выступ и посадить на него судно»¹⁶.

«Полярная» с трудом лавирует между льдами. Если бы не штиль, они давно бы зажали моторку Русанова. Но благодаря полному безветрию экспедиция ночью 28 июля добирается до Петуховского Шара.

Отсюда «Полярная» переходит в залив Рейнеке, один из самых обширных на Новой Земле, о котором Илья Вылка сказал, что он велик, как море.

Экспедиция приступает к съемке и промеру глубин. «До нас,— пишет Русанов в дневнике,— никто не знал

¹⁵ Там же, с. 165.

¹⁶ Там же, с. 166.

его истинной величины и очертания. Только вход этого залива был нанесен на карту, да и то неточно. Нанесение всего залива на карту значительно изменит конфигурацию южной оконечности острова и еще резче подчеркнет изрезанность береговой линии и простираание ее в северо-западном направлении»¹⁷.

На долю путешественников выпадает много неприятных неожиданностей, хлопот, приключений. То моторка садится на камни, и приходится терпеливо несколько часов ждать, чтобы прилив освободил их суденышко. То вдруг штормовой ветер настигает моторку у скалистых берегов, и экспедиция вынуждена несколько дней стоять на якорях под скалами, каждую минуту ожидая, что цепи не выдержат и «Полярная» разобьется о прибрежные камни. То вдруг в самую критическую минуту перестает работать мотор, и приходится его весь разбирать. Причем однажды механик Александр Яшков так основательно загоняет поршень в цилиндр, что выбить его оттуда нет никакой возможности. Сначала для его извлечения используются стамески и ключи, затем геологические молотки и, наконец, полупудовая кувалда, которой, потратив всю ночь, виновник происшествия все-таки выбивает поршень. Утром пытаются пустить машину, но она отказывается работать. «Дело скверно,— отмечает Русанов в дневнике,— неужели из-за мотора мы не сможем продолжать наш путь, не увидим Карского моря, не обогнем Новую Землю с юга?

Положим, официальная и обязательная часть программы выполнена. Не только снят и обследован Петуховский Шар, но и залив Рейнеке. Однако меня это мало утешает. Я хочу во что бы то ни стало выполнить собственную программу: обойти с юга Новую Землю, обследовать восточное побережье, куда еще не ступала нога ни одного натуралиста, и Карским морем пройти в Маточкин Шар»¹⁸.

Между тем маленькую «Полярную», застигнутую штормом у неприступных скалистых берегов, бьют расходящиеся волны. Ветер достигает 14 м в секунду. И если бы Русанов в Белушней губе не захватил трехпудовый якорь и толстую якорную цепь, оставшиеся от разбитого

¹⁷ Там же, с. 177.

¹⁸ Там же, с. 176.

судна, то море давным-давно выбросило бы «Полярную» на берег и члены экспедиции, вероятно пытаясь обсушиться, развели бы огонь из ее обломков.

За время стоянки у скалистых берегов мотор общими усилиями приводят в исправность. 10 августа экспедиция направляется к Карскому морю. Плавание это ярко и живо описано в дневнике Русанова:

«При легком противном ветре, при ярком солнечном свете „Полярная“ бодро рассекала мелкие волны, подходя к Карским Воротам. Обрывистые берега южной оконечности Новой Земли в области Никольского Шара местами достигают 80—100 м над уровнем моря, а местами спускаются очень низко и состоят частью из серых известняков, а частью окрашены в ярко-красный цвет. Погода прекрасная, легкая зыбь с востока. Солнце хотя и не особенно теплое, но ласковое. Нигде никаких признаков льда. В полдень прошли большой остров — Кусовую Землю, низменную, холмистую, с желто-зеленоватой поверхностью и обрывистыми темными сланцевыми берегами.

„Полярная“ пробирается у северных берегов Карских Ворот, обходит многочисленные острова и мелкие проливы, проходит узким проливом, называемым Железными Воротами, где над водой нависли крутые, высокие скалы, и вступает в Карское море.

Впереди к востоку расстилалось сверкающее ласковое, слегка волнующееся и совершенно свободное от льдов Карское море. Льды остались позади, к западу, у Сахалини.

В 6 часов вечера „Полярная“ бросила якорь в Каменке, под крестом, поставленным Пахтусовым на месте его зимовки 1832—1833 гг. Этот большой восьмиконечный крест с обломившейся вершиной одиноко и сумрачно стоит на плоском низменном берегу над черным утесом. За крестом — развалины совсем сгнившей избы, в которой среди всяких лишений провел долгую полярную зиму этот замечательный исследователь Новой Земли со своими товарищами. Другой крест, поставленный над могилой спутников Пахтусова, уже повалился»¹⁹.

11 августа экспедиция пытается продолжать плавание, но встречный свежий ветер и большая волна вынуждают ее возвратиться в Каменку.

---

¹⁹ Там же, с. 178—179.

На следующий день при полном штиле «Полярная» выходит в открытое море. Мотор подозрительно тарахтит. Чем дальше, тем громче стук и оглушительнее выхлопы, которые затем переходят в отчаянный хрип. Мотор останавливается. Ставят паруса, но они безжизненно висят. Штиль. Только ночью потянул ветерок и надул паруса. Но надежда на них плохая: они сшиты на машинке и при достаточно сильном порыве ветра легко могут лопнуть по швам.

Пытаются зайти в речку Бутаковку, но она оказывается отделенной от моря косой. Запасы пресной воды иссякают. Никто не рассчитывал, что плавание будет столь продолжительным.

«Полярная» берет курс на север, к устью реки Саввиной, в надежде найти там убежище. Наконец, после долгих часов плавания моторка подходит к ней под парусами. Однако путешественники замечают, как через всю ширину устья при каждом набеге волны поднимается водяной зловеший гребень. Русанову ничего не остается, как продолжать плавание к северу.

Поздно ночью Русанов со своими спутниками добирается наконец до залива Абросимова.

В течение нескольких дней Русанов обследует его окрестности. То бродит среди фиолетовых сопок, которые изумительно красивой цепью тянутся в глубь острова, то находит ущелье с нависшими скалами. В нем звонко шумит и, разбиваясь о камни, искрится в лучах солнца маленький водопад, по краям которого зеленеют кусты мха. То наталкивается на выброшенный морем зеленый стеклянный шар — поплавок, употребляемый норвежскими рыбаками. Каким путем попал этот шар из Норвегии в Карское море? Только не через пролив Маточкин Шар, в котором господствуют лишь переменные приливо-отливные течения. И едва ли через Карские Ворота. Следовательно, его принесло течением, которое обходит Новую Землю с севера. Это новое доказательство его выводов, что у Карского берега Новой Земли течения направлены с севера на юг.

Вскоре Русанов пешком отправился к устью реки Саввиной. Здесь он делает ряд интересных наблюдений. У реки находит развалины старой промысловой избы, а вблизи ее — череп медведя и позвонок кита. Вскоре Владимир Александрович обнаруживает следы временных

ненецких становищ — кружки щебня, который обычно ненцы насыпают вокруг своих чумов. Попадаются обрывки оленьих шкур, изношенная одежда, платки.

В заливе Абросимова экспедиция проводит 12 дней. Последние шесть суток льет непрерывный дождь, дует сильный северо-восточный ветер. Бездействие угнетает Русанова, и он решает продолжать плавание, однако попытка не увенчалась успехом: произошла авария фансбота, утонули оленьи рога, шкуры, сети и другие вещи.

Лишь 25 августа «Полярная» выходит из залива Абросимова и ночью достигает залива Литке. В совершенной темноте Илья Вылка уверенно ведет суденышко в глубь залива, хотя его начальник предлагает не приближаться к берегам и дожидаться рассвета в море. Вылка, ориентируясь по шуму прибоя, отыскивает тихую глубокую бухточку; в ней и укрывается «Полярная».

Когда Русанов обследовал окрестности залива Литке, снег под ним провалился в темный и глубокий грот. По дну его бежал родник, стены оказались отвесными, без единого выступа, и взобраться по ним вверх даже с помощью геологического молотка не было возможности. А наверху завывала выюга. Было очевидно, что к тому времени, когда товарищи отправятся на поиски своего командира, она совершенно занесет его следы.

Привыкнув к темноте, Русанов заметил, что грот имеет заметный наклон, и решил идти в ту сторону, в которую бежал ручей. В этом направлении было несколько светлее. Вскоре мрак немного рассеялся. Сделав несколько десятков шагов вперед, Русанов увидел дневной свет. Выход из грота преграждала ледяная стена с нависшими на ее карнизе сугробами. С помощью геологического молотка Русанов стал вырубать в ее стенке ступени. Поднимаясь все выше и выше, он добрался до ее края, затем пробил головой отверстие в снежном сугробе и наконец выбрался на свободу.

День за днем «Полярная» продвигается к северу. Экспедиция обследует заливы Шуберта, Брандта и Клокова, описывает их берега, нивелирует морские террасы, обследует горы. Чувствуется приближение зимы. И днем и ночью идет густой мокрый снег, затрудняя описные и разведочные работы.

Наконец, 8 сентября в 8 часов вечера «Полярная» отдает якорь у южного берега Маточкина Шара, вблизи остатков зимовья Федора Розмыслова. Таким образом, ус-

пешно осуществляется программа экспедиции, разработанная самим Русановым.

Исследования Русанова на Новой Земле явились важным этапом в борьбе России за упрочение своих позиций на этом острове: они предотвратили захват этой исконно русской территории иностранными государствами. Экспедиция Русанова явилась также важным вкладом в изучение Арктики, было собрано много ценных материалов по геологической истории и структуре Новой Земли. Трагическая смерть не позволила Русанову с достаточной полнотой описать свои геологические и палеонтологические коллекции, которые хранятся в Парижском университете. По мнению советских геологов, он не только наметил стройную концепцию геологической истории этого острова, но и дал прогнозы на поиски рудных месторождений. Его смелые выводы и гипотезы подтверждены современными геологическими изысканиями.

Спустя несколько месяцев после возвращения Русанова из плавания ему было предложено возглавить русскую экспедицию на Шпицберген. Он провел исследование природных богатств Шпицбергенского архипелага, ознакомился с иностранной каменноугольной промышленностью, выявил месторождения каменного угля и поставил в этих местах заявки от имени подданных России.

Закончив работы на Шпицбергене, Русанов снова посетил Новую Землю. На деревянном «Геркулесе» он зашел в Поморскую губу и в становище Маточкин Шар оставил телеграмму, которая вскоре взволновала географов России и Европы. Русанов сообщал, что направляется на восток, в плавание Северным морским путем. Он уже давно интересовался вопросами развития полярного мореходства и даже посвятил серию статей этой важной проблеме. В одной из них, написанной в 1911 г., Русанов отмечал, что уже пять лет занимается непосредственным изучением льдов на Северном морском пути, который должен связать Сибирь с Европой. Он надеялся внести свой вклад в дело, которое было начато в давние времена русскими мореходами и которое должно завершиться победой над карскими льдами.

Русанов считал, что организации регулярного арктического мореплавания должно предшествовать систематическое изучение Северного Ледовитого океана с помощью специальных ледоколов, оснащенных радиотелеграфом и оборудованных современными лабораториями,

18 августа 1912 г. «Геркулес» покинул становище Маточкин Шар на Новой Земле. На этом потерялся его след. Только в июле 1934 г. на острове Везель (ныне Геркулес) в группе островов Мона был обнаружен столб с надписью «Геркулес — 1913», который благодаря стараниям профессора П. В. Витенбурга ныне находится в Музее Арктики и Антарктики в Ленинграде. Одновременно в восточной части шхер Минина на небольшом безымянном островке были найдены вещи членов русановской экспедиции В. Г. Попова и А. С. Чукчина, а возможно, и других участников этого плавания.

С тех пор тайна гибели Русанова и его спутников привлекает внимание гидрографов, полярников, ученых. Особенно интенсивно велись поиски в последние годы. Было выдвинуто множество самых разнообразных версий. Но, пожалуй, единственное, что удалось доказать, — это то, что «лагерь неизвестного морехода», обнаруженный в 1974 г. в заливе Ахматова, на восточном берегу острова Большевик, не имеет какого-либо отношения к экспедиции Русанова. Поиски, несомненно, будут продолжаться, и они должны вестись на островах восточной части Карского моря, на западном побережье Таймыра, особенно в районе шхер Минина, и, наконец, на западных берегах Северной Земли до самой северной ее оконечности.

Но независимо от того, будет ли приподнята завеса тайны над гибелью «Геркулеса», Россия навсегда сохранит в своей летописи великий подвиг Владимира Александровича Русанова, свято верившего, что «трудящиеся массы создадут новое общество высших свободных форм жизни»²⁰. Как он и мечтал, русские люди победили льды и поставили природные богатства Арктики на службу Родине.

В то время как летом 1910 г. Русанов на судне «Дмитрий Солунский» совершал плавание вокруг северного острова Новой Земли, известный русский полярный исследователь Георгий Яковлевич Седов занимался подробной съемкой Крестовой губы, на берегу которой был только что выстроен промысловый поселок. В октябре 1910 г. он доставил в Петербург новую карту этого важного района Новой Земли. Г. Я. Седов и не подозревал, что спустя два года снова посетит Крестовую губу.

---

²⁰ Русанов В. А. Статьи..., с. 361.

Во время пребывания на Новой Земле у него зародилась мысль об организации экспедиции для достижения Северного полюса. В начале 1912 г. Г. Я. Седов представил проект в Гидрографическое управление военно-морского флота. Он писал, что уже несколько столетий промышленники и ученые трудятся над решением проблемы Северного морского пути, занимаются поисками новых земель и изучением физических процессов в Северном Ледовитом океане и, наконец, стремятся к Северному полюсу, чтобы «разъяснить мировую загадку как со стороны научных полезнейших наблюдений, так и со стороны открытий».

«Человеческий ум,— отмечал Г. Я. Седов,— до того был поглощен этой нелегкой задачей, что разрешение ее, несмотря на суровую могилу, которую путешественники по большей части там находили, сделалось сплошным национальным состязанием. Здесь помимо человеческого любопытства главным руководящим стимулом еще, безусловно, являлись народная гордость и честь страны. В этом состязании участвовали почти все культурные страны, и только не было русских, а между тем горячие порывы у русских людей к открытию Северного полюса проявлялись еще во время Ломоносова и не угасли до сих пор»²¹.

Государственная дума не дала согласия на финансирование проекта Г. Я. Седова. Тогда он снарядил экспедицию на частные пожертвования, намереваясь на приобретенном им судне «Св. Фока» направиться к Земле Франца-Иосифа, а оттуда на 60 собаках — к Северному полюсу.

В экспедиции кроме Г. Я. Седова участвовали: молодой ученый-географ В. Ю. Визе, геолог М. А. Павлов, художник Н. В. Пинегин, врач П. Г. Кушаков, матросы В. В. Лебедев, А. И. Пустошный, Г. Г. Линник, П. И. Коноплев, И. Томиссар, буфетчик И. А. Кизино, плотник А. И. Инютин, повар И. И. Пищухин. Команда «Св. Фоки» состояла из девяти человек, включая капитана Н. П. Захарова и его помощника Н. М. Сахарова.

При этом на Земле Франца-Иосифа предполагалось оставить лишь зимовочный состав, которому предстояло

---

²¹ Цит. по кн.: *Нагорный С.* Георгий Седов. М.: Географгиз, 1950, с. 173.

жить до весны 1913 г. в избе, взятой на борт судна в разобранном виде. Судно должно было возвратиться в ту же навигацию в Архангельск. Но все получилось иначе. Только 15 августа 1912 г. «Св. Фока» вышел в море, где попал в шторм и получил повреждения. Пришлось укрыться за Тремя островами и заняться ремонтом.

«Мы-то мечтали,— писал Н. В. Пинегин,— скоро увидим Землю Франца-Иосифа, поставим свой корабль у ее белых берегов, а вместо этого стоянка где-то в Белом море. Вместо открытия новых земель — открытие новых неприятностей: там сильные удары волн повывивали конопатку из борта, тут разбилась бочка машинного масла; засорилась паровая помпа и в трюме скопилось на 40 дюймов воды. Надо откачивать ручными насосами, чтобы не затопило топки»²².

23 августа путешественники достигли берегов южного острова Новой Земли и, держась их, направились на север. Спустя два дня поблизости от губы Крестовой они попали в шторм. Огромной волной сорвало две шлюпки. Около суток судно отстаивалось под защитой скал Сухого мыса. Затем 28 августа, когда буря утихла, Седов направился в знакомую ему Крестовую губу, чтобы оставить в Ольгинском поселке письма и донесения для отправки на родину.

Крестовая губа поразила путешественников своей величественной красотой.

«Позади,— писал Н. В. Пинегин,— океан, еще сердито ворчащий. На берегу — спокойные цепи остроконечных гор в белых одеждах, прорезанные блеском изумрудных ледников. В глубине залива горы сдвинулись теснее, а седловину самой высокой занял ледник, разлившийся на несколько потоков. Один, похожий на гигантский голубой язык, блестит на снежной белизне, как сапфир»²³.

Седов делает первую остановку у того места, где располагалась его экспедиция 1910 г. Два года назад он поставил здесь астрономический пункт. Теперь он снова посещает его, чтобы сверить ход своих хронометров.

В Крестовой губе пополнили запасы пресной воды и оставили больных матросов. Едва вышли в океан, как

---

²² Пинегин Н. В. В ледяных просторах, Л.: Госиздат, 1924, с. 9.

²³ Там же, с. 16.

снова на судно обрушилась буря, которую переждали, укрывшись за островом Врангеля. 31 августа взяли курс на Землю Франца-Иосифа, но уже на следующий день на горизонте показались льды. От Крестовых островов направились на запад, но, убедившись, что ледяные поля простираются далеко на юг, решили пробиваться прямо на север. Льдами шли без усталости два дня. Поздним вечером 2 сентября прикрепилась к льдине, чтобы после ночевки двинуться снова к Земле Франца-Иосифа.

«Золотым „периховским“ освещением согреты сумерки,— писал Н. В. Пинегин.— Контраст горячего неба и ледовых листьев льда на тепло-зеленом море поразителен. Некоторые причудливо изваянные льдины иногда останавливают взгляд и днем, а теперь, в сумерках, кажутся порождениями большой фантазии, ознобным бредом скульптора. И ничего, кроме льда, неба, моря и воздуха, прозрачного, как роса. Ни чаек, к которым уже успели привыкнуть, ни даже тюленей. Изредка лед приходит в движение. С тихим шуршанием наползают льдины одна на другую — даже такое движение кажется странным в этом омертвелом море»²⁴.

Вскоре обстановка резко изменилась. На пути корабля встали многолетние льды, принесенные ветрами или течениями из Центральной Арктики.

Г. Я. Седов направился к Новой Земле. Вблизи полуострова Панкратьева судно село на мель. Вскоре льды столкнули «Св. Фоку» на безопасную глубину. Затем те же льды со всех сторон окружили судно, из которых ему не удалось выбраться. Экспедиция вынуждена была зимовать у полуострова Панкратьева, в бухте, которую путешественники называли по имени своего судна. Под руководством В. Ю. Визе занялись устройством метеорологической станции. В распоряжении ученых имелись 35 термометров, включая минимальные и максимальные, два барометра, один анероид, два психрометра, два дождемера, два флюгера, анемометр, грабельный нефоскоп, два барографа, два термографа и, наконец, две метеорологические будки образца Главной физической обсерватории. «Большая часть приборов,— писал В. Ю. Визе,— была предоставлена экспедиции Гидрометеорологической службой Отдела торговых портов, остальные частью при-

²⁴ Там же, с. 23.

обретены на средства экспедиции, частью предоставлены Главной физической обсерваторией и Главным гидрографическим управлением Морского флота»²⁵.

Больших хлопот потребовало устройство метеорологической станции на морском льду бухты Св. Фоки, в расстоянии 70 м от судна и 230 м от крутых берегов полуострова Панкратьева. Между метеорологическими будками и бортом «Св. Фоки» были протянуты канаты, держась за которые наблюдатели добирались до приборов в пургу и бураны, во время которых порой невозможно было устоять на ногах. На льду, кроме того, был выстроен снежный домик по эскимосскому образцу. Он служил прибежищем для метеорологов во время непогод. В нем они производили перезарядку лент самопишущих приборов.

Первоначально наблюдения велись три раза в сутки, а с ноября 1912 г. по июль 1913 г. измерения производились через каждые два часа.

Наблюдения вели В. Ю. Визе, матрос В. В. Лебедев и лодманский ученик А. И. Пустошный. «Обоим моим помощникам, — писал впоследствии В. Ю. Визе, — я выражаю мою горячую благодарность, так как без их добросовестного и подчас весьма нелегкого труда экспедиция была бы лишена части ее научной жатвы в виде двухчасовых наблюдений»²⁶.

Наблюдения, выполненные экспедицией Г. Я. Седова на Новой Земле, были обработаны в 1915—1918 гг. В. Ю. Визе и опубликованы в 1931 г. Всесоюзным Арктическим институтом (ныне Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт).

Одновременно были начаты наблюдения за приливами и отливами, за нарастанием толщины льда и снега. Г. Я. Седов прежде всего занялся определением астрономического пункта. Затем стал осваивать езду на собачьих упряжках. 2 октября он предпринял первое недалекое путешествие по окрестностям. Через два дня Визе, Павлов и Шестаков направились к полуострову Адмиралтейства, но поблизости от Архангельской губы лед под

---

²⁵ Визе В. Ю. Метеорологические наблюдения полярной экспедиции Г. Я. Седова. Л.: Изд-во Всесоюз. Аркт. ин-та, 1931, ч. 1, с. 8.

²⁶ Там же, с. 9.

ними проломился. Провизия оказалась подмоченной, и ученым пришлось возвращаться на борт «Св. Фоки».

Наступление полярной ночи заставило путешественников ограничиться походами по бухте Св. Фоки. Но уже в начале декабря стали разрабатывать планы весенних путешествий. 21 декабря 1912 г. Г. Я. Седов предпринял на собачьих упряжках путешествие к мысу Литке, находившемуся примерно на расстоянии 150 верст от места зимовки. Целую неделю он с двумя провожаемыми скитался полярной ночью по берегам Новой Земли и определял астрономическими наблюдениями положение приметных мысов, гор и прибрежных небольших островов.

6 февраля 1913 г. сквозь пургу неожиданно пробился солнечный луч. «Солнце взошло,— писал Н. В. Пинегин.— Наступает время, когда мы можем наконец приступить к работе в полном объеме. Мы готовы к ней. Перед каждым непочатый край дела. Новая Земля почти неизвестна в этой части; местности, где ступала нога человека, все наперечет, и этих мест чрезвычайно мало. За высокой линией восточного горизонта скрыта загадка Новой Земли. Что там? Отдельные ли фирновые поля, как на Шпицбергене, или же ледяной покров, как в Гренландии и на Антарктическом материке? Мы уже теперь склонны думать, что вся земля погребена льдом, но это нужно доказать. Наука не верит поверхностным наблюдениям. И мы чувствуем силу, необходимую для исследований. Осенние экскурсии дали опыт и показали чрезвычайную важность всех, на первый взгляд ничтожных мелочей снаряжения. Мы способны были часами обсуждать разницу в несколько граммов суточной провизии или посвящать целое заседание усовершенствованию укупорки саней»²⁷.

5 марта географ В. Ю. Визе и геолог М. А. Павлов отправились обследовать подъем на Новоземельский ледник, который они собирались пересечь с запада на восток и с востока на запад. Поднимались на ледник без особого труда. Сначала прошли по моренам, а затем ступили на лед, пересеченный тысячами трещин. Вскоре путешественники отправились в глубь острова. Шли двумя партиями. Визе с матросом Коноплевым, а геолог Павлов с матросом Линником. Нарты легко скользили по

---

²⁷ Пинегин Н. В. В ледяных просторах, с. 89.

плотному снегу. Надо было только следить за тем, чтобы не угодить в пропасть. Ледник был перерезан многими опасными трещинами. То и дело приходилось делать дальние зигзаги, чтобы обойти разрывы в леднике, прикрытые сверху ненадежными снежными мостами.

Однажды Визе и Павлов, разведывая путь, так увлеклись спором о характере оледенения Новой Земли, что совершенно забыли о трещинах. «В это время,— вспоминал Визе,— я обернулся, чтоб взглянуть, далеко ли мы отошли от нарт, оставленных на месте ночлега. Убедившись, что мы отошли еще недостаточно, я хотел продолжать еще путь, но, к моему удивлению, я не увидел Павлова. На том месте, где он стоял, виднелось в снегу круглое отверстие. С большим беспокойством я подошел к трещине. Заглянул в отверстие и увидел казавшуюся бездонной синюю пропасть шириной аршина в два. „Михаил, ты ушибся?“ — крикнул я в трещину, в которой должен был находиться Павлов, но которого я не мог увидеть в голубом мраке трещины.— „Нет!“ — донесся до меня глухой, точно из подземелья, голос. На сердце у меня сразу отлегло: жив! — „Ты глубоко упал?“ — „Да. И теперь я убедился, что это не снежник, а глетчер!“.— Я предоставил Михаилу заниматься исследованиями глетчерного льда, правда вынужденными, а сам побежал за Коноплевым и за Линником, спутником Павлова, чтобы общими усилиями вытащить его из трещины»²⁸.

Вскоре Визе пригнал к трещине две собачьи упряжки. Снял с них веревку и бросил в провал. Ее длина была слишком мала, чтобы достать Павлова. Привязали к ней еще один конец, затем другой. Наконец, Павлов, застрявший на глубине 16 м, схватил веревку. Он упирался одной ногой о снежный мост, а спиной о выступ ледяной стены. Много томительных минут потребовалось Павлову, очень ненадежно висевшему в трещине, чтобы обмотать себя одной рукой веревкой.

Операция по его спасению заняла около четырех часов. Выбравшись из трещины, геолог прежде всего заявил, что своего полета в голубую бездну никогда не забудет, что, между прочим, не помешало путешественникам заночевать у самого края трещины.

---

²⁸ Визе В. Ю. Перевалом через ледниковый покров Новой Земли. Л.: Госиздат, 1925, с. 11.

Ледник, под которым были погребены горы Новой Земли, поднимался все выше. Судя по показаниям барометра, высота на самом перевале составляла 913 м. Середина Новой Земли представляла собой огромное ледяное плоскогорье, искусно убранное снежными застругами, потом начался спуск к Карскому морю. Ледник обрывался отвесными уступами далеко от берега. Визе посчастливилось увидеть двух оленей и многочисленные следы песцов. Он предпринял поход в сторону мыса Желания, но, видя, что запасы продовольствия и корма приходят к концу, вернулся к месту зимовки. Вскоре на судно возвратился и геолог Павлов, которому пришлось в течение трех дней пережить бурю, застигшую его на перевале.

Поход через Новую Землю подтвердил еще ранее сделанный Рusanовым вывод о том, что северный остров покрыт единым ледником, подобным гренландскому. Его ширина на параллели полуострова Панкратьева составляла около 70 км. Следует особо отметить путешествие Г. Я. Седова к мысу Желания в сопровождении боцмана Инютина. Он взял с собой полуторамесячный запас продовольствия и необходимые для описи инструменты. Все это было погружено на единственную собачью упряжку. 1 апреля Седов оставил борт своего судна и направился в горы, среди которых возвышался хребет, названный экспедицией именем Ломоносова. Трудно было идти по ледникам, но еще тяжелее тащились люди и собаки по восторженному припаю. Через 20 дней Седов был у цели. Он тщательнейшим образом картировал северо-западные берега Новой Земли, в положении которых обнаружил и исправил немало погрешностей. Во время перехода путешественники обнаружили два креста, поставленных русскими поморами в давние времена. У такого креста, стоящего на мысе Желания, Седов выполнил серию астрономических определений и точно вычислил местоположение самой северной точки Новой Земли. Отсюда он предпринял путешествие на Карскую сторону, осмотрев на 30 верст восточное побережье острова на участке от мыса Желания до мыса Флиссингенского. После небольшого отдыха Седов и Инютин отправились на юг, к месту зимовки «Св. Фоки».

«На обратном пути, — писал Г. Я. Седов в дневнике, — жизнь наша была трудна, больше того — мучительна, ужасна.

Я опишу одно происшествие.

Сильным ветром оторвало от берега лед и унесло в море. Образовалась огромная полынья. Под влиянием мороза она покрылась тонким слоем льда, в полтора-два вершка. Так как нам деваться было некуда — направо открытое море, налево неприступные обрывы ледника, — я решил идти вперед по этому тонкому льду. Приказал матросу с собаками идти точно по моим следам.

Медленно и осторожно я пошел, следя, как расходится по кругам тонкий лед.

Уже прошел самое опасное место, вдруг слышу крик. Вижу — матрос провалился около нарты и барахтается, ломая лед. Я пополз к нарте по льду, чтобы снять хронометры, документы с дневниками и ружье с патронами, но тоже провалился.

Дул резкий ветер. Подобравшись к собакам, мы вцепились в постромки. Я крикнул „п-р-р-р“, и нарта вышла на лед. Мы имели вид сосулек. Бегом пустились в путь. Пока добрались до мыса Медвежьего, окоченели совершенно.

Два дня сушили одежду, провизию и снаряжение. Подмокли остатки сухарей, растаял сахар, погибли все фотопленки, как снятые, так и неиспользованные»²⁹.

Остатков продовольствия Седову и Инютину не хватило на обратный путь. Пищу себе и корм собакам пришлось добывать охотой. Потом кончился керосин. В дополнение ко всему Седов обморозил руки и лицо. Только 27 мая они возвратились на борт «Св. Фоки», где уже давно товарищи по экспедиции беспокоились за судьбу путешественников. Г. Я. Седов составил более точную, более совершенную карту северо-западных, северных и северо-восточных берегов Новой Земли. Экспедицией была собрана богатая геологическая коллекция.

Ледовый плен «Св. Фоки» продолжался 352 дня. Лишь 25 августа 1913 г. судно смогло направиться к северу и спустя шесть дней достигло Земли Франца-Иосифа у мыса Флоры. Экспедиция осталась на вторую зимовку в бухте Тихой. Отсюда 2 февраля 1914 г. больной Седов направился на собачьих упряжках к Северному полюсу. Через 18 дней он скончался на подходе к острову Ру-

---

²⁹ Цит. по кн.: *Пинегин Н. В.* Георгий Седов, М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1953, с. 251—252.

дольфа. Г. Я. Седов не достиг Северного полюса, но его экспедиция явилась важным звеном в исследовании Новой Земли. Гидрографические исследования, благодаря которым мореплаватели получили более достоверные данные о конфигурации берегов северной части Новой Земли, использовались во многих советских лодках.

Ученые экспедиции уточнили картину геологического строения Новой Земли и первыми пересекли ее ледник между 75-й и 76-й параллелями. Особую ценность имели метеорологические измерения, которые и сегодня служат науке. В тот самый год, когда экспедиция Г. Я. Седова отправилась от полуострова Панкратьева к Земле Франца-Иосифа, академик Михаил Александрович Рыкачев предложил Академии наук основать в Маточкином Шаре аэрологическую станцию для изучения высоких слоев атмосферы. Много месяцев странствовал этот проект по различным правительственным инстанциям. Потом грянула война... Первая мировая. Проект был забыт, как была брошена на произвол судьбы и Новая Земля. О ней первыми вспомнили ученые, едва только с Севера был изгнан последний интервент. Но это уже новая эпоха — эпоха тщательного планомерного исследования не только Новой Земли, но и всего Севера Советской России.

А теперь подведем итоги.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История открытий и первых исследований Новой Земли, словно в зеркале, отразила основные черты изучения Севера России. Этот обширнейший арктический остров, по справедливости заслуживающий название архипелага, впервые был обретен русскими. С берегов Ильменя и Полисти, Шелони и Ладоги прошли россияне безбрежные леса и океаны снега, построили суда и на них обогнули сначала Новую Землю, а затем всю Сибирь — от Уральских гор до Амура, Сахалина, Камчатки и пролива, разделяющего Азию и Америку. Без этих многочисленных плаваний к Новой Земле немислимо было проложить и освоить в XV—XVI вв. путь сначала к Оби и Енисею, а потом до Лены, Индигирки, Колымы, Берингова пролива.

На протяжении многих столетий со дня открытия Новой Земли основными обладателями ее являлись русские промышленники, как в старину называли поморов, занимавшихся добычей зверя и рыбы на полярных островах и в арктических водах. Именно этим смелым и суровым людям обязаны своим спасением многочисленные отечественные и зарубежные экспедиции: вряд ли возвратились бы на родину голландцы, зимовавшие в 1596—1597 гг. в Ледяной гавани, и австрийцы, бросившие во льдах свой «Теттгоф», и больной Розмыслов со своими полуживыми спутниками, и Петр Пахтусов, судно которого было раздавлено льдами.

Вечную признательность потомков заслужили безымянные первопроходцы Новой Земли. Но многие имена история сохранила. Дела таких ее исследователей, как Виллем Баренц, Петр Пахтусов и Владимир Русанов, принадлежат к числу самых ярких страниц летописи познания Арктики.

Издавна россияне рассматривали Новую Землю как ключ к Северному морскому пути. Не случайно, что с проектом исследования Новой Земли ученые и моряки связывали мечты о новом освоении забытых морских путей к сибирским рекам и к Берингову проливу. Замечательно, что именно один из самых ревностных исследователей Новой Земли, Владимир Александрович Русанов наметил пути изучения и освоения национальных морских путей через ледовитые моря. Разработанная им программа изучения Арктики нашла воплощение в первых мероприятиях Советского государства по освоению Русского Севера. Русанов был первым ученым, который обошел все берега Новой Земли и составил самую достоверную карту этого двойного острова. Экспедициями Русанова и путешествиями Г. Я. Седова завершается эпоха открытий и первых исследований Новой Земли.

Ни Русанову, ни Седову не довелось быть свидетелями нового этапа в освоении Новой Земли, который начался после победы Великой Октябрьской социалистической революции. В настоящее время в различных районах острова, от Карских Ворот до мыса Желания, сооружены полярные станции. Они несут свою нелегкую и очень необходимую науке и отечеству вахту, продолжая великое дело предшествующих поколений открывателей и исследователей Новой Земли.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Первые плавания к Новой Земле	6
Первые исследования	39
Открытие восточного берега Новой Земли . .	81
Ученые на Новой Земле	114
Сердца подвиг благородный	159
Заключение	191

Василий Михайлович Пасецкий

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ НОВОЙ ЗЕМЛИ

Утверждено к печати редколлегией
серии научно-популярных изданий АН СССР

Редактор издательства Л. И. Приходько
Художник Б. Е. Захаров.
Художественный редактор Ю. П. Трапакоз
Технический редактор Н. Н. Плохова
Корректоры О. В. Лаврова, В. А. Шварцер

ИБ № 15311

Сдано в набор 3.12.79. Подписано к печати 31.03.80. Т-03989. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 10,08. Уч.-изд. л. 10,9.
Тираж 100 000 экз. Тип. зак. 2554. Цена 30 коп.

Издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я тип. издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ
КНИГА:**

**СЕМЕНОВ Л. С. Путешествие
Афанасия Никитина.—М.: Наука,
8,5 л. 30 к.**

Записки выдающегося русско-го путешественника Афанасия Никитина, пять столетий назад посетившего Индию, переведены на многие языки мира и издавна привлекают внимание писателей и ученых. Автору, долгое время работавшему в Индии, удалось по-новому интерпретировать замечательный памятник древнерусской культуры. Сопоставляя русские летописи и индийские хроники с записками А. Никитина, автор устанавливает новые хронологические рамки «Хождения за три моря», уточняет маршрут путешествия.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Заказы просим направлять по адресу:
МОСКВА В-164, Мичуринский проспект 12, магазин «Книга — почтой»

Центральной конторы «Академкнига»: ЛЕНИНГРАД П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига».

Адреса магазинов «Академкнига»:

480391 **Алма-Ата**, ул. Фурманова, 91/97;
370005 **Баку**, ул. Джапаридзе, 13;
320005 **Днепропетровск**, проспект Гагарина, 24; 734001 **Душанбе**, проспект Ленина, 95; 375009 **Ереван**, ул. Туманяна, 31; 664033 **Иркутск** 33, ул. Лермонтова, 303; 252030 **Киев**, ул. Ленина, 42; 277012 **Кишинев**, ул. Пушкина, 31; 443002 **Куйбышев**, проспект Ленина, 2; 192104 **Ленинград** Д-120, Литейный проспект, 57; 199164 **Ленинград**, Менделеевская линия, 1; 199004 **Ленинград**, 9 линия, 16; 103009 **Москва**, ул. Горького, 8; 117312 **Москва**, ул. Вавилова, 55/7; 630076 **Новосибирск**, Красный проспект, 51; 630090 **Новосибирск**, Академгородок, Морской проспект, 22; 700029 **Ташкент**, Л-29, ул. Ленина, 73; 700100 **Ташкент**, ул. Шота Руставели, 43; 634050 **Томск**, наб. реки Ушайки, 18; 450075 **Уфа**, Коммунистическая ул., 49; 450075 **Уфа**, проспект Октября, 129; 720001 **Фрунзе**, бульвар Дзержинского, 42; 310003 **Харьков**, Уфимский пер., 4/6.